Д. А. Левчик

Бастующая Россия. Шахтерские забастовочные комитеты и профсоюзы 1988–1995 гг.

Монография

DirectMEDIA
Москва
Берлин
2020

УДК 331.109.32
ББК 66.72(2Рос),4

Левчик, Д. А.

Л34 Бастующая Россия. Шахтерские забастовочные комитеты и профсоюзы 1988–1995 гг. : монография / Д. А. Левчик. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 212 с.

ISBN 978-5-4499-1650-1

В монографии анализируется история забастовочного и профсоюзного движения в России в 1988–1995 гг. Автор, доктор исторических наук, политтехнолог консультировал независимый профсоюз горняков России (1992) и Росуглепрофсоюз (1993–1995). Автор был инициатором создания и членом исполкома движения «Шахтеры России».

В работе впервые описаны феномены забастовки без сформулированных требований и «кумулятивный эффект» забастовок. Впервые введено понятие «шпильбрехер» для изучения «разрушителя» забастовочного движения, ставится вопрос об источниках финансирования забастовок. В работе анализируется имиджбилдинг движения «Шахтеры России» (1994–1995) — уникальная политтехнологическая разработка, не подлежавшая в момент создания огласке.

Главный вывод книги: трансформирующаяся номенклатура СССР в ходе перестройки решая свои экономические и политические задачи, нарушая права рабочих «втиснула» забастовочное движение в рамки «новых» профсоюзов.

УДК 331.109.32
ББК 66.72(2Рос),4

ISBN 978-5-4499-1650-1
© Левчик Д. А., текст, 2020
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2020

Введение

Забастовка, социально-трудовой конфликт, сознательное нарушение работниками обычного трудового процесса, а также прекращение работы, с целью изменения условий производства или производственных отношений, стала неотъемлемым атрибутом российской политики и социальной жизни. В предлагаемой Вашему вниманию монографии мы обратимся к анализу забастовок в России.

В забастовку «ложатся». Ее не начинают. Именно этот термин из арго бастующих шахтеров я буду использовать в предлагаемой Вашему вниманию книге для обозначения такого явления как проведение забастовки. «Лечь в забастовку» означает начать забастовку.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1988–1995 годами. Первая дата связана с тем, что в 1988 году в нашей стране начались массовые забастовки в шахтерских регионах. Кроме того, в тот год произошел перелом не менее великий, нежели тот, что был в конце 20-х годов. Новый «год великого перелома». Почему?

1. К этому году в стране сложилась широкая антикоммунистическая и антигорбачевская оппозиция;

2. Начались необратимые негативные последствия в экономике страны;

3. «Взорвалась» «национальная бомба», расширилась эскалация насилия в республиках советской Средней Азии, на Кавказе и в Прибалтике;

4. Антисоциалистическая идеология стала ведущей в идейно-политических спорах;

5. Началась клерикализация общественно-политической жизни страны, начало которой было ознаменовано широким государственным празднованием 1000-летия крещения Руси;

6. Именно в тот год, на наш взгляд, лидер перестройки, М. С. Горбачев сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране, став в дополнение к своей должности Генерального секретаря КПСС еще и Председателем Президиума Верховного Совета СССР;

7. В 1988 году в СМИ были опубликованы все основные элементы популистско-демократической программы перестройки нашего общества, то есть той программы, которая впоследствии и была воплощена в жизнь.

На наш взгляд, все эти события позволяют считать обоснованным первую хронологическую границу нашего исследования.

Вторая хронологическая граница исследования — 1995 год. В том году властями было практически покончено с массовым забастовочным движением. Кроме того, в тот год:

1. В России изменился характер партийного строительства;

2. Был осуществлен временный переход от выборов к назначению глав региональной исполнительной власти.

3. Началось наступление этатизма в форме призывов к «восстановлению управляемости страной»;

4. Радикальные демократы были вытеснены из политики, высший орган государственной власти, Парламент, стал почти целиком коммунистическим;

5. Большинство СМИ попало под жесткий контроль, как политический, так и финансовый.

Все вышеизложенное позволяет считать обоснованными хронологические рамки исследования — 1988–1993 гг.

Забастовки можно классифицировать по отношению к процессу производства на открытые — с прекращением работы, и латентные, скрытые — с продолжением работы. Забастовки различаются также по масштабу, по продолжительности, по степени конфликтности (с радикальным дополнительным конфликтом, например, голодовкой или без нее) и, наконец, по содержанию основного конфликта (по характеру отношений к работодателю — конфликт по вопросу о заключении коллективного договора или политический конфликт). Можно разделить забастовки по характеру забастовочной инициативы на рабочие, где инициатива конфликта исходит от рабочих, и «директорские» (пишу в кавычках, потому, что в данном случае трудовой коллектив «укладывается» в ненужную ему забастовку, выступает как инструмент решения «директорских» проблем). При этом первые можно

разделить на забастовки рабочих основного производства и забастовки вспомогательного персонала.

Забастовка может трансформироваться в митинг, в голодовку, а также в другие формы протеста. Формы самой забастовки также могут изменяться.

Зачастую российская читающая публика считает, что рабочие бастуют «сами по себе». Очень редко вспоминают об органах управления забастовкой: забастовочных комитетах и профсоюзах. Но именно эти структуры являются главным предметом нашего исследования.

Что представляли собой российские профобъединения в изучаемый период? В то время в России действовало огромное количество организаций, которые называли себя профсоюзами, но на деле таковыми не являлись. Это, во-первых, «профсоюзы» системы Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), остатки расколовшегося в 1990–91 гг. по национально-республиканскому признаку Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), по сути, — ассоциация заместителей директоров по кадрам и быту. Главное, что отличало эту организацию от профсоюза — то, что ее членом мог быть директор предприятия, человек, осуществляющий функцию найма работников, фактически работодатель. ФНПР объединяла в себе работников не по признаку профессии, а по признаку принадлежности к отрасли. В рамках этой системы все сотрудники какой-либо отрасли — от министра до уборщицы, были членами одного профсоюза. Кроме того, ФНПР осуществляла свою деятельность не на профсоюзные взносы, а за счет своей коммерческой деятельности. Соответственно главной целью ФНПР было не защита наемного работника, а извлечение прибыли из своего имущества. ФНПР участвовала в управлении производством и организовывала профраспродажи. До 1992 года она управляла фондом социального страхования. Таким образом, ФНПР выполняла также функции работодателя, торговой организации и страховой фирмы. Структурно ФНПР была жестко централизована. При этом, как у наследницы ВЦСПС, в ней автоматически числились 40 миллионов трудящихся. В монографии я именую ФНПР псевдопрофсоюзом, ложным профсоюзом.

Во-вторых, в конце 1992 г. и в 1993 г. рабочие бастовавших в конце 80-х — начале 90-х предприятий были вынуждены начать трансформацию забасткомов в т. н. «свободные» профсоюзы, альтернативные системе ФНПР. Это были организации, которые пытались стать профсоюзами в западноевропейском смысле этого слова, то есть стать представителями трудящихся на рынке труда, организованными торговцами рабочей силой. Самые известные альтернативные профсоюзы того времени: независимый профсоюз горняков России (НПГР), Российский профсоюз работников локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ), федерация профсоюзов авиационных диспетчеров (ФПАД), «Соцпроф». Главными задачами этих профсоюзов должны были стать проблемы заключения коллективного договора работников с работодателями и тарифного соглашения, согласно которому работникам осуществляются выплаты зарплаты. Эти профсоюзы попытались отказаться от традиционных функций советских профсоюзов — участия в управлении производством и распределении. Они отказались от профраспродаж и социального страхования. Членом таких профсоюзов не мог быть работодатель. Структура новых профсоюзов стала более демократична. Новые профсоюзы были, как правило, федерациями или конфедерациями (яркий пример — Российская конфедерация свободных профсоюзов (РКСП)). Но в 1992–93 гг. таких объединений было очень мало. По подсчетам Учебно-исследовательского центра Московской федерации профсоюзов — примерно семьдесят. К 1993 году официально зарегистрировались двадцать пять. Общее число членов — около 350 тысяч. Мы считаем профсоюзы подобного рода протопрофсоюзами, профсоюзами, которые еще «не встали на ноги».

В-третьих, в России действовали предпринимательские «профсоюзы». Формально являясь профсоюзами больше, чем ФНПР, объединения предпринимателей шокировали специалистов по теории и практике профсоюзного движения своей смелой попыткой «стереть грань» между рабочим и работодателем (вплоть до попыток проведения забастовок кооператоров). Всего предпринимательских «профсоюзов» насчитывалось примерно десять. Наибольшую известность получили Объединенный профсоюз трудящихся кооператив-

ных предприятий (ОПТКП), Российский профсоюз работников среднего и малого бизнеса (РПРСМБ) и «Единение». На практике развитие предпринимательского «профсоюзного» движения означало использование профсоюзного законодательства России для защиты мелкого предпринимателя от государственного рэкета, немыслимых налогов и всевозможных поборов. Дело в том, что профсоюзное законодательство тех лет позволяло, например, не предоставлять налоговым службам данных о профсоюзных фондах. И в этих фондах скрывать прибыль. В то время возбудить уголовное дело против лидера общероссийского профсоюза мог только генеральный прокурор России. Достаточно было зарегистрировать общероссийское профобъединение хотя бы из нескольких членов (а оно регистрировалось в заявительном порядке), стать его лидером, и ты — недосягаем для районных, городских и областных прокуроров. Профсоюзное законодательство позволяло не платить налог на фонд зарплаты. Достаточно было оформить всех трудящихся на предприятии как получающих минимальную зарплату (с нее налог не взимается), а реальные выплаты производить через «профсоюзные пособия», налоги с которых тоже не платятся и т. п. Предпринимательские «профсоюзы» в исследовании называются псевдопрофсоюзы.

Современная история России знает еще несколько оригинальных профсоюзных объединений (условно назовем их имитативными профсоюзами), созданных, в значительной мере, ради рекламы и саморекламы. Это попытка создания профсоюза фотомоделей и манекенщиц (москвичам, несомненно, памятна демонстрация этого «профсоюза» под лозунгом «Модели не для постели!»), а также создание женского профобъединения «Россиянка» (лидер В. Серышева, «бабушка российского альтернативного профдвижения»), при создании которого сделана попытка воплотить в жизнь мечту всех проффемисток — создать профсоюз работниц с «мужской» секцией по типу существования «женских» секций в традиционно «мужских» профсоюзах.

Таким образом, на наш взгляд, в профсоюзном движении России в начале 90-х действовали псевдопрофсоюзы, протопрофсоюзы и имитативные профсоюзы. Настоящих профсоюзов

не было. Да и откуда они могли взяться?! Профсоюзы могут существовать только в условиях рынка труда. А в России в начале 90-х, до завершения массовой приватизации единственным реальным покупателем рабочей силы было государство. Рынок с одним покупателем — не рынок.

Целью нашего исследования является изучение исторического опыта возникновения и развития забастовочных комитетов в условиях кризиса и краха советской общественно-политической системы и становления новых общественно-политических отношений на территории нашей страны. Забастовки рассматриваются нами под углом зрения проблем зарождения несистемных элементов гражданского общества в процессе становления демократических институтов трансформирующейся России. Сложность такого подхода заключается в том, что приходится изучать элементы явления (гражданского общества), которое, по мнению большинства обществоведов, как система пока не существует в России.

Я не собираюсь демонизировать или апологетизировать забастовочное и профсоюзное движение. Свою исследовательскую цель я вижу в том, чтобы показать забастовку, забастком и профсоюз такими, какие они есть на самом деле, с достоинствами и недостатками, без преклонения перед рабочим классом или принижения его роли.

Задачами исследования является изучение:

1. Социально-экономических и политических условий возникновения первых забастовочных комитетов в России;

2. Эволюции структур и функций забастовочных комитетов;

3. Развития межличностных взаимоотношений между активистами внутри забастовочных комитетов;

4. Субординационных и иерархических связей забастовочных комитетов, то есть системы взаимодействия этих органов с аналогичными структурами, и системы подчиненности этих органов;

5. Трансформации забастовочных комитетов по мере изменения исторических условий;

6. Социально-психологического состояния актива забастовочных комитетов.

Для решения этих задач, на наш взгляд, необходимо решить следующие подзадачи:

1. Проанализировать требования бастующих и их представление о рыночном обществе;
2. Проанализировать алгоритм развития забастовок;
3. Изучить финансирование забасткомов;
4. Изучить функции забасткома (на примере объединенного забасткома производственного объединения «Севуралбокситруда» (ОЗК ПО СУБР));
5. Изучить методы борьбы формирующейся буржуазии с забастовками;
6. Изучить ход трансформации забасткома и превращения его в профсоюз;
7. Изучить конкретную модель «политотдела» профсоюза (формирование движения «Шахтеры России»).

Впервые я столкнулся с профсоюзным и забастовочным движением в январе 1990 г., когда забастовали архивисты г. Тулы и я (тогда аспирант института всеобщей истории и преподаватель историко-архивного института) собирал деньги в поддержку забасткома архивистов. В мою бытность народным депутатом Красногвардейского райсовета г. Москвы, в 1992 г., я столкнулся с забастовками школ, детских садов и поликлиник. Также мне довелось заведовать отделом международных связей и общественных отношений независимого профсоюза горняков России, консультировать объединенный профсоюз трудящихся кооперативных предприятий, ЦК российского профсоюза работников среднего и малого бизнеса, входить в комиссию исполкома московской организации социал-демократической партии России по связям с профсоюзами, некоторое время быть членом штаба поддержки федерации профсоюзов авиадиспетчеров России (в период подготовки этого профсоюза к осенней забастовке 1992 г.), консультировать Росуглепрофсоюз и быть членом исполкома движения «Шахтеры России» (1995 г.). Материалы этих профсоюзов, отложившиеся в моем личном архиве, стали важной частью источниковой базы работы, предлагаемой вашему вниманию. В конце 1994 — начале 1995 гг. я работал руководителем аналитической группы в Национальной информационной корпорации (НИКО) — аналитической структуре корпорации

«Олби». Материалы корпорации также использованы в этой книге. В качестве специалиста-политтехнолога я работал агентствах политконсалтинга «Николо М», «Политика», «ИМА-консалтинг», а также в службе избирательных кампаний и кадровых рекомендаций СДПР. В книге я использую материалы и этих структур. Эти материалы содержат, в основном, социологическую и политологическую информацию о выборах, электоральной активности населения и предвыборном положении в 18 регионах страны в 1992–2003 гг. Данные материалы использовались мною для изучения электоральной стратегии и тактики активистов забасткомов, а также как иллюстративный материал.

Важнейшей частью источниковой базы исследования является личный фонд лидера объединенного забастовочного комитета производственного объединения «Севуралбокситруда» (ОЗК ПО СУБР) В. Чезганова, который он мне подарил в 1993 г.

Фонд содержит материалы о деятельности забастовочного комитета ПО СУБР в 1991–1992 гг., о развитии забастовочного движения в Североуральске и становлении в этом городе Независимого профсоюза горняков. В файлах ОЗК ПО СУБР содержатся уставные документы Независимого профсоюза горняков России (НПГР), программные документы бастующих, например, принципы отношений с различными организациями, а также проекты положений и предложения о создании нереализованных форм объединений шахтеров. В нашей источниковой базе содержатся обращения, требования и заявления бастующих (часто в форме листовок). Кроме того, отложились резолюции, решения и постановления организаций, создаваемых бастующими рабочими (ОЗК, общегородского митинга и т. п.), а также телеграммы и письма, приходившие в ОЗК и отправляемые им. Самым массовым типом документов фонда являются протоколы сменных собраний бастующих шахтеров и протоколы заседаний ОЗК. Отложились в материалах забасткома и приказы дирекции ПО, изданные в период забастовок и непосредственно после них, а также тарифные соглашения горняков и администрации.

Самым интересным, на наш взгляд, документом следует признать дневник забасткома, в котором фиксировались пара-

метры забастовки — структурное подразделение, сколько человек, говоря на сленге шахтеров, «легло в забастовку», то есть забастовало, каковы основные требования бастующих, что происходило в ходе стачки. Дневник забасткома был документом «внутреннего пользования». Его данные не предназначались для печати или публичного оглашения, поэтому в нем много данных, противоречащих публичным заявлениям и листовкам ОЗК, что повышает ценность информации дневника и делает его, на наш взгляд, одним из главных достоверных источников по истории ОЗК ПО СУБР.

Кроме того, в фонде есть материалы профсоюзов, в основном, аналитические записки, решения и постановления высших органов профсоюзов, политические декларации профсоюзов, протоколы заседаний различных органов профсоюзов.

Много интересных данных для нашего исследования подчеркнуто из «неформальной» периодики. «Неформальная» пресса была особым культурно-политическим феноменом конца 80-х — начала 90-х годов. Это были незарегистрированные официально или учрежденные создаваемыми в конце 80-х-начале 90-х годов общественными объединениями газеты и журналы. На ней слабо сказывалось влияние прямой государственной цензуры, поэтому ее сообщения (например, о забастовках) зачастую были более информативны и достоверны, нежели сообщения официальных органов. В монографии использовались материалы трехсот изданий «неформальной» прессы.

В настоящем исследовании мы опирались и на материалы, опубликованные на страницах «леворадикальных» газет. В нашем случае к таковым можно причислить двадцать восемь наименований газет. Это — газеты, издаваемые в 1988–1993 гг. анархистскими организациями, такими, как Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), Союз анархистов, Анархо-коммунистический революционный союз (АКРС), Ассоциация движений анархистов (АДА), Анархо-синдикалистская свободная ассоциация (АССА), Комитет за рабочую демократию и социализм, Марксистская рабочая партия, Движение за создание революционной рабочей партии, Товарищество социалистов-народников и Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС).

Последняя — лидер среди издателей «левой» прессы. Мною использовалась информация двенадцать изданий Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани и Харькова, принадлежавших этой группе.

«Левые» группы в исследуемое время были небольшие и, как правило, молодежные. Они были совершенно мирными и не поддерживали террористическую тактику своих «праотцов». Многие из них (КАС, ИРЕАН, Товарищество социалистов-народников) были созданы молодыми историками, увлекавшимися анархизмом и народничеством как предметом своих исследований. Как большинство изданий того времени, газеты «левых» развивали на свой лад «возрожденческую» идеологию и по-своему «воевали со временем», пытаясь «переиграть», реинтерпретировать ход исторического процесса. Общеисторический вывод «левых» был таков — все беды России произошли потому, что в свое время граждане страны последовали за большевиками-ленинцами, а не за анархистами, эсерами и троцкистами. Если возвратиться в «исходную» историческую точку, признать ошибки и «исправиться», то можно вновь «найти верный путь» к процветанию, демократии и новому социализму. Преуспевали в изложении подобной концепции «A-S Инфо» (ИРЕАН), «Община» (КАС), «Интер-взгляд» (Комитет за рабочую демократию и социализм), «Трибуна» (Движение «Добрая воля»), «Революционная Россия» (Товарищество социалистов-народников). Не чужды были «левые» и традиционной для демократического движения апологетики западных взглядов. Правда, апологетизировались, в основном, современные западные анархисты, «зеленые» и троцкисты. Многие группировки (например, троцкистская группа Д. Мандела или шведские анархисты) восхвалялись, в том числе и по финансовым причинам, так как именно они были спонсорами ряда «левых» изданий. Такие взгляды причудливо сочетались с ретрансляцией общедемократической критики КПСС и частичной поддержкой Б. Ельцина и его окружения, что, естественно, еще дальше отдаляло «левых» конца 80-х — начала 90-х от исторических «прототипов».

Однако именно «левые» пытались уделять большое внимание забастовочной борьбе. Многие из них добросовестно собирали и публиковали информацию о стачечном движении

на страницах своих СМИ. Наиболее информативны в этом плане следующие издания: «Черное знамя» (газета анархистов), «Рабочая демократия» (газета троцкистов), «Рабочий», «Голос», «Информационный бюллетень КАС-КОР» (газеты анархо-синдикалистов), «Бюллетень левого информцентра», «Сообщает информационное рабочее агентство».

Интересны для нашего исследования и газеты социалистов и социал-демократов. Для написания книги нами использованы шестьдесят два социал-демократических и социалистических издания, то есть издания Социал-демократической партии России (СДПР), Российского социал-демократического центра (РСДЦ), Союза молодых социал-демократов (СМСД), блока «Новая Россия», Социалистической партии, а также социал-демократических партий и групп Украины, Белоруссии, Казахстана и Азербайджана выходивших в 1990–1993 гг. Самые известные газеты этого политического направления: «Новости социал-демократии», «Новая жизнь», «Альтернатива», «Сфера» (Саратов), «Республика» (Петрозаводск), «Вятский наблюдатель», «Московский социал-демократ», «Эсдек» (Санкт-Петербург). Многие газеты эсдеков тех лет пытались копировать идеологию и тактику правой западной социал-демократии, что часто оказывалось неприемлемым для России, точнее для российской социальной и электоральной базы социал-демократии. Кроме того, социал-демократические газеты в своем большинстве были настолько интегрированы в общедемократические СМИ, что подчас «теряли лицо», переставали отличаться от любой другой популистской демократической газеты. В этом газеты эсдеков были слепком партии, которая, несмотря на свое название, была скорее федерацией клубов городской гуманитарной интеллигенции, часть членов которых искренне желала стать социал-демократами, а часть, видимо, «играла» в социал-демократов. Но, несмотря на это, в конце 80-х — начале 90-х СДПР по праву могла считаться одной из ведущих демократических партий, связанной с забастовочным и профсоюзным движением. Еще на начальной, «клубной» стадии своего существования (1987–1990), социал-демократы, а тогда — члены клуба «Демократическая перестройка» и социал-демократического крыла Демократического союза установили контакты с бастующими

шахтерами, участвовали в работе первых шахтерских съездов, организации первых профсоюзов, альтернативных системе ВЦСПС. Эти контакты были отражены на страницах партийной прессы. Позже, после создания Социал-демократической ассоциации и партии, социал-демократы участвовали в создании профсоюза «Соцпроф», чьи газеты «Рабочее слово» и «Рабочая сила», относительно, регулярно освещали забастовочное движение.

Нерегулярно, но интересно освещалось развитие забастовочного движения в газетах «А и Б» (выходила в 1991 г.) и «Обозреватель» (1991–92 г.), отражавших мнение Социалистической партии (лидер — Б. Кагарлицкий). При работе над диссертацией автор пользовался материалами этих газет, с учетом проФНПРовской позиции лидеров Соцпартии и их полуприкрытой «игре в лейборизм», что нашло отражение даже в самом названии последнего издания.

Для изучения забастовочного движения 1992–93 гг. нам приходилось обращаться и к изданиям, излагающим прокоммунистическую позицию. Под прокоммунистической позицией мы понимаем в данном случае традиционалистскую, антигорбачевскую и антиельцинскую позицию. В политическом смысле это течение политической мысли охватывало широкий круг сторонников — от сторонников радикального сталинизма (членов движения «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы», общества Сталин, Всесоюзной коммунистической партии большевиков и большевистской платформы в КПСС) до умеренных почти (но почти!) реформистски настроенных коммунистов из Социалистической партии трудящихся.

На прокоммунистических позициях находились в 1990–91 годах и некоторые ведомственные газеты силовых министерств («Ситуация» (МВД СССР), «Российские милицейские ведомости» (МВД РСФСР)), что недвусмысленно подчеркивало отнюдь не реформистскую позицию их руководителей и давало гражданам СССР пищу для размышления о разногласиях внутри руководства страны.

Изучаемый период был весьма непростым для коммунистов. КПСС распадалась и разлагалась. Процесс дезинтеграции партии, в какой-то мере, инициировался ее руководством во главе с М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым. 1988 год фактиче-

ски положил начало открытой внутрипартийной дискуссии о характере и целях реорганизации советского общества. В 1989 были созданы первые прокоммунистические организации вне структур КПСС: Объединенный фронт трудящихся, Интерфронты, движение «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы». В 1990 произошел фракционный раскол партии, появились почти несовместимые по взглядам внутрипартийные платформы: большевистская, марксистская, демократическая. Были образованы КП РСФСР и движение «Трудовая Россия», руководство которых начало конфликтовать с М. С. Горбачевым. Все это, а также то, что в 1991 КПСС была запрещена, привело к «взрыву» неформального коммунистического партийного строительства. Возникли Российская коммунистическая рабочая партия (лидер В. Ампилов), Социалистическая партия трудящихся (лидер Р. Медведев), Партия социального прогресса, Союз молодых коммунистов, Российская партия коммунистов, СКП-КПСС, партия «Левая Россия» и ряд других прокоммунистических объединений. Это же привело к созданию новой партийной периодики. При работе над книгой использованы материалы сорока трех неформальных, неофициальных прокоммунистических изданий 1989–93 гг. Среди них федеральных — 16. Наиболее информативные для нашего исследования: «Гласность», «Воля», «Политика», «Народная правда» и «Наша Россия». Использованы также материалы московских и ленинградских коммунистических газет (всего — 3 наименования), а также 20 наименований фракционных коммунистических партийных газет, в том числе газеты сталинистов («Борьба», «За Родину! За Сталина!», «Большевик»), газеты коммунистической инициативы («Наш выбор» (Нижний Новгород) и «Бумбараш»). Привлечены материалы 5 газет Российской коммунистической рабочей партии (РКРП), наиболее информативные среди которых «Комментатор», «Трудовая Россия» и «Молния».

Развитию забастовочного и профсоюзного движения уделяли внимание также печатные органы Социалистической партии трудящихся («Левая газета» и «Красная гвоздика»), Объединенного фронта трудящихся («Что делать» и «Контраргументы и факты»), Российской партии коммунистов («Российская правда»), Союза молодых коммунистов,

а также СКП-КПСС. Естественно, перечисленные выше издания содержат информацию не только о развитии забастовочного движения, но и о взаимоотношениях активистов движений и активистов компартий.

Мною были изучены газеты профсоюзов, альтернативных системе ВЦСПС-ФНПР: «Независимость», «Соцпроф», «Защита», НПГ России, ПОАТ. Это профсоюзы, построенные в значительной мере на основе забастовочных комитетов, а потому много и охотно печатавших материалы о забастовочном движении. Привлекались к работе двадцать восемь наименований профсоюзной прессы, не принадлежащей системе ВЦСПС-ФНПР, а также газеты типологически близкие к альтернативным профсоюзам организациям — газеты Советов трудовых коллективов (СТК) Москвы и Кузбасса, Совета рабочих Ленинграда, Совета за народную приватизацию, Воркутинского городского рабочего стачечного комитета, студенческих профсоюзов, НПГ Белоруссии и Независимого профсоюза машинистов Украины.

Использовали мы и прессу ФНПР (тринадцать изданий), которая всегда сообщала об удачных акциях этой организации. Самые информативные для нашего исследования газеты это: «Солидарность», «Пролог», «На-гора», «Шахтерский вестник» и «Донецкий рабочий». Эти издания иногда подробно рассказывали о ходе шахтерских стачек.

Однако, говоря о прессе, мы вынуждены констатировать, что далеко не всегда можно доверять ее информации. В 1990–93 гг. нам доводилось быть главным редактором региональной и партийной газеты и чувствовать «на себе» диктат заказчиков, спонсоров и учредителей, видеть, что творческие приемы части журналистов подчас неотличимы от мистификации. В газетах конца 80-х-начала 90-х редко встречаются корректные ссылки на источник информации. Большинство газетных и журнальных статей о забасткомах несут на себе отпечаток экспертократического подхода. То есть представители СМИ пытаются выступить экспертами по описываемой проблеме, навязать свои политические взгляды и читателям, и представителям протестующих территориальных сообществ и коллективов. Во многих статьях звучит назидательный тон и прослеживается стремление журналистов рассказать читате-

лям о том «как надо» создавать профсоюзы или забасткомы. В большинстве газетных заметок о забасткомах «не слышно» голоса рабочих. Редко приводятся тексты документов бастующих. Преувеличиваются успехи той политической силы, от которой зависит СМИ. Поэтому сообщения прессы мы считаем скорее достоверным источником для изучения роли союзников бастующих — журналистов и представителей политических партий, но не всегда достоверным источником по истории развития забастовочного и профсоюзного движения.

В качестве одного из важных исторических источников, который привлекался для исследования, являлись опубликованные материалы статистического учета и другие статистические материалы. Тщательный учет потерь от забастовок, как и учет общей динамики забастовочного процесса в нашей стране налажен лишь с 1991 года. Это не позволяет тщательно анализировать ход забастовочного движения до начала 90-х. Более поздние статистические данные позволяют судить о динамике производственных протестных выступлений. Однако остается неизвестной методика получения и обработки социологических данных о забастовках Госкомстатом СССР и РСФСР, что снижает степень нашего доверия этим данным. Но уже на эти данные показывают, что до 1992 г. шел относительный и абсолютный рост забастовочного движения, а в 1992–1993 гг. наблюдался спад забастовочной борьбы.

Для исследования использовался и такой источник информации как результаты социологических исследований, в первую очередь — материалы опросов и фокус-групп. Назовем условно такие исторические источники историко-социологическими. При написании работы использовались результаты социологических опросов, опубликованных в сборнике «Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы» и вышедшей под редакцией Г. Осипова книге «Реформирование России: мифы и реальность». Привлекались также социологические материалы из сборника документов «Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, не тот ли это путь?»[1].

---

[1] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994; Шахтерское

Мне довелось и самому проводить социологические опросы среди участников и организаторов забастовок. В 1992 г. я провел опрос членов Совета представителей НПГ. При этом я столкнулся с неискренностью ряда респондентов. Представители Кузбасса были настроены недоброжелательно к руководству профсоюза (выходцам из Воркуты) и нанятому им аппарату профсоюза. Интервьюеров они воспринимали как часть аппарата, поэтому давали неверную информацию о численности своей организации и ее возможностях.

В 1992 г., нами проведен опрос среди делегатов IV съезда СДПР, который состоялся в июне 1992 г. в г. Москве и г. Люберцы, Московской области. Нам удалось опросить 65 делегатов съезда из 120. Они представляли 44 территориальные организации партии из 105, существовавших в то время. В этих организациях состояло 1984 члена партии из 3,5 тыс. членов СДПР.

В последнее время достоверность результатов, полученных в ходе опросов, подвергается резкой и вполне обоснованной критике. Критики убедительно показали, что на результаты опросов влияет наличие у опрашиваемого мнения о проблеме, которой его спрашивают. Влияет, степень адекватности восприятия вопроса респондентом. И, наконец, влияет наличие в вопросе установки на ответ. Здесь вполне уместно вспомнить и о феномене массового сознания, обозначенном германским исследователем Э. Ноэль-Нойманн как «спираль молчания»[2]. Суть этой концепции состоит в том, что, испытывая генетический страх перед угрозой социальной изоляции, люди охотно и открыто высказывают ту точку зрения, которая по их представлениям, доминирует в их социальном окружении, и, таким образом, усиливают ее, и, напротив, «замолкают» в том случае, если их убеждения и взгляды, по их представлениям, оказываются в меньшинстве, хотя объективно это может быть и не так. Понятно, что во втором случае позиция предполагаемого меньшинства ослабевает и в итоге сходит на нет, попадая в «молчанье». Особенно сильно эффект «спирали молчания» действует в условиях социальной дезинтеграции

движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1–2.; Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, не тот ли это путь? / М., Профиздат, 1989.

[2] https://socioline.ru/pages/elizabet-noel-nojman-spiral-molchaniya.

общественных структур, то есть именно в такие периоды, которые переживала наша страна в 1988–1993 гг. Некоторые исследователи убедительно показали, что в зависимости от установки интервьюера, содержащейся в анкете, зависит результат. Например, при ответе на вопрос об отношении к Президенту так называемый «коэффициент искренности» респондентов колеблется от 40 до 80 %. При этом средний «коэффициент искренности» составляет, примерно, 67 %[3].

Для выяснения параметров политологической проблемы обществоведы применяют методику, получившую название фокус-группы, фактически — разновидность полуструктурированного интервью. Для этого исследователь собирает и опрашивает группу, состоящую из людей, одинаковых по определенному признаку. Например, составляется группа по возрастному признаку, половому или профессиональному. В группе не должно быть знакомых, участники группы не должны участвовать ранее в подобных исследованиях, должны быть регулярными потребителями информации хотя бы одного СМИ. Проведение фокус-групп позволяет изучить базовые ценностные ориентации опрашиваемых, выявить специфику их политического мировоззрения, установки и мотивы поведения. Каждая фокус-группа подразумевает участие десять — двенадцать человек. Качественные результаты исследования можно получить, только предварительно продиагностировав группу. Поэтому путеводитель по группе содержит диагностические вопросы о степени социальной стрессированности участников, например: «Что хорошего и что плохого происходило в Вашей жизни за последнее время». Понятие «последнее время» не детализируется, чтобы дать возможность респонденту полнее описать свое состояние, свои позитивные и негативные переживания. Мы провели восемнадцать фокус-групп в городах Барнаул, Вологда, Владимир, Волгоград, Чебоксары, Ирбей (Красноярский край), Светлоград (Ставропольский край). Группы составлялись по возрастному признаку — младшая (до 25 лет), средняя (25–45 лет), старшая (свыше 45 лет). На обсуждение участников групп выносилась проблема

[3] О «коэффициенте искренности» см. например: https://www.bestreferat.ru/referat-100643.html; https://hr-portal.ru/article/kriterii-ocenki-iskrennosti-i-neiskrennosti-sobesednika

образа власти в стране. Целью фокус-групп было определение мотивов электорального поведения участников. Путеводитель по группе предполагал сначала вопросы об общем определении понятия «власть», затем вопросы, конкретизирующие представление об органах власти, и, наконец, аксиологические вопросы, вопросы об имидже «идеальной власти». Для активизации участников и получения информации об электоральном поведении часто использовалась провокативная методика. Например, задавался вопрос: «Если Вы уверены, что вся власть в стране — в руках мафии и от голосования ничего не зависит, то почему Вы принимали участие в выборах?» и т. п. вопросы. Стенограмма фокус-группы расшифровывалась, а затем подробно анализировалась. Выявлялись в первую очередь мотивы политического и электорального поведения участников группы. Составлялась аналитическая записка, на основе которой формулировались рекомендации органам государственной власти и управления по проведению политтехнологических мероприятий. Материалы фокус-групп четко характеризуют отношение к власти в зависимости от возраста. Это также использовалось при анализе среды функционирования участников профсоюзного и забастовочного движения, а также идеологических представлениях возрастных групп.

Литература о современном профсоюзном, рабочем протестном и забастовочном движении в России обширна и до предела политизирована.

Классифицируя исследователей по политическим взглядам можно выявить, как минимум, три точки зрения на профсоюзное и забастовочное движение начала 90-х:

1. Демократическая. Она гласит, что рабочие в конце 80-х — начале 90-х бастовали «в поддержку рыночных реформ». Насколько нам известно, авторы, придерживающиеся этой точки зрения, создавали свои произведения либо по заказу министерства труда, либо на деньги западных грантов. Условно мы назовем этих авторов группой Л. А. Гордона по имени руководителя большинства проектов[4]. Точка зрения группы Гордона была широко представлена в российских СМИ

[4] Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., Прогресс-Комплекс, 1993.

(в первую очередь, на страницах финансируемой АФТ-КПП газете «Дело») существовавшей до 1994 года. Для доказательства тезиса о «демократизме» бастующих талантливые исследователи даже шли на прямые исследовательские подлоги — строительство выводов на базе нерепрезентативных социологических опросов. Так выводы о «демократизме» шахтеров строились подчас на изучении мнения 26–37 % делегатов шахтерских съездов, из которых 20 % опрошенных — управленческий персонал, а не рабочие[5]. Правда, со временем, к концу 90-х группа Гордона вынуждена была частично изменить свои позиции, признать наличие и даже доминирование иных, подчас вовсе недемократических тенденций в развитии рабочего движения (благо исследовательский материал давал такую возможность на каждом шагу!). Но скорректированные выводы были отнесены ими к более позднему хронологическому периоду забастовочного движения чем, фактически, не призналась ошибочность ранней позиции.

2. Коммунистическая (скорее — КПРФовская). Ряд бывших лидеров КПСС, а ныне лидеров КПРФ излагает (крайне удивившую автора настоящей работы) версию об отсутствии рабочего движения, например, в период сопротивления ГКЧП. Так А. Лукьянов, рассуждая о событиях августа 1991 г., пишет, что по призыву Б. Ельцина «бастовала только РТСБ»[6]. В целом, для КПРФовского взгляда на забастовочное движение, характерно подчеркивание того, что забастовки начала 90-х под демократическими лозунгами организованы «продажными» лидерами, а под коммунистическими — «выражают волю народа». При этом важнейший вопрос — о месте и значении забастовочных комитетов как органов производственного самоуправления коммунистами почти не изучается.

3. Социал-демократическая и близкая к ней социалистическая. Для исследователей, придерживающихся этой точки зрения характерны негативные оценки и приватизационного процесса начала 90-х, и роли КПСС-КПРФ. Пытаясь усилить возможности рабочего движения, дать ему социалистические (в западном понимании этого слова) ценности в начале

---

[5] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1, с. 175–176.

[6] Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий / М., Палея, 1993, с. 72.

90-х годов лидер Партии труда Б. Кагарлицкий и одна из лидеров СДПР Г. Ракицкая пытались предложить движению иные формы приватизации и самозащиты от произвола предпринимателей[7]. Причем, наряду с развитием независимого профсоюзного движения, учитывалась (почти нереалистичная, на наш взгляд) возможность трансформации профсоюзов системы ФНПР в независимые профсоюзы. Аналогичную позицию занимала тогда газета МФП «Солидарность» и журнал «Альтернативы». В конце 90-х — начале 2000 годов группа авторов этого журнала (Э. Рудык, Я. Керемецкий, Л. Булавка, которых условно назовем группой А. Бузгалина по имени руководителя) начала исследовать захваты предприятий бастующими[8]. В работах указанных авторов проанализирована ситуация на предприятиях, где были попытки захвата протестующими рабочими и установления рабочего контроля в разной форме[9]. Они убедительно показали непрочность приватизации, возможность передела собственности, а также иллюзорность гражданского мира в России. Группа А. Бузгалина доказала, что в нашей стране возможны успешные протестные действия рабочих, появление производственного самоуправления, возрождение коллективизма и солидарности, показала значимость и сложность борьбы рабочих за контрольный пакет акций своего предприятия. В 2001 году, через год после публикации работы «Рабочий протест в России: опыт и проблемы», одна из соавторов, Л. Булавка издала книгу «Рабочий протест в России: опыт и проблемы». Источниковой базой для ее исследования послужили опросы и интервью, проведенные на девятнадцати крупных российских предприятиях. Достоинством работы является то, что показано развитие конфликтов на этих предприятиях глазами рабочих, рассказано о самоор-

---

[7] Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия на пороге новых битв / М., 1992; Ракитская Г. Я. На пути к собственной идеологии / М., ИЭРАН, 1993.

[8] В изучаемый нами период это — редкость. Например, 8 июня 1992 г. в Перми таксисты провели оккупационную забастовку, заняли таксопарк, организовали совет рабочих парка и попытались организовать его работу, но потерпели неудачу.

[9] Рудык Э. Н., Керемецкий Я. Н., Булавка Л. А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы / М., Экономическая демократия, 2000.

ганизации и самоуправлении на предприятиях в ходе протестных действий, например, при захвате предприятия бастующими и организации на нем производства без участия старой администрации[10]. При этом автор далека от идеализации рабочего движения. Она говорит о случаях предательства рабочими своих лидеров, о пьянстве, об «окрестьянивании» рабочих.

Если классифицировать исследователей по отношению к оценке самого крупного актора в профсоюзном и забастовочном движении России — ФНПР, то можно выделить три точки зрения на этот «профцентр».

Первая — апологетическая, для которой характерно признание выдающихся заслуг ФНПР в деле защиты прав трудящихся. Такую точку зрения предлагают исследователи учебно-исследовательского центра МФП и Академии труда и социальной защиты[11].

Вторая — объективистская, говорящая о недостатках ФНПР, но признающая его профцентром, способным стать участником процесса урегулирования трудовых конфликтов на стороне рабочих. Особо отметим объективистские труды В. Борисова, В. Рупца, а также А. Кацва[12].

И наконец — резко критическая, не признающая за ФНПР ни право называться профсоюзом, ни легитимности как общественной организации. Такие исследователи как Ю. Миловидов, К. Сумнительный и Л. Булавка отмечают негативную роль

---

[10] Булавка Л. А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М., библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып. 1 (5), 2001.

[11] Федина Г. А. Профсоюзное движение сегодня / М., УИЦМФП, 1993.

[12] Рупец В. «Альтернативнее альтернативных». О Конфедерации свободных профсоюзов России — КСПР // Новое рабочее и профсоюзное движение, 1993, № 1, с. 26–28; Кацва А. М. Массовые протестные действия в условиях общественной трансформации (90-е годы XX века) // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / М., Экономическая демократия, 2001, с. 135–142; Кацва А. М., Подкосов Д. П. Лидеры рабочего движения: состав и социальные ориентации // Рабочее движение и политика реформ, М., ИСПРАН, 1992, с. 26–34; Кацва А. М., Филимонов В. Г. Новое рабочее движение в России: состояние и ближайшие перспективы // Рабочее движение и политика реформ, М., ИСПРАН, 1992, с. 5–25.

руководства ФНПР, которая солидаризируется не с протестующими рабочими, а с предпринимателями[13].

Итак, в российской историографии мы выделяем демократическую, КПРФовскую, социалистическую и социал-демократические точки зрения на развитие профсоюзного движения в стране. При этом отмечаем существование проФНПРовской и антиФНПРовской историографических традиций. При этом нельзя не отметить парадокс российской историографии профсоюзного движения — все исследователи рабочего движения в той или иной мере апологетизируют профсоюзы как форму объединения трудящихся.

Методологической основой нашего исследования являются не устаревшие положения марксистско-ленинской теории. Мы уверены, что теория К. Маркса и В. И. Ленина дает в руки исследователю понятия, без которых немыслимо изучение революционных преобразований:

1. Классовая борьба, как борьба за господство в обществе между социальными группами, занимающими разное место в системе производства и потребления;
2. Первоначальное накопление, как процесс формирования стартового капитала буржуазией методами неэкономического принуждения и путем экспроприации буржуазией у других классов значительной доли материальных ценностей;
3. Революционная ситуация, как ситуация, возникающая накануне революции и характеризующаяся положением, при котором обостряются выше обычного нужда и бедствия эксплуатируемых, «верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» не хотят жить по-старому[14].

Я считаю, что огромный вклад в марксистское понимание общественных процессов, происходивших в СССР, внесли труды Л. Троцкого. По крайней мере, я разделяю его уверенность в том, что советская бюрократия — эксплуататорский буржуазный класс[15].

---

[13] Миловидов Ю. Н. Профсоюзная собственность должна служить всем членам профсоюзов / М., 2001; Булавка Л. А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М., библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып.1 (5), 2001; Сумнительный К. Несколько штрихов к портрету профсоюзов // Альтернативы, 1993, вып. 3, с. 107–119.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41 с. 70.

[15] Троцкий Л. Д. Сталин / Chalidze publicatio№ s, ч. II, 1985.

В ходе нашего исследования также часто использовались идеи социальных психологов:

1. Представления о «человеке играющем» И. Хейзинга. В 1938 г. Й. Хейзинга написал интереснейшую книгу «Человек играющий. В тени завтрашнего дня», в которой он говорил о политике и выборах как об игре «команд», об участниках игры и «нарушителях правил» игры — шпильбрехерах.

2. Трансакционный анализ Э. Берна. Э. Берн в своей работе «Игры, в которые играют люди»[16] рассматривает человеческие взаимоотношения как серию бесконечных игр. Игрой он называл последовательные дополнительные трансакции (трансакция по Берну — единица общения), основанные на индивидуальном планировании, со скрытой мотивацией и предсказуемым результатом. Результатом игры является выигрыш — «вознаграждение», которое характеризуется снятием напряжения, уходом от психологически опасных ситуаций, получением так называемых «поглаживаний» (действий, заменяющих интимный контакт), а также сохранением достигнутого душевного равновесия. Действия бастующих, на наш взгляд, идеально соответствует тому определению игры, которое дает Э. Берн.

Структурно предлагаемая Вашему вниманию работа состоит из введения, трех глав, заключения и научно-справочного аппарата, основу которого составляют примечания в конце книги. В первой главе анализируется общественно-политическая ситуация накануне «взрыва» забастовочной борьбы периода перестройки, действия забастовочных комитетов (в основном шахтерских) с 1989 по 1991 год. Во второй главе говорится о роли забастовочных комитетов в событиях 18–28 августа 1991 года и борьбе номенклатуры против забасткомов в 1992–93 годы. В третьей главе — анализируется роль забастовочных комитетов и профсоюзов в ранний послеперестроечный период 1994–1995 годов. Заключение содержит основные выводы работы.

---

[16] Хейзинга Й. Человек играющий. В тени завтрашнего дня / М., Прогресс, 1992, с. 328; Берн Э. Игры, в которые играют люди; Люди, которые играют в игры / Спб, Лениздат, 1992.

Глава 1
Забасткомы 1989–1991 гг.
Начало борьбы

Наше исследование невозможно начать, не определив, в чем состояли особенности развития СССР и РСФСР в изучаемый период?

В 1985 году в нашей стране начался трансформационный процесс, получивший название перестройка. Причины перестройки большинство исследователей видят в экономических, культурных и политических трудностях, переживаемых СССР. Экономика Советского Союза в конце 70-х — середине 80-х не выдерживала груза расходов, выплат долгов и обслуживания внешних долгов союзников по так называемому «социалистическому лагерю», в первую очередь — Венгрии и Польши. Немало средств от СССР требовала поддержка на должном уровне «витрины социализма» — ГДР.

Огромные средства пожирала «холодная война», противостояние, как с США, так и с КНР, причем холодная война с Китаем в конце 70-х годов превратилась в «горячую», в пограничный конфликт между союзным СССР Вьетнамом и Поднебесной в районе Лангшон. Не меньших затрат требовали поддержка так называемых «стран социалистической ориентации», войны в Афганистане, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Кампучии, Никарагуа, Заире, а также развертывание новых комплексов противоракетной обороны (ПРО), как ответ на опасную для СССР американскую «стратегическую оборонную инициативу» (СОИ). Ситуация осложнялась падением мировых цен на нефть, а значит сокращением доходной части советского бюджета.

Страна переживала культурный кризис, вызванный негибкостью идеологической машины КПСС. Под прессингом этой машины успешно развивались лишь традиционные отрасли культуры, например, классический театр, классическая музыка, балет, фольклорные ансамбли. Но ответом этой машины на любое новаторство в сфере культуры — от рок-музыки и художественного авангарда, до клуба самодеятельной песни (КСП) и писателей-«деревенщиков», в основном, были

запретительные меры. Это приводило к конфликтам руководителей страны с творческой интеллигенцией, которая стала одним из главных медиаторов общественного недовольства. В руководстве государства крепла геронтократия.

Средний возраст члена Политбюро ЦК КПСС приближался к 70 годам. Невосприимчивость руководства страны к новациям привело в невозможности для СССР догнать технический прогресс. Несмотря на очевидные успехи Советского Союза в развитии новых средств вооружения и тесно связанному с этим освоения космического пространства, по уровню массового внедрения прикладных компьютеров, например, наша страна занимала одно из последних мест в Европе. По мнению Г. Зюганова, отсутствие самоуправления в управлении крупными промышленными предприятиями и развитыми регионами страны также было составной частью противоречий советского общества[17]. И регионы страны, и крупные предприятия в лице своих руководителей требовали большей самостоятельности в деле распределения прибыли от своих регионов или заводов и фабрик.

Страну поразил национальный кризис. Особенно остро стояли вопросы о репатриации крымских татар и выезде в Израиль евреев. Неоднократные националистические и национально-освободительные выступления в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии требовали новых и новых финансовых средств для «погашения» недовольства нерусских народов и капиталовложений в экономику союзных республик, подчас в ущерб экономики основной республики Союза — России. Причины волнений, на наш взгляд, кроются в классовых противоречиях советского общества, в глубоком неравенстве граждан СССР.

Социальная дифференциация, общественное неравенство в СССР особо заметно при анализе жилищных классов общества. В 1989 г. 15 % населения страны не имели нормальных квартирных условий и жили в общежитиях. 5,3 % семей — имели жилые площади до 3 кв. м на человека. 22,4 кв. м — до 6 %,

---

[17] Зюганов Г. А. Россия и современный мир / М., Обозреватель, 1995, с. 26.

34,1 % — до 9, а 6 % — 15 и более кв. м кв. м. на человека[18]. Это говорит о том, что 42,7 % населения СССР — можно смело отнести к низшим жилищным классам. Примерна та же картина видна при анализе имущества советских жителей. 58 % жителей СССР владели имуществом, оцененным в сумму до 5000 руб. 21,5 % — 5–10 тысяч рублей, 14 % — свыше 10 тысяч рублей. По имущественным показателям 58 % населения можно было причислить к бедным слоям. По степени удовлетворенности зарплатой: 53,8 % опрошенных ИСИ в 1989 году жителей страны отметили, что не удовлетворены своей зарплатой[19]. То есть — не менее половины населения СССР составляли люди бедные, плохо обеспеченные жильем и неудовлетворенные своей зарплатой. Они и были основой эксплуатируемого класса.

В стране крепло противоречие между эксплуатируемой частью населения и правящим классом. При этом неважно, как назвать правящий класс — кратократия (как предлагают Ю. Пивоваров и А. Фурсов)[20], номенклатура или бюрократия. Возможна даже формулировка А. Бузгалина и А. Колганова о том, что СССР — «буржуазное государство без буржуазии, где бюрократия стала претендовать на роль буржуазии»[21]. По мнению ряда исследователей, противоречия внутри страны привели к образованию не просто эксплуататорских классов, а определенных корпораций, подобных некоему «свердловскому клану»[22]. На наш взгляд, правы те исследователи, которые генетически связывают формирование эксплуататорского правящего класса в СССР с развитием номенклатуры в правящей партии, с рекрутированием в эту среду остатков эксплуататорских классов царской России[23]. Именно тогда, еще на заре

---

[18] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 23

[19] Там же с. 24.

[20] Пивоваров Ю. С., Фурсов А. Русская система // Рубежи, 1995, № 1, с. 45–69.

[21] Бузгалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР / М., УРСС, 2003, с. 8.

[22] Морозов С. Б. Заговор против народов России сегодня / М., Алгоритм, 1999.

[23] Троцкий Л. Сталин / Vermont, Chalidze publications, vv. 1–2, 1985.

советской власти у партийно-хозяйственной номенклатуры появились сначала неосознанные, а потом все более осознанные элементы буржуазного стиля и буржуазного поведения. Это не могло не закончиться формированием желания стать буржуазией, тем более распоряжалась номенклатура огромными материальными ресурсами. Это позволило части хозяйственной номенклатуры организовать в стране близкую к криминальному миру, параллельную «теневую» хозяйственную систему, «теневую экономику». По ряду оценок, в «теневой экономике» в 80-е годы было занято почти 20 миллионов человек[24]. Полагаю, что к 80-м годам основная идея, господствовавшая в умах представителей крупной номенклатуры, была идея сохранения возможностей пожизненного права распоряжения вверенной им государственной собственностью с правом передачи его по наследству. Идея превратить свою власть в собственность. Номенклатуре это было возможно сделать, только легализовав «теневую экономику», приватизировав государственную собственность, сохраняя ее экономический потенциал и свое лидирующее положение. То есть задача обуржуазивания номенклатуры решалась путем вывода советских государственных предприятий на мировой рынок под руководством той же номенклатуры, имеющей в качестве стартового капитала часть союзного бюджета.

Пытаясь разрешить возникшие противоречия и ослабить кризисные явления внутри страны, с целью укрепления правящего класса и ослабления протеста эксплуатируемого класса, часть реального политического руководства СССР решила:

1. ослабить груз долгов мировой социалистической системы на бюджет Советского Союза, предоставить большую самостоятельность странам социалистического лагеря, прекратить тратить деньги на поддержание существующих в этих странах режимов;
2. сократить расходы на военную поддержку так называемых «стран социалистической ориентации», прекратить войну в Афганистане;

---

[24] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 30, 31, 33, 34, 43.

3. уменьшить траты на ПРО, улучшить отношения с США и КНР, ослабить угрозу взаимного противостояния;

4. ослабить критиков руководства страны в среде творческой интеллигенции, преодолеть культурный кризис, создать более гибкую идеологию;

5. ликвидировать геронтократию в руководстве страны;

6. ослабить национальный кризис внутри страны, в первую очередь решить Прибалтийский, крымско-татарский и еврейские вопросы;

7. провести экономическую реформу, легализовать теневую экономику, вывести рентабельные и конкурентоспособные предприятия страны на мировой рынок.

Эти реформы должны были высвободить большие финансовые средства, принести в бюджет дополнительные доходы, способствовать усилиям СССР догнать технический прогресс и ослабить недовольство режимом у советских граждан. При этом реальное политическое руководство страны прекрасно осознавало, что основные освободившиеся средства должны пойти на реализацию стратегической задачи правящего в СССР класса — превращение номенклатуры в буржуазию, превращение ее власти в собственность. Для проведения подобных реформ у ее авторов был прекрасный аппарат — СМИ и спецслужбы[25]. Однако подобные реформы невозможно было проводить, не опираясь на массовую поддержку населения. Существующая партия (КПСС) и существующие профсоюзы (ВЦСПС) не обладали необходимым кредитом доверия у населения.

Одним из главных недостатков этих структур был производственный признак их формирования. По месту жительства граждан у властей вообще не было инструментария для воздействия на политическое поведение населения, не считая слабых территориальных партийных организаций (ТПО) КПСС и организаций ветеранов. Имеющиеся структуры даже теоретически не могли обеспечить той массовой поддержки, которая требовалась реформаторам. Необходимо было создать иные организационные формы воздействия на население,

---

[25] КГБ способен выполнять любую функцию / Балтийское время, 25.06.90.

иные партии, иные профсоюзы, а также развить систему самоуправления, как производственного, так и территориального. Возможность изменения общественного строя в ходе реформ, видимо, инициаторов перемен не пугало.

Предтечей перемен в СССР стала деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС в 1982–84 гг. Ю. В. Андропова. Он инициировал кадровые перемены в руководстве страны, выдвинул целую армию реформаторов: М. Горбачева, Н. Рыжкова, Э. Шварнадзе, А. Вольского, А. Яковлева смело можно назвать «людьми Андропова», его «выдвиженцами». Он же начал борьбу с коррупцией, поиск новых подходов к регулированию экономических процессов, пытался укрепить трудовую дисциплину, расширить права предприятий и объединений в планировании хозяйственной работы. Он же одобрил проведение государственного эксперимента в Грузии по внедрению агропромышленного комплекса. При нем в недрах аппарата ЦК КПСС была создана рабочая группа по изучению опыта работы частного и кооперативного секторов экономики. Кроме того, был подготовлен и принят один из самых демократических законов СССР — закон «О трудовом коллективе»[26]. Однако смерть не дала Ю. Андропову воплотить в жизнь свои планы. Армия реформаторов осталась без главнокомандующего.

Лидерство в партии, пост Генерального секретаря ЦК КПСС, в 1985 г. получил Михаил Сергеевич Горбачев, который по своим личным качествам был совсем не главнокомандующий армией, а в лучшем случае — начальник штаба. Он даже не обладал той властью, которая необходима была для воплощения в жизнь реформаторских идей реального политического руководства страны. До 1988 года высшая законодательная власть не была в руках М. Горбачева. Внутри аппарата ЦК партии он был ограничен организационным отделом и секретариатом, где руководили его оппоненты. В среде высшей исполнительной власти страны, в правительстве, не было людей, назначенных на высшие посты непосредственно им, то есть не было реальных «выдвиженцев» Горбачева. Следовательно, борьба

---

[26] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 51–56; Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. / М., Росспэн, 2001.

за власть для проведения реформ превращалась в борьбу за реальное лидерство М. Горбачева и в Верховном Совете СССР, и в аппарате ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР. Борьба подобных масштабов в СССР неоднократно велась до уничтожения оппонентов. А главное — в ней не могло быть стратегических союзников. Следовательно, все союзники М. С. Горбачева должны были быть ситуативными.

Период начала деятельности М. Горбачева с 1985 г. по 1986 г. А. Барсенков справедливо называет «революцией ожиданий»[27]. Этакое «дней Александровых прекрасное начало», которые омрачились лишь рядом техногенных аварий, среди которых самая громкая — на ЧАЭС, и затратами на восстановление пораженной территории. Начало деятельность нового Генерального секретаря было связано с масштабными кадровыми изменениями, отставкой многих престарелых членов Политбюро и ЦК КПСС, сменой руководителей ряда ключевых областей Союза. М. Горбачев в первую очередь стремился поставить под свой контроль «силовых министров», руководителей армии и спецслужб. Произошла полная смена «силовиков». На смену старым военачальникам пришли горбачевские «выдвиженцы», например, маршал С. Ахромеев. Для смещения министра обороны использовался беспрецедентный повод — пролет и приземление на Красной площади немецкого легкого самолета под управлением М. Руста. Руководящие посты в сверхважных для страны ведомствах КГБ и МВД получили абсолютно верные новому Генеральному секретарю люди — В. Крючков и В. Пуго. Уже к концу 80-х проблема геронтократии в руководстве страны была решена. Руководство «омолодилось».

От нового Генерального секретаря ожидали позитивных перемен, улучшения жизни, повышение материального благосостояния. В 1985 г. он провозгласил курс ускорения развития страны, курс так называемой «перестройки». Зная о масштабной дифференциации граждан страны по жилищному признаку, Горбачев выдвигает свой самый удачный лозунг: «Каждой семье — отдельную квартиру!». Однако на деле он и начал свои

---

[27] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 330–331.

реформы с изменения стратегии бюджетного планирования СССР. Решено было изменить традиционно «пьяный» бюджет страны, сократить доходы, получаемые от торговли спиртным, и за счет «отрезвления» населения получить косвенные дивиденды, превышающие прямые потери от ограничений на торговлю спиртным. К сожалению, эта идея с треском провалилась. Народ начал пить самогон и денатурат, что привело к катастрофическим последствиям. В 1987 г. погибло от употребления спиртосодержащих веществ 11 тысяч человек[28]. В 1989–1990 гг. с 59 тысяч до 69 тысяч увеличилось число случаев госпитализации больных с диагнозом алкогольный психоз. Правда, успехи борьбы с алкоголизмом все же были. Так в 1989–1991 гг. с 442 тысяч человек до 364 тысяч человек сократилось число больных алкоголизмом в наркологических диспансерах. Но это не дало ожидаемого экономического эффекта. Политический же и моральный вред этой кампании для руководства страны был очевиден. По авторитету лидера перестройки был нанесен огромный удар. Но главным направлением перестройки было не антиалкогольное.

Главное заключалась в попытках реформировать нерыночную экономику СССР. В те годы отмечены слабые попытки ускорить внедрение научно-технических новшеств в советскую экономику путем создания новых управленческих структур, решить продовольственный вопрос путем объединения ведомств. Была введена так называемая аттестация рабочих мест. Из системы ВПК попытались внедрить в гражданское производство госприемку. При этом была совершена тактическая ошибка. Начало реформирования экономики было начато с системы тяжелого машиностроения, точнее — с закупок для нужд этой отрасли дорогостоящего нового оборудования за рубежом[29]. Быстрой отдачи затраченные на это средства дать не могли, соответственно не могли решить стоящих перед руководством страны проблем. Вообще-то от идеи реформировать нерыночную экономику на нерыночной основе реформаторы отказались довольно быстро. Уже через год после прихода к

---

[28] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994 с. 34–35.

[29] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003 с. 331.

власти М. Горбачева началась капитализация в экономической сфере. Начало поощряться формирование мелкой производственной буржуазии — был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Поощрялось садоводство и огородничество. Начало поощряться формирование средней производственной буржуазии — в 1986 г. было разрешено создавать негосударственные предприятия, кооперативы для переработки вторсырья. Наконец, право выхода на международный рынок, минуя государственную систему внешней торговли получили 60 предприятий. Это положило начало формированию на основе номенклатуры крупной производственной буржуазии.

В 1987 г. высшие органы государственной власти и правительство СССР продолжили строительство капитализма, планомерный переход к рынку. Был принят «Закон о государственном предприятии в СССР» и одиннадцать постановлений Совета Министров СССР, конкретизировавших этот закон. Этот пакет документов предоставлял руководителям предприятий широкие права по изменению и регулированию заработной платы работников, что немедленно привело к росту зарплаты и инфляции, а также права по самостоятельному определению ассортимента выпускаемых товаров, что привело к высокой цене на продукцию и выпуску только дорогостоящего ассортимента. В законе и постановлениях впервые в истории СССР был поставлен вопрос о прекращении работы убыточных предприятий, то есть началась подготовка к банкротству части предприятий, что впоследствии даст возможность трансформирующейся номенклатуре скупить эти заводы и фабрики за бесценок. Была введена выборность директоров предприятий, популистская мера, позволявшая сторонникам реформ, используя подкуп трудового коллектива, провести на руководящие посты в предприятиях своих ставленников даже в том случае, если оппоненты в руководстве соответствующего министерства блокировали выдвижение.

В мае 1988 г. был принят Закон «О кооперации в СССР», фактически легализовавший «теневую экономику». Значительная часть новых так называемых производственных кооперативов начала попросту паразитировать на структурах государственной экономики. Через кооперативы началась

«отмывка» криминальных денег. Сервисные кооперативы преподнесли населению настоящий урок цинизма. Например, введение платных, кооперативных туалетов было воспринято многими жителями страны как оскорбление. В стране началась подготовка к проведению финансовой реформы, изменению основной функции рубля, перехода его от расчетной единицы и средства платежа к средству накопления богатства. Этому предшествовало полное уничтожение старой денежно-расчетной системы.

В стране появился бартер и неплатежи. В условиях отсутствия нормальной капиталистической кредитной системы, последние выполняли ее функции, формировали псевдокредитную систему, уже не нерыночную, но еще не буржуазную, то есть псевдопотребительский кредит выступал в форме неплатежей за поставленную продукцию, псевдопроизводственный кредит — в форме невозвращения долгов, а псевдоакционерный кредит — «прятался» под видом задержки зарплаты. Наконец, в СССР началось аккумулирование негосударственных финансов. Для этого создавались предприятия с участием западного капитала, так называемые совместные предприятия. В 1990 г. девять территорий были объявлены свободными экономическими зонами (СЭЗ), фактически были созданы зоны внутреннего псевдоофшора. В 1988–1989 гг. возникли коммерческие банки, а через вновь созданные и не имеющие упорядоченного финансового статуса структуры, например, центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ), социально-педагогические производственные комплексы (СППК), территориальные межотраслевые производственно-технические объединения (ТМПТО) проводилось «обналичивание» денег.

Мощным инструментом первоначального накопления и создания негосударственного капитала стал Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), внутри которого в 1988–1989 еще действовали нерыночные расчетные нормативы. После перехода в те годы Польши и Венгрии к конвертации злотого и форинта для власть имущей номенклатуры был фактически открыт путь конвертации расчетных «сэвовских» рублей на доллары через «форинтовый» и «злотый» каналы. В 1988–89 гг. все отраслевые союзные министерства были превращены в концерны. В то же время началась реальная приватизация

самых рентабельных производств (КАМАЗ, ВАЗ). В стране остро сказывалось отсутствие инфраструктуры капитализма. Не была проведена ценовая реформа. А. Барсенков винит в этом российский парламент и руководство республики, которые в 1990–1991 гг. сорвали реформу ценообразования[30]. В стране не было бирж, современных торгово-посреднических фирм и т. п. Особый цинизм господствующего класса проявился тогда, когда неумение представителей хозяйственной номенклатуры реализовать продукцию предприятия в условиях финансового кризиса и отсутствие торговых посредников приводило к выдаче трудящимся зарплаты продукцией предприятия, так называемой «отоварке». Экономические реорганизации до 1989 г. всерьез не потрясли основы экономики страны. В 1989 г. промышленное производство выросло на 1.7 %, темпы прироста национального продукта составили 1.3 %, а доходы населения выросли на 12 %[31]. В этих условиях реформаторы решили, что «запас прочности» экономики СССР очень велик и, несмотря на политические и экономические ошибки, можно продолжать действовать методом проб и ошибок. Видимо, они считали, что главная стратегическая задача, задача перевода власти номенклатуры в собственность, решается успешно, а экономика страны способна выдержать и более масштабные эксперименты. Так, на наш взгляд, реформаторы совершили свою главную стратегическую ошибку — начали еще сильнее ускорять экономические преобразования. Они недооценили возможности быстрого развития глубокого экономического кризиса. Итак, началось реальное ускорение реформ. В 1990 году почти одновременно на свет появляются два плана перехода страны к рыночной экономике, так называемые планы академика А. Абалкина и «500 дней», план Г. Явлинского. И тот и другой планы были в равной мере утопичны и на самом деле стали своеобразными политическими декларациями сторонников постепенного (план Абалкина) и быстрого («500 дней») вхождения в рынок. Самое удивительное то, что впоследствии радикальным реформаторам

---

[30] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 183.

[31] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 21.

даже 500 дней, как переходный период, показалось много. Появилась идея «шоковой рыночной терапии», моментального вхождения в рыночную экономику. Эту идею тоже нельзя не считать утопической. То есть, если в конце 80-х в СССР проводилось планомерное создание капиталистического общества, то начало 90-х реформаторы встретили, имея в своем багаже, как минимум, три утопических плана ускорения реорганизации экономики страны. Вторая стратегическая ошибка реформаторов — недоучет возможностей быстрой криминализации общества. Реформаторы «проспали» начало «великой криминальной революции». Их «убаюкали», видимо, официальные цифры борьбы с преступностью.

По официальным данным с 1982–83 гг. по 1988 г. масштабы преступности сократились. В 1982 г. было совершено 2017 тысяч преступлений, в 1988 г. — 1867 тысяч, а в 1991 г. — 1800 тысяч. В 1982 г. в стране произошло 21,2 тысячи убийств, а в 1988 г. — 16,7 тысяч. В 1983 г. совершено 67,8 тысяч грабежей, в 1988 г. — 67,1 тысяча. Примерно такая же динамика была и по другим показателям[32].

В этих условиях руководители страны не ожидали резкого «взрыва» преступности. К сожалению, они просчитались. Все планы экономических и политических реформ пришлось корректировать из-за начавшейся в конце 80-х годов резкой криминализации общества. В 1989 г. по сравнению с 1988 г. уровень преступности вырос на 31.8 %[33]. Правоохранительными органами в стране была зафиксирована деятельность 1200 организованных преступных групп. Появились новые формы и виды преступности, самыми опасными среди которых стали ранее почти неизвестные в СССР рэкет и торговля людьми. Начало процветать мошенничество. В 1990 г. уровень преступности вырос еще на 16 %. Только количество краж выросло в 1,6 раза[34].

Социальным последствием недооценки возможностей криминальной революции и экономического кризиса явилось сокращение социальной базы сторонников перехода к рыноч-

---

[32] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994. С. 30.

[33] Там же, с. 32–34.

[34] Там же, с. 43.

ной экономике. Согласно опросам группы социологов, под руководством академика Г. Осипова[35], в мае 1990 г. поддерживали переход к рынку — 51 % респондентов, а в июне — 42 %. Соответственно, число тех, кто не поддерживал переход к рынку выросло с 28 % до 37 %. Эта ситуация, естественно, породила внутри правящей группировки серьезные разногласия, вызвала к жизни сначала внутриаппаратную, потом — внутрипартийную и, наконец, внепартийную и внесистемную оппозицию и курсу реформ, и лично М. Горбачеву, как справа, так и слева. Наибольшую опасность для генсека представляли многочисленные консерваторы, сторонники сворачивания реформ и сохранения старых форм политической и хозяйственной жизни.

Проведение реформ стало невозможно проводить без новых политических союзников реформаторов, без политических реорганизаций. Еще в январе 1987 г. Пленум ЦК КПСС принял ряд постановлений, которые большинство исследователей интерпретируют как программу политических реформ. Был констатирован факт, что существует система торможения и ослабления экономического инструментария перестройки. Пленум провозгласил лозунги углубления социалистической демократии, совершенствования системы советов, развития общественных организаций, перехода к альтернативным выборам. Особое значение предавалось развитию так называемой «гласности». Под этим термином подразумевалась некая усеченная свобода слова и усиление роли СМИ. Особо роль СМИ проявилась во время, так называемого, «узбекского дела», расследованием в 1985–1987 гг. группой следователей Генеральной прокуратуры СССР под руководством Т. Гдляна коррупционного скандала в Узбекистане, который был использован частью правящей группировки реформаторов как повод для расправы с внутриаппаратной и внутрипартийной оппозицией.

Все лидеры внутриаппаратной оппозиции (в первую очередь — Е. Лигачев, в течение многих лет, отвечавший за кадровую политику ЦК КПСС) были связаны в СМИ с полити-

---

[35] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 72, 75.

зированной преступностью и коррупцией. Однако лидер реформаторов, М. Горбачев прекрасно понимал, что, несмотря на сильный удар, ни внутриаппаратная, ни внутрипартийная оппозиция не сломлены. И, видимо, на рубеже 1987–1988 гг. он принял решение о привлечении на свою сторону для борьбы с этой оппозицией возникшие примерно в то же время внепартийные некоммунистические и антикоммунистические структуры, так называемых «неформалов», самодеятельные политизированные клубы, часть из которых находилось в тот момент в зачаточном состоянии.

Самые известные политклубы того времени: «Мемориал» (общество памяти жертв политических репрессий), «Демократия и гуманизм», «Перестройка», «Община», «Бригада Че Гевары». Эти структуры стали основой демократического движения в стране и очень динамично отреагировали на все призывы Генерального секретаря КПСС ускорить развитие демократической политической системы в СССР[36]. Они явочным порядком начали формировать политические партии, организовывать уличные петиционные кампании, проводить несанкционированные шествия и митинги. Например, уже весной 1988 г. лидеры клуба (или как они себя называли — семинара) «Демократия и гуманизм» В. Новодворская и Е. Дебрянская объявили о создании многопартийности в СССР, об учреждении «оппозиционной политической партии» Демократический союз (ДС). Тогда же лидеры клуба «Община» (позже — Союз независимых социалистов, еще позже — Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС)) А. Исаев и А. Шубин организовали первую массовую демократическую демонстрацию в Москве, окончившуюся формированием неформального «гайд-парка» на площади Пушкина. Тогда же активисты общества «Мемориал» А. Вайсберг и В. Леонов стали инициаторами первой массовой уличной петиционной кампании. Власти не мешали акциям «неформалов». Видимо, реальное политическое руководство страны увидело в новых политизированных клубах, «неформалах» зародыш новой партии или парапартии, которая будет обладать у населения большим авторитетом,

[36] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 82–91.

нежели КПСС и будет реально содействовать реформам в стране. В 1987–1988 гг. М. Горбачев наносит своим оппонентам три серьезных удара:

1. организационный. В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» М. Горбачев открыто декларирует тезис о важности творчества масс, необходимости социальных экспериментов и реабилитация Н. Бухарина, то есть правого уклона в партии. Это было воспринято населением страны как призыв к массовому созданию некоммунистических политизированных структур. Эти структуры начали восприниматься оппонентами и существующей КПСС, и антигорбачевской оппозиции внутри КПСС;

2. внутриаппаратный. Осенью 1987 г. Горбачев фактически поддерживает своеобразный бунт Первого секретаря московского горкома КПСС Бориса Ельцина, бывшего «выдвиженца» Е. Лигачева против руководства КПСС. Широкой общественности становится известно о критическом письме Б. Ельцина к М. Горбачеву 12 сентября 1987 г. с требованием ускорить реформы. Собравшийся в октябре 1987 г. Пленум ЦК КПСС, осудивший Б. Ельцина, стал началом его политического взлета. По стране прокатилась волна митингов в поддержку Б. Ельцина. «Неформалы» выдвинули лозунг: «Борис борись!» и фактически признали лидерство Ельцина. При этом Б. Ельцин оставался и членом КПСС, и членом ЦК КПСС. Так началось становление нового внутриаппаратного центра власти, способного влиять на внепартийную оппозицию;

3. идеологический. Зная, что большинство внутриаппаратных и внутрипартийных оппозиционеров позитивно оценивают деятельность И. Сталина и являются атеистами, М. Горбачев и его сторонники начали активную идеологическую борьбу со сталинизмом и атеизмом.

В феврале 1988 г. проходит Пленум ЦК КПСС, который фактически начал масштабную идеологическую реформу. На пленуме М. С. Горбачев особо отметил, что «в духовной сфере силы торможения сильнее, чем в любой другой». Это также было воспринято как поддержка внепартийных антикоммунистических структур. В том же году на государственном уровне отмечалось тысячелетие крещения Руси. Это

стало поводом для встречи Патриарха Всея Руси с Генеральным секретарем ЦК КПСС и положило начало изменению курса политики государства по отношению к церкви, к отказу от государственной атеистической политики. В стране начался рост религиозности. В 1990 г. 48 % населения составляли верующие[37]. Но для остальных скорее стоило говорить об отходе от атеизма и возникновении новых суеверий[38]. Почти половина страны на рубеже 80-х — 90-х верила в приметы, астрологию и телепатию. Убедить этих людей в возможность демократического реформирования России за 500 дней была простейшая задача.

Противники реформаторов попытались нанести контрудар. Весной 1988 г. в газете «Советская Россия» было опубликовано письмо Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», защищающее Сталина, сталинизм и без упоминания фамилий критикующее реформаторов. Ответом на это письмо стала большая редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» в газете «Правда» 5 марта 1988 г. Статья была воспринята в обществе как официальная позиция М. Горбачева и привела к новой активизации «неформалов», новой атаке на КПСС, сталинизм, атеизм и старую государственную идеологию. В то же время М. Горбачев стал фактически арбитром между «лигачевцами» и «ельцинистами» внутри ЦК КПСС, между реформаторами и оппозиционерами внутри КПСС, между «неформалами» и самой КПСС. Его голос в любом политическом конфликте становился решающим. Это стало основой его политического кредо конца 80-х и обеспечило условия для сосредоточения в руках Михаила Сергеевича почти всей власти в стране и отстранения от власти всех тактических противников Генерального секретаря. Осенью 1988 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко ушел на пенсию. Его пост занял М. Горбачев. Так он сосредоточил в своих руках высшую законодательную власть. Для реализации своих планов ему осталось сосредото-

---

[37] Демидов А. Общая характеристика общественно-политической, экономической и социальной ситуации, ее отражение в массовом сознании, состояние и динамика массового общественного состояния / М., 1990, рукоп., архив автора.

[38] Там же.

чить в своих руках (или в руках своих «выдвиженцев», своих активных сторонников) высшую исполнительную власть в СССР и отстранить от принятия решений внутрипартийную и внутриаппаратную (то есть внутри аппарата ЦК КПСС) оппозицию. Последнюю задачу, видимо М. Горбачев счел приоритетной. Однако решить ее иначе как, ликвидировав внутрипартийную оппозицию вместе с партией и аппаратом ее ЦК, он, видимо, не видел.

С 1988 г. началась ликвидация КПСС. Ее формальное начало можно отнести к периоду подготовки и проведения IX Всесоюзной партконференции. Конференция провозгласила фактический курс на создание в СССР парламентской республики и департизацию государства. Было решено перейти к созданию новых структур власти — съезда Народных депутатов и нового парламента, Верховного Совета СССР, выбираемого на съезде. Это создавало новые властные и бюрократические органы, что фактически означало ликвидацию монополии КПСС и аппарата ее ЦК на власть. Кроме того, в сентябре 1988 г. прошла реорганизация аппарата ЦК КПСС. Вместо отраслевых отделов были введены комиссии. Реорганизация еще больше сузила возможности внутриаппаратной и внутрипартийной оппозиции Горбачеву влиять на события в стране. В 1989 и 1990 гг. М. Горбачев уже попросту «добивал» внутрипартийную оппозицию.

Летом 1989 г. «сверху» было инициировано проведение выборов на очередной XXVIII съезд партии по платформам (ранее практически безрезультатный эксперимент по созданию фракций был проведен в масштабах ВЛКСМ). Тем самым отменялось решение X съезда РКП(б) «О единстве партии» и фактически отменялся основной организационный принцип существования партии — принцип централизма.

В КПСС возникло несколько платформ (демократическая, марксистская, большевистская), которые воспринимались населением страны, как некая своеобразная многопартийность внутри самой правящей партии. Демократическая платформа при этом претендовала на роль партийного руководителя некоммунистических «неформалов», однако последние считали ее, скорее своим «филиалом» внутри КПСС. Разногласия внутри КПСС сказались и на остальном обществе.

За 8 месяцев 1989 г. в стране прошло 2500 митингов, из них 1030 несанкционированных[39]. В 1988–1989 гг. были созданы демократические оппозиционные внепарламентские структуры, самые крупные из которых были: Федерация социалистических общественных клубов (ФСОК), Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), Московский народный фронт (МНФ), Ленинградский народный фронт (ЛНФ), Московское объединение избирателей (МОИ), Всероссийская ассоциация избирателей (ВАИ), Московский партклуб. В начале 1990 г. в стране была отменена 6 статья Конституции СССР, закрепляющая за КПСС роль «руководящей и направляющей силы советского общества», то есть был формально закреплен отказ КПСС от монополии на политическое господство. В СССР были зарегистрированы первые некоммунистические партии — партия «зеленых» и Либерально демократическая партия СССР (ЛДП СССР), под руководством В. Жириновского. Быстрое создание этой партии и беспроблемная регистрация породили в среде «неформалов» слухи о близости руководителя партии к спецслужбам, которые создавали ЛДП СССР для раскола демократического и антикоммунистического движения в стране. Чуть позже возникли и были зарегистрированы первые крупные (по тем временам) демократические партии: Социал-демократическая партия России, Республиканская партия России, Демократическая партия России, которые, по сути, представляли собой не столько партии, сколько федерации политклубов[40].

В июле 1990 г. состоялся XXVIII съезд КПСС, разрешивший создание самостоятельных республиканских коммунистических партий, что окончательно дезинтегрировало КПСС. На съезде произошло еще одно знаменательное событие — из рядов КПСС вышел Б. Ельцин, тем самым открыто возглавивший некоммунистическую внепартийную оппозицию. Вслед за ним партию оставили большинство реформаторов и демократов. Консерваторы в КПСС остались в подавляющем большинстве. КПСС без реформаторов стала откровенно не нужна М. Горбачеву, а он стал не нужен ей. Горбачеву становят-

---

[39] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов, с. 19, 22.

[40] Левчик Д. А. Политические аутсайдеры // Кентавр, 1995, № 6, с. 58–72.

ся нужны новые союзники. Таковых он нашел и внутри, а особенно — вне страны. С 1988–1989 гг. одной из реальных опор его власти становится мировое общественное мнение, «горбимания», активная поддержка Горбачева Западом. Достигнута она была, главным образом, за счет ликвидации того, что на Западе называли «советской угрозой», за счет масштабных односторонних уступок СССР в области вооружения, освоения космического пространства и территориального сокращения советского влияния, вывода войск СССР из Восточной Европы, а также ликвидации 3 октября 1990 г. — ГДР.

Внутри страны для реализации своих планов Михаил Сергеевич начал почти открыто опираться на антикоммунистическую оппозицию. Зимой и весной 1989 г. прошли выборы Народных депутатов СССР, 22 мая открылся 1 съезд Народных депутатов СССР. Выборы проходили по недемократической системе, предполагавшей, в частности, двуступенчатую систему выдвижения кандидатов в Народные депутаты и квотированные места на съезде для представителей официальных общественных организаций[41]. Реальным лидером съезда и Председателем нового Верховного Совета СССР стал М. Горбачев, который умело манипулировал различными фракциями съезда и Верховного Совета. Точнее двумя фракциями — консервативно настроенным большинством и реформистски настроенным меньшинством. Вицепрезидентом СССР стал сторонник М. Горбачева совершенно несамостоятельный и слабый политик Г. Янаев. 7 июня 1989 г. была создана так называемая Межрегиональная депутатская группа (МДГ), открыто противопоставившая себя прокоммунистическому (точнее — проКПССовскому большинству, по определению Ю. Афанасьева «агрессивно-послушному большинству» съезда) в которую вошло 388 депутатов. Группу возглавили люди совершенно разных взглядов — и известный диссидент, и правозащитник, возвращенный из ссылки М. Горбачевым за три года до описываемых событий академик А. Сахаров, и номенклатурный оппозиционер Б. Ельцин, и популярные в

[41] Подробнее см.: Левчик Д. А. Основные элементы электорального права и их применение в российском законодательстве 1992–94 гг. // Кентавр, 1994, № 5, с. 105–114.

демократической среде почти номенклатурные профессора: историк Ю. Афанасьев и экономист Г. Попов.

Это была первая организованная парламентская оппозиция в СССР. Правда, в полной мере оппозицией эту группу назвать сложно. Это были, скорее, проводники реформаторских идей реального политического руководства страны, которые оказались в меньшинстве на съезде. И только в силу этого являлись парламентской оппозицией. При этом большинству населения страны было ясно: что у МДГ на языке — у М. С. Горбачева на уме. МДГ была сильна не только своими парламентскими связями. Это была первая парламентская оппозиция, имевшая сильных союзников не только в лице «неформалов», но и в лице участников национально-освободительного и националистического движения советских окраин (в первую очередь — Прибалтики), а также забастовочного рабочего движения. Последнее как массовое явление возникло в 1989 году. Подробнее мы еще проанализируем это явление. Здесь же отметим только то, что главной причиной забастовок А. Барсенков считает наметившееся в 1989 г. падение темпов производства промышленной продукции при росте денежных доходов рабочих[42]. Потери от забастовок в 1989 г. составили 7 миллионов человеко-дней и 8.5 млрд рублей[43]. Согласно опросам общественного мнения, в то время от 35 % до 65 % процентов жителей СССР в различных регионах считали забастовочную борьбу справедливой. Главная задача, которую решал М. Горбачев, опираясь на МДГ и антикоммунистическую оппозиции было упрочение собственной власти, учреждение в СССР президентской республики, избрание самого себя Президентом СССР, а также полное подчинение себе Совета Министров СССР.

В марте 1990 г. под давлением М. Горбачева и МДГ III съезд Народных депутатов СССР учреждает должность Президента СССР, а Верховный Совет вводит в действие так называемый «президентский налог», 5 % сбор с продаж, фактически — независимую президентскую кассу. («Пять процен-

---

[42] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 120–121.

[43] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 19, 22.

тов со страны — Президенту на штаны!» — один из уличных лозунгов демократической оппозиции, протестовавшей против этого налога). Вскоре на должность Президента СССР на съезде избирается М. Горбачев. Освободившуюся должность Председателя Верховного Совета СССР занимает верный «горбачевец», студенческий «однокашник» Михаила Сергеевича, А. Лукьянов. В то же время с использованием всех средств критики начинается скоординированная атака членов МДГ и «неформалов» на Председателя Совета Министров СССР Н. Рыжкова. Его буквально «доводят» до публичного нервного срыва и вынуждают уйти в отставку. Новым премьер-министром СССР в январе 1991 г. становится «выдвиженец» М. Горбачева, лично преданный ему В. Павлов. Можно сказать, что наконец-то, к 1991 г. М. Горбачев получает всю ту полноту власти, которую он не имел в 1985 г. Получает он и новый бюрократический аппарат — аппарат Президента СССР, получает он и огромное количество новых внешнеполитических, и новых внутриполитических союзников в лице формирующихся демократических партий, забасткомов и членов МДГ. Вроде бы можно решать все стратегические задачи. Но беда М. Горбачева состояла в том, что к 1991 г. на союзном уровне решать было уже нечего.

Напоминаю, что в начале перестройки часть реального политического руководства СССР решила прекратить тратить деньги на поддержание социалистических режимов, как в Европе, так и во всем мире. Эта задача была успешно решена к 1990 г. Задача прекращения войны в Афганистане решена к 1987 г. К 1989 г. за счет односторонних уступок были существенно улучшены отношения с США и КНР. Критиков руководства страны в среде творческой интеллигенции почти не осталось. Пресс идейно-политической цензуры КПСС в сфере культуры ликвидирован к 1987 г. Практически тогда же ликвидирована геронтократия в руководстве страны. К 1990 г. фактически были решены Прибалтийский и еврейские вопросы, по крайней мере, в том виде, в котором они существовали в СССР. Республики Прибалтики восстановили довоенные конституции и практически получили независимость (до августа 1991 — в рамках СССР). Евреи получили беспрепятственную возможность воссоединения семей. Усили-

ями правительства Н. Рыжкова удалось начать экономическую реформу и легализовать теневую экономику. Так, к 1991 г. М. Горбачев стал не нужен трансформирующейся номенклатуре. Продолжить экономические реформы и создать рыночную инфраструктуру ее лидеры могли и на базе республик Союза, без центрального руководства. Тем более, что у нее в этом деле был мощный союзник — сепаратистское, национально-освободительное и националистическое движение, институционализированное, в основном, в форме возникших в 1988 г. народных фронтов: Народного фронта Латвии, Народного фронта Эстонии, Саюдис, РУХ и др. Конечно, у сепаратистов были и противники в своих республиках, организовавшие в противовес народным так называемые интерфронты, но без поддержки центра, без поддержки органов руководства Союза, эти интерфронты были бессильны.

В этих условиях началась окончательная дезинтеграция, распад СССР. XXVIII съезд КПСС, разрешивший создание самостоятельных республиканских коммунистических партий, положил начало формальной дезинтеграции СССР. Дезинтеграция была болезненной. Только за 8 месяцев 1989 г. в межнациональных конфликтах погибло 157 человек. В конфликт была втянута армия. В 1989–1990 гг. прошли столкновения участников националистических и национально-освободительных акций с войсками в Баку, Вильнюсе, Цхинвали, Бендерах. В апреле 1989 г. страну потрясла расправа войск над мирной демонстрацией в Тбилиси, когда десантники под командованием И. Родионова саперными лопатками рубили участников протестной акции. Но даже все вместе взятые сепаратистские и националистические акции не нанесли бы серьезный ущерб существованию СССР, если бы из его состава в 1990 г. фактически не начала выходить Россия. Весной 1990 г. прошли выборы во все органы государственной власти РСФСР. Состоялся 1 Съезд Народных депутатов Российской Федерации. На выборах победили демократы и сторонники Б. Ельцина. Последний был избран Председателем Верховного Совета РСФСР. Под его председательством с 31 мая по 9 декабря 1990 г. в РСФСР было принято 95 новых законов, противоречащих законам СССР и создающих базу для отделения

республики от Союза. 12 июня 1990 г. была провозглашена независимость Российской Федерации.

В республике началось ускоренное государственное строительство:

1. Была создана государственная собственность РСФСР. Принятый 4 июля 1990 г. закон о собственности на территории РСФСР провозгласил наличие и правовое равенство в республике муниципальной, частной и государственной собственности;

2. Были созданы границы РСФСР как границы отдельного государства, создано Главное таможенное управление и Главное управление по туризму;

3. Создана инфраструктура рынка в России, создана Торговая палата Российской Федерации, Академия внешней торговли, Госснаб СССР был передан в ведение России и преобразован в Госкомитет РФ по материально-техническому обеспечению, создана товарная биржа;

4. Создана финансовая система РСФСР, собственностью России объявлена союзная банковская система;

5. Начали создаваться судебные и «силовые» ведомства, создан республиканский Конституционный Суд, в мае 1990 г. был создан КГБ РФ, а 18 октября 1990 г. Верховный Совет РФ постановил, что Госарбитраж РФ должен руководствоваться принципом верховенства республиканских законов;

6. Были созданы республиканские СМИ и органы управления ими, то есть Министерство печати России. В республике активно проводилась департизация, ликвидация организаций КПСС на предприятиях и в государственных органах. Были подготовлены и заключены межгосударственные договора с другими республиками СССР.

В сложившихся условиях основной оппонент усиления Российской Федерации, которым к тому времени стал М. Горбачев, попытался для борьбы с лидером республики, Б. Ельциным инициировать сепаратистское движение в российских автономиях. Под влиянием местных националистов, с одной стороны, и Президента СССР, с другой стороны, до зимы 1990 г. 14 из 16 автономных республик РСФСР провозгласили свою независимость. «Война законов» вошла в свой апогей. Законы автономий отрицали российские, которые, в

свою очередь, противоречили союзным законодательным актам. В стране остро встал вопрос о необходимости заключения нового союзного договора, который сможет учесть интересы и центра, и регионов. Основным путем для обсуждения контуров будущего союза политики избрали на первых порах путь плебисцитарной демократии, путь обсуждения ключевых вопросов будущего государственного устройства в ходе плебисцитов, референдумов.

24 декабря 1990 г. 4 Съезд народных депутатов СССР по инициативе и настойчивому требованию Президента СССР М. Горбачева принял два постановления о проведении референдума СССР. Первое постановление предусматривало проведение референдума о частной собственности на землю, второе — «о сохранении обновленного Союза как федерации равноправных суверенных Советских Социалистических республик». Второе постановление содержало также преамбулу, гласящую, что данное постановление принято «в связи с многочисленными обращениями трудящихся, высказывающими беспокойство о судьбах Союза ССР, и, учитывая, что сохранение единого Союзного государства является важнейшим вопросом государственной жизни, затрагивает интересы каждого человека, всего населения Советского Союза». Оба постановления предусматривали учет результатов голосования по каждой республике в отдельности. В обоих постановлениях во втором пункте было записано поручение Верховному Совету СССР определить дату референдума и меры по его обеспечению. Ни Президент СССР, по инициативе которого были приняты данные постановления, ни Съезд народных депутатов СССР не потрудились сформулировать вопросы референдума. Не было в постановлениях и поручения Верховному Совету СССР сформулировать вопросы. Тем не менее Верховному Совету пришлось определять не только дату проведения референдума, но и формулировку вопроса. Причем назначен был лишь референдум по вопросу сохранения СССР. По поводу референдума о частной собственности на землю председатель комитета Верховного Совета по законодательству Ю. Х. Калмыков объяснил на сессии Верховного Совета СССР: «Президент пока просил воздержаться от проведения этого референдума, и я не могу за него решать». Тот факт, что после решения Съезда

вопрос о проведении референдума не должен зависеть от желания Президента, не был принят во внимание.

Формулировка вопроса референдума вызвала на сессии жаркие дебаты. Комитет по законодательству предложил вопрос сформулировать так: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» Многие депутаты отмечали, что в таком вопросе в действительности содержится несколько вопросов, на которые могут быть даны разные ответы. Предлагалось вынести на референдум несколько вопросов, например, один вопрос о сохранении СССР в принципе, другой — о будущем устройстве Союза. Но все предложения по изменению формулировки был отвергнуты. Принятое 16 января 1991 г. Постановление Верховного Совета СССР назначило референдум СССР на 17 марта 1991 г. Зачастую в современной литературе этот референдум называется «референдум о сохранении Союза». Однако с формально-правовой точки зрения это было не более чем опрос общественного мнения. Одновременно с референдумом о Союзе прошел референдум о введении в России должности президента республики. Руководство Верховного Совета РСФСР и многие народные депутаты РСФСР решили воспользоваться моментом, чтобы провести 17 марта 1991 также общероссийский референдум по жизненно важным вопросам. По Закону РСФСР «О референдуме РСФСР» для назначения референдума необходимо было собрать подписи не менее миллиона граждан РСФСР или не менее одной трети от общего числа народных депутатов РСФСР. 1 февраля Президиум Верховного Совета РСФСР удостоверил подписи более трети народных депутатов РСФСР (полученных в основном по телеграфу) под требованием о проведении референдума по двум вопросам: Считаете ли вы необходимым сохранение РСФСР как единого федеративного многонационального государства в составе обновленного Союза? Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?

7 февраля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял решение о проведении 17 марта 1991 г. одновременно с рефе-

рендумом СССР российского референдума. Выносимые на референдум вопросы были изъяты из окончательного текста постановления: во-первых, формулировки вопросов вызвали споры; во-вторых, формулирование вопроса являлось прерогативой инициаторов референдума, а не Верховного Совета; в-третьих, в это время проводился сбор подписей под другими вопросами. В частности, Б. Н. Ельцин на заседании Верховного Совета РСФСР предложил депутатам поддержать предложение о включении в число вопросов референдума вопроса о частной собственности на землю. Однако под всеми остальными вопросами необходимое число подписей не было собрано. На заседании Верховного Совета РСФСР 21 февраля вновь возникла дискуссия по вопросам, выносимым на референдум. Депутаты-коммунисты пытались на этом основании добиться отмены решения о проведении российского референдума по обоим вопросам. Однако председательствовавший на этом заседании заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов повел линию на исключение первого вопроса (чтобы не допустить раскола) и сохранение второго. Вначале он обратился к депутатам, поставившим свои подписи под требованием о проведении референдума, с просьбой отозвать требование о первом вопросе. Поняв, что этого не произойдет, он собрал в обеденный перерыв Президиум Верховного Совета РСФСР и добился на нем отмены регистрации вопроса о сохранении РСФСР — по формальным основаниям. Таким образом, на референдум РСФСР был вынесен один вопрос — о введении поста Президента РСФСР. В конце февраля экстренный пленум совета представителей движения «Демократическая Россия» высказал свое отношение к вопросам союзного и российского референдумов. 27 февраля газета «Куранты» поместила решение «Демократической России» крупными буквами на первой странице: «ДА — на вопрос России, НЕТ — на вопрос Центра».

В референдуме 1991 г. о сохранении СССР и о введении поста Президента РСФСР приняло участие 75,44 % избирателей страны. Ответило «ДА» сохранению Союза 71,34 %. Ответило «НЕТ» СССР — 26,39 % избирателей. Процент недействительных бюллетеней — 2,27 %. В референдуме о Президенте России приняло участие 75,09 % избирателей. Ответило «ДА» 69,85 % участников голосования. Ответило «НЕТ» —

28,01 %. Процент недействительных бюллетеней 2,14 %. Ответило «ДА» от числа избирателей, внесенных в списки для голосования 52,45 %[44].

Россия проголосовала за введение поста Президента. Это привело к резкому усилению власти Б. Н. Ельцина. Весной 1991 г. состоялся III внеочередной съезд Народных Депутатов России. На нем к демократам и сторонникам Б. Н. Ельцина примкнула недавно созданная депутатская фракция «Коммунисты за демократию», объединявшая часть разочаровавшихся в формальных лидерах Компартии депутатов-коммунистов во главе с полковником А. Руцким. В союзе с этой группой на съезде Б. Н. Ельцин получил дополнительные полномочия.

Собравшийся в мае IV Съезд Народных Депутатов РФ принял решение о проведении выборов Президента России. Эти выборы состоялись 12 июня 1991 г. В ходе президентских выборов большинство россиян уже в первом туре проголосовало за Б. Ельцина. На второе место вышел поддержанный КПСС Н. Рыжков. Сенсацией выборов стало третье место лидера ЛДП СССР В. Жириновского. Четвертым оказался один лидер Кемеровского облсовета, коммунист А. Тулеев, пятым Председатель КГБ В. Бакатин, а шестым — поддержанный националистами и обществом «Память» А. Макашов.

Фактический выход из подчинения федерального центра России и крупных союзных республик, «парад суверенитетов» автономий (не только в России, но и в других республиках Союза), образование в результате национального кризиса новых квазигосударственных образований, например, Приднестровской молдавской республики (ПМР), практическое отделение Прибалтийских и Закавказских республик вынудил руководство СССР попытаться хоть как-то удержать видимость существования Союза, найти некий компромисс в ходе переговоров с руководителями республик в Новоогарево, выработать новый союзный договор.

Де факто это был курс на создание конфедерации на месте бывшего СССР. Переговоры начались 23 апреля 1991 г. Договор должен был быть подписан 20 августа того же года. Восемь республик из 15 согласились подписать новый договор.

---

[44] Любарев А. Е. Выборы в Москве. Опыт 12 лет. / М., РОИ, 2000.

Он был опубликован 16 августа. Но уже через два дня произошли события, перечеркнувшие и идею договора, и существование самого СССР. Итак, особенности развития нашей страны в анализируемый период (1988 — лето 1991 гг.) были следующие: Экономические — шло создание базиса капиталистического хозяйства, нерыночная система ликвидировалась «сверху», менялся характер собственности; Политические — проходила смена формы и характера управления государством, до весны 1989 г. формально существовала советская федерация СССР. С весны 1989 г. по весну 1990 г. это была парламентская республика, а с весны 1990 г. до лета 1991 г. — президентская республика с элементами плебисцитарной демократии; Социально-классовые — на основе номенклатуры начала формироваться буржуазия, а на основе не номенклатурных социальных групп — эксплуатируемые классы (пролетариат и т. п.); Национальные — проходил «парад суверенитетов», отделение от федерации, объявление независимости практически всеми союзными и большинством автономных республик Союза. «Парад суверенитетов» осложнялся «войной законов», противоречиями в законодательных системах автономий, республики и федерации.

Важной специфической чертой политического развития страны стал конфликт Президента СССР М. Горбачева и Президента России Б. Ельцина. Однако перечисленные процессы имели огромную специфику «на уровне травы», то есть в нижних этажах государственного здания, на уровне городов, поселков и городских микрорайонов. Особенно в промышленных моногородах СССР, которых в стране большинство. В них возникали протестные движения, которые иногда определяли судьбу микрорайона или города больше, нежели решения съезда Народных депутатов или партконференции. Понять механизм функционирования органов общественного самоуправления, возникших на базе производственных протестных движений, то есть забасткомов и новых профсоюзов, и их роль в жизни нашего государства и общества можно, проанализировав развитие этого явления.

Как они возникли?

Для ответа на этот общий вопрос надо проанализировать ряд частных моментов: Что было непосредственным источником для возникновения производственного протестного общественного самоуправления в форме забасткомов? Каковы причины и алгоритм социального конфликта, породившего производственное общественное самоуправление и забасткомы? Как трансформировались и институционализировались органы руководства социальными конфликтами на территории города и на производстве? Каков характер требований участников протестных движений, сформировавших первые органы производственного общественного самоуправления, забасткомы? Каковы были их статусы, структура, социальная опора, функции, иерархические и субординационные связи, массовая опора? Какова была динамика развития забастовочного движения в нашей стране? В чем феноменологические особенности забастовок в России в конце 80-х — начале 90-х годов? Что общего и каковы различия в генезисе и функциях забасткомов?

Отвечая на поставленные вопросы, мы четко должны осознавать, что конец 80-х — начало 90-х годов для значительной части предприятий РСФСР было временем подготовки и проведения «перехода под юрисдикцию России», ухода из ведения союзных министерств и ведомств (соответственно и из системы оперативного руководства союзной номенклатуры) и подчинения российским министерствам (а значит — номенклатуре Российской Федерации). Согласно Постановлению Совета Министров РСФСР № 37 от 22 января 1991 г. «Об утверждении Положения о порядке перехода в юрисдикцию органов государственного управления РСФСР предприятий и организаций союзного подчинения, расположенных на территории РСФСР», этот процесс регулировался Госкомимуществом России, который имел право уполномочить любую организацию проводить данную процедуру. При этом могло быть принято решение о преобразовании переходящего в российскую юрисдикцию предприятия в акционерное общество, сдаче его в аренду и приватизации.

Другими словами — одна часть номенклатуры (российская) экспроприировала собственность у другой части номенклатуры (союзной), приватизировала ее, превращаясь в

буржуазию. Грабеж подобного рода был характерен для периода первоначального накопления в «перестроечной» России[45]. Он был юридически безопасен (согласно упомянутому выше постановлению Совмина России споры с Союзом решал, фактически подчиненный Председателю Верховного Совета России Б. Ельцину, Госарбитраж РСФСР, а не союзные судебные органы), и стал возможен благодаря массовой поддержке российского режима со стороны рабочих. Именно они стали основным союзником лидера России, Б. Ельцина в борьбе с Президентом СССР М. Горбачевым, позволили начать в РСФСР проведение массовой номенклатурной приватизации.

С 1989 г. в поддержку Ельцина, против союзного руководства (главным образом — против руководства КПСС) начались массовые забастовочные выступления, в основном, шахтеров, строителей и промышленных рабочих. Так с января по март 1989 г. в шахтерских регионах прошло 11 забастовок, а с января по август 1989 г. потери рабочего времени в РСФСР из-за забастовок составили 1073,9 тысяч человеко-дней[46].

Первая массовая забастовка предприятия в нашей стране прошла с 4 по 8 апреля 1989 г. в поселке Талнах (город-спутник Норильска). Забастовало 10 тысяч шахтеров. Из них около тысячи не вышли на поверхность и провели подземную забастовку. Остановились 4 рудника: «Октябрьский», «Маяк», «Комсомольский» и «Таймырский». Несмотря на то, что через три дня после начала забастовки администрация предприняла 12 все меры для удовлетворения экономических требований горняков, еще 7 апреля 594 шахтера продолжали акцию протеста под землей.

Первая массовая региональная забастовка состоялась в Кузбассе в июле 1989 г. Тогда за неделю с 10 по 17 июля из 648 724 трудящихся области, работающих на 589 предприя-

---

[45] См. например: Говорухин С. Великая криминальная революция / М., 1993.

[46] Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., 1989, с. 173.

тиях, 225 340 участвовало в забастовке 209 предприятий[47]. Ущерб от забастовки составил 65,6 млн руб.[48] 17 июля 1989 г. шахтеров Кузбасса поддержали горняки шахты «Хальмер-Ю» и Печорского угольного бассейна, объявившие забастовку солидарности. А через три недели, 5 августа 1989 г. забастовали все 13 шахт Воркуты. То есть в современной России потребовалось всего три месяца, чтобы забастовочное движение перешло от уровня массовой забастовки на предприятии к массовой забастовке в границах региона.

Каковы были суточные масштабы кузбасской забастовки? Определить это сложно. Сборник «Шахтерское движение» явно преувеличивает ее размах, а книга «Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь?», — преуменьшает[49].

Но можно смело утверждать, что за сутки в забастовке в Кузбассе принимало участие не менее 140 тысяч рабочих и не менее 158 предприятий одновременно. Это — огромный размах забастовки.

Первая общероссийская отраслевая политическая забастовка прошла в стране весной 1991 г. спустя всего восемнадцать месяцев после всекузбасской стачки. Эта была мощная забастовка шахтеров с требованием реорганизации Советского Союза и заключения нового союзного договора.

Каковы были результаты и динамика этой забастовки? Где она началась? 1 марта 1991 г. шахтеры производственного объединения «Красноармейск-уголь» (УССР) «возобновили» «прерванную» в 1989 г. забастовку в связи с тем, что правительства УССР и СССР не заключили с ними генеральное тарифное соглашение[50]. Кроме того, шахтеры требовали повы-

---

[47] Справка Кемеровского обкома КПСС о забастовке трудящихся области 10.07.89–17.07.89 / Архив автора.

[48] Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., 1989, с. 102.

[49] Там же; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы /М.,1992, т. 1, с. 8–18.

[50] Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь? / М., 1989, с. 102; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, т. 1, с. 23–24, 89–107.

сить зарплату и заключить новый союзный договор между так называемым «центром» и Украиной. Последнее требование фактически совпадало с сепаратистскими устремлениями украинской номенклатуры и национальных радикалов, поэтому требования бастующих поддержали националисты на всей территории республики. Сначала бастовало 4 шахты Донбасса, но позже число бастующих предприятий на Украине выросло до 54. Одновременно с Донбассом «в забастовку» «легла» Караганда. 22 шахты Казахской ССР забастовали с теми же требованиями, что и на Украине, и при аналогичной поддержке националистов.

То есть забастовка началась вне России при активной поддержке противников СССР как централизованного государства. Но она быстро перекинулась на российскую территорию. 2 марта забастовали 2 смены на воркутинских шахтах «Октябрьская» и «Воркутинская», а также прошла 4-х часовая забастовка в Подмосковном угольном бассейне. Забастовка быстро вышла за границу угольных регионов страны. 3 марта забастовали горняки Норильска, а также машиностроители и сталевары Брянской области (Брянский машиностроительный, Брянский сталелитейный и Бежецкий сталелитейный заводы).

Российские шахтеры ждали решения горняков Кузбасса. И вот 4 марта «лег» Кузбасс. В тот же день забастовала Ростовская область.

Российские шахтеры фактически поддержали сепаратистские требования националистов и правящей номенклатуры Украины и Казахстана, потребовав роспуска Верховного Совета СССР и отставки Президента СССР. 5 марта телеграмма с требованиями шахтеров была официально отправлена в Кремль.

7 марта начал бастовать Печорский угольный бассейн. 7–8 марта «легло» 9 шахт. Не присоединились к забастовке шахты «Воргашорская», «Аяч-Яга», «Южная», «Хальмер Ю». Но 9 марта 1991 г. забастовали и они. Однако забастовку прекратили шахты: «Октябрьская», «Центральная», «Юр-Шор» и «Юнь-Яга». Вскоре прекратила забастовку шахта «Воргашорская». 3 шахты города Воркуты работали, но уголь не отгружа-

ли. При этом общее число бастующих шахт достигло 114. Остановились полностью 92 шахты.

В то же время в Москве на Манежной площади началась голодовка представителей стачкомов. Забастовка расширялась: 17 марта «легла» шахта «Заполярная» (Воркута). 20 марта «легли» в забастовку 4 из 5 шахт Инты. 1 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов направил бастующим телеграмму, в которой запрещал забастовки. Ответ не заставил себя ждать. «Не запугаете», — сказали шахтеры.

В тот же день «легла» шахта «Северная» (Воркута), а 3 апреля вновь «встала» «Воргашорская». 3 апреля полномочные представители бастующих угольных коллективов подтвердили свои политические требования — отставка Президента СССР, роспуск союзных органов, подписание нового союзного договора. К концу апреля основные требования бастующих были удовлетворены. Начался «новоогаревский процесс», попытка создания нового союзного договора. Начался раздел собственности Союза ССР. Предприятия горнорудной промышленности начали переход из союзной юрисдикции под республиканские. СССР был нанесен смертельный удар. Забастовка окончилась победой.

Итак, спустя всего одиннадцать месяцев после первой массовой забастовки на российском предприятии, состоялась общероссийская политическая забастовка, в результате которой был дан серьезный импульс для окончательной дезинтеграции СССР. Еще раз повторим — всего три месяца потребовалось в 1989 году рабочему движению в России, чтобы пройти путь от организации массовых забастовок на предприятии до организации массовых забастовок в масштабах региона. И всего восемнадцать месяцев, чтобы перейти от массовой забастовки в регионе к общенациональной политической забастовке. То есть динамика развития шахтерского забастовочного движения в изучаемый период говорит либо о высокой сознательности и организованности рабочего класса, что оспаривают почти все серьезные исследователи, либо о том, что забастовочное движение конца 80-х — начала 90-х только по своей форме было стачечным движением. Может быть, по своей сути оно было чем-то иным. Чем?

Ответить на этот вопрос невозможно без анализа объективных и субъективных причин забастовок.

Каковы причины забастовок?

Мы выделяем социально-технологические, социально-психологические и субъективные причины. Каковы социально-технологические причины забастовок? Не надо доказывать, что шахтерский труд — один из самых тяжелых и опасных. Однако мало кто знает, что большинство российских шахт — или «детища» первых пятилеток, или «наследие царизма». Есть шахты, которые существуют с 1897 года, например, «Судженская» в Кузбассе. Оборудование многих шахт несовременное. Залегание угольных пластов на значительной части шахт России крутое, добыча угля зачастую немеханизированная. Не менее трети российских шахт относятся к категории неперспективных и, по сложившимся представлениям, являются кандидатами на закрытие. В годы «застоя» эти шахты содержались только по социально-политическим причинам. Практически все шахтоуправления в середине 80-х имели недокомплект кадров. Молодежь считала, что лучше в «никуда», чем в шахтеры. Поэтому мы утверждаем, что главная социально-технологическая причина забастовок в том, что сама отрасль угледобычи в стране технологически отсталая, неэффективная. В такую отрасль ни один лидер страны с середины 80-х не планировал серьезные инвестиции.

Каковы социально-психологические причины забастовок? Первая социально-психологическая причина забастовок тесно связана с местом проживания горняков. Большинство горняков — жители шахтерских поселков. Даже такие крупные поселения как Воркута или Прокопьевск по сути — скопления шахтерских поселков. Это почти патриархальные районы. Шахтеры в больше степени, чем работники других отраслей добывающей промышленности шахт живут в частных домах. Следствием этого является то, что отношения на производстве дополняются тесными соседскими отношениями. Можно говорить об определенной степени общинной поддержки друг друга. Кроме того, проживание на протяжении нескольких поколений в относительно небольшом поселении привело к установлению родственных отношений между жителями поселка. Не удивительно, что этот дух «коммунального обще-

жития» со сплетнями, знанием подноготной друг друга и чисто житейскими проблемами переносится и на предприятие. Родственники работников подземной группы зачастую работают в администрации. Соответственно, все, что происходит в «конторе», сразу же становится известным во всем коллективе и не может не отражаться на производственных отношениях. Это говорит о том, что в шахтерской среде давно сформировались все типы соседств, а ведущую роль играли, скорее всего, оборонные.

Вторая социально-психологическая причина забастовок кроется в конфликтогенности самого шахтерского труда. В шахтерских коллективах всегда были свои конфликты и проблемы, но до начала «перестройки» они оставались «за кадром», поскольку коллектив был объединен общей целью выполнения плана, участия в соцсоревновании и т. п. Когда социально-политическая роль смотров, и всевозможных «починов» превратилась в простую формальность или исчезла, социально-психологическая напряженность в угледобывающей отрасли, по сравнению с другими, стала более заметной. Выплата премий за хорошую работу и наложение штрафов в конце 80-х — начале 90-х обесценились, так как и то и другое «съедалось» инфляцией. Натуральные выдачи продуктов, организованные руководством ряда шахт, были настолько малы, что носили издевательский характер. Это издевательство усугублялось масштабным и заметным всем окружающим воровством всевозможного «начальства». Например, в 1984–1985 гг. приписки, обнаруженные контрольными органами на объединении «Севуралбокситруда» составили 226 тысяч рублей. В 1986–1988 гг. на том же предприятии было найдено приписок уже на сумму 512 тысяч рублей[51].

Газеты конца 80-х — начала 90-х полны сообщений о воровстве кирпича, леса, товаров народного потребления директоратом и их окружением. На наш взгляд, третья и главная социально-психологическая причина забастовок кроется в

[51] Письмо бывшего начальника транспортного цеха ПО СУБР Кузьмина О. В. и бывшего начальника ОТК ПО СУБР Подъельского А. И. в ОЗК 17.05.91 / Архив автора.

неуважении руководителей угольных предприятий к трудящимся.

Итак, в угольной отрасли были и социально-технологические, и социально-психологические причины для возникновения протестного движения. Однако, на наш взгляд, эти причины были не слишком значительны, чтобы вызвать к жизни масштабное забастовочное движение.

Шахтерское положение было тяжелым, но не уникальным. По крайней мере, ни в источниках, ни в исследовательской литературе нет данных о том, что шахтеры жили гораздо хуже большинства российских рабочих.

Может быть забастовки вызваны к жизни каким-то субъективным фактором? Каковы субъективные причины забастовок? Нет возможности перечислить всех талантливых организаторов: народных депутатов, крупных государственных служащих и видных общественных деятелей, — которых выдвинула в ходе забастовок конца 80-х годов шахтерская среда. Это и В. Уткин из Воркуты, и В. Голиков из Кузбасса, и И. Мохначук из Инты, и ростовчанин В. Катальников и многие другие. Однако заметим одно — шахтерская забастовочная среда не выдвинула ни одного общефедерального лидера. Русского Валенсы среди горняков не оказалось! Крупные забастовки шли без крупных лидеров. Это удивительно!

Может быть, кто-то иной руководил бастующими? Выступая 25 октября 2000 г. на конференции «Независимый профсоюз горняков — 10 лет на исторической сцене» Болдырев Ю. А., один из руководителей шахтерского забастовочного движения тех лет, говоря о забастовке июля 1989 года, сказал: «Забастовка возникла в 1989 году не по народной инициативе, а по разрешению Горбачева. Спланировал и осуществил ее КГБ СССР, в котором шла напряженная борьба. Одна из фракций победила и организовала эту забастовку. Например, в ночь с 21 на 22 июля, когда забастовка захлебывалась, и люди могли разойтись, я сам видел, как два кагебэшника, переодетые в простую одежду, заводили толпу. Система советская рушилась и рождала каких-то монстров. Одним из таких монстров были мы с вами. Это система решала за нас, кем мы должны стать»[52].

---

[52] Бюллетень школы трудовой демократии, 2000, № 18, с. 21.

Подтвердить или опровергнуть мнение о большой роли спецслужб в организации забастовки невозможно без материалов архива КГБ, но он, к сожалению, недоступен для автора этих строк. Повторим вывод:

• Первое — на наш взгляд, объективные причины для социального недовольства в шахтерской среде были не слишком значительны, чтобы вызвать к жизни масштабное забастовочное движение;

• Второе — шахтерские лидеры были сильны, но не настолько, чтобы руководить общефедеральным забастовочным движением.

• Третье — есть гипотеза о большой роли КГБ в деле организации первых массовых забастовок и о высокой степени управляемости рабочим движением со стороны спецслужб, что мы отвергаем, так как не разделяем конспирологический подход к историческому процессу.

• Наконец, главное — все это ни на шаг не приближает нас к ответу на вопрос о сути забастовочного движения.

Что же такое российская забастовка?

Для ответа на этот вопрос проанализируем требования бастующих. Анализируя материалы бастующих горняков в 1989–91 гг. ясно видно 7 групп требований[53]:

1. Экономические: Шахтеры требовали предоставить экономическую самостоятельность предприятиям угольной отрасли (в том числе разрешить в Кузбассе «зону свободного предпринимательства»); реорганизовать государственные шахты в иные формы собственности; разрешить продажу отрасли сверхплановой продукции по рыночным ценам внутри страны и за рубеж; поднять цены на уголь; разрешить предприятиям самостоятельно устанавливать нормы выработки.

2. Политические: Бастовавшие горняки требовали обеспечить: отзыв народных депутатов СССР, избранных от общественных организаций и отмену выборов от общественных организаций, то есть изменение электорального законодательства; отмену 6 статьи Конституции СССР, говорящей

---

[53] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1; с. 51–60; Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., 1989, с. 39–42.

о «руководящей роли КПСС», вывод парткомов КПСС с предприятий, введение свободы создания партий, то есть изменение законодательства о партиях; отмену законов о митингах и демонстрациях, изменение законодательства о митингах; создание нового закона о коллективных трудовых спорах; реформирование ВЦСПС, изменение места профсоюзов в политической системе; свободу средств массовой информации от цензуры; отставки руководителей силовых ведомств, деполитизации и реорганизации КГБ и МВД, то есть реорганизации репрессивных органов государства; строительства церквей, реальной свободы совести. В октябре 1989 г. было сформулировано требование об отмене совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР[54].

3. Профсоюзные, то есть требования, связанные с повышением зарплаты, пособий, пенсий, улучшением условий труда, отмены дисциплинарного устава, восстановлением на работе незаконно уволенных, увеличением срока отпусков, расширением трактовок профзаболеваний.

4. Управленческие: Горняки требовали упростить структуру управления и сократить аппарат управленцев на предприятиях и «других промежуточных звеньях управления», уменьшить объем отчетности, сократить инструкции по технике безопасности. На наш взгляд, эти требования были всего лишь проявлением ненависти рабочих к «белым воротничкам», которых они считали «нахлебниками» на «рабочей шее». В определенной мере, младший и средний управленческий персонал объективно был союзником эксплуататоров и проводником их политики на предприятиях. Но он не был, да и не мог быть эксплуататорской группой. Появление такой «ложной цели» как «бюрократы» — большая удача российской номенклатуры. Она смогла выместить классовую ненависть эксплуатируемых шахтеров на ложном объекте.

---

[54] Требования ВГ РСК 01.11.89; Резолюция митинга в Воркуте 11.07.90; Резолюции V конференции СРКК 29–30.09.90 / Архив автора; см. также «Рабочее слово», 1989, № 3.

5. Сепаратистские требования, требования раздела СССР. К 14 марта 1991 г. они звучали так:

a. Отставка Президента СССР;
b. Роспуск Кабинета министров СССР;
c. Роспуск Съезда народных депутатов СССР;
d. Роспуск Верховного Совета СССР;
e. Подписание нового союзного договора;
f. Ликвидация влияния КПСС на силовые структуры;
g. Передача ведущих СМИ в юрисдикцию России;
h. Принятие закона о политической забастовке;
i. Выход России из СССР.
j. Кроме того, шахтеры требовали передать реальную власть в союзных республиках республиканскому руководству, поддерживали требования сепаратистски настроенных прибалтийских народных фронтов.

6. Изоляционистские требования, главным из которых было прекращение «помощи СССР» «братским» государствам.

7. Идеологические требования. Они появились в 1990–1991 гг. и заключались обычно в требованиях ликвидации КПСС и ее символов[55]. Подробнее данные требования мы проанализируем ниже, говоря о ГКЧП, т. к. именно в ходе ликвидации этого органа идеологические требования вышли на первое место в требованиях бастующих.

Каков характер основных требований бастующих?

Легко заметить, что требования шахтеров абсолютно соответствовали программе обуржуазившейся номенклатуры. Изменить форму собственности угольных предприятий на практике означало сделать их частными. Разрешить продавать сверхплановый уголь за рубеж означало включиться в мировой угольный рынок. Подъем цен на уголь внутри страны в условиях начавшегося первоначального накопления решал проблему нехватки переменного капитала, то есть неформальные владельцы шахт, то есть директорский состав, планировали получить деньги для капиталистического «старта» за счет ограбления внутренних потребителей, которые не имели

---

[55] Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., 1993, с. 31.

возможности купить топливо у иных производителей. Этому же способствовала экспроприация части номенклатурной собственности союзного подчинения, например, раздел имущества ВЦСПС и национализация имущества КПСС. Наконец, установление угольными предприятиями норм выработки открывало широчайшие возможности для введения «потогонной» системы и увеличения абсолютной нормы эксплуатации шахтеров. Мы считаем, что экономические требования горняков можно назвать прономенклатурными, а так как номенклатура в то время трансформировалась и превращалась в буржуазию, то и пробуржуазными.

Кроме того, шахтеры требовали реорганизовать правительство СССР, высшие органы государственной власти и силовые структуры. Это объективно способствовало воплощению в жизнь рыночных требований и входило в те дни и в планы М. С. Горбачева. Поэтому политические требования бастующих можно условно назвать прогорбачевскими.

В целом, требования горняков носили рыночный характер. Это означает, что по своему характеру динамичная забастовочная борьба шахтеров была борьбой за скорейшее внедрение рыночных капиталистических отношений.

Но были ли эти требования стабильны?

Ответ на этот вопрос можно дать, анализируя динамику изменений требований забасткома на производственном объединении «Севуралбокситруда» (ПО СУБР). Забастовка на этом предприятии прошла в апреле 1991 года.

Она началась 1 апреля как однодневная забастовка солидарности. Сначала политических требований горняки СУБР не выдвинули, и главным своим требованием считали обсуждение с администрацией проблемы работы предприятия в условиях перехода к рынку. Единственное политическое требование было требование к Съезду народных депутатов РСФСР — ввести пост Президента России. Телеграмму с этим требованием шахтеры послали в Москву. В тот же день к бастующей 1 смене шахты № 14 присоединилась 3 смена, а также 2 и 3 смены шахты «Черемуховская». Тогда же требования горняков поддержала Североуральская организация Демократической партии России (ДПР). Кроме того, требования

шахтеров поддержал Президиум Североуральского городского Совета народных депутатов.

4 апреля 1991 обращение Президиума было утверждено сессией горсовета. Анализируя этот документ, удивляешься — депутаты горсовета Североуральска поддержали, например, требование о принятии закона об отзыве народных депутатов России, которое шахтеры Североуральска на тот момент не выдвигали! Так горсовет поддержал требование, выдвинутое в других регионах. Шахтеры же Североуральска говорили на своих собраниях о необходимости роспуска съезда депутатов России, а не отзыве депутатов. При этом 1 апреля это требование, как требование забасткома, сформулировано не было. Видимо, каждый видел в требованиях бастующих свое.

На следующий день, 2 апреля 1991 г. шахтеры не увидели никакой реакции властей. Автоматически суточная забастовка солидарности начала превращаться в бессрочную политическую стачку.

Утром 3 апреля бастующие посылают телеграмму на Съезд народных депутатов РСФСР, в которой еще раз излагают свои требования:

1. Внести в повестку дня Съезда вопрос о Президенте РСФСР;
2. Принять закон об отзыве народных депутатов РСФСР до выборов Президента России;
3. Заключить Союзный договор на условиях республик.

Фактически это была первая редакция требований, которая отличалась от первоначального варианта. Во-первых, были убраны умеренные экономические требования, во-вторых, видимо, под влиянием депутатов горсовета, было сформулировано требование о принятии закона об отзыве народных депутатов России.

Однако вечером того же дня из штаб-квартиры Независимого профсоюза горняков (НПГ) из Москвы приходит телефонограмма с текстом совместного заявления представителей бастующих шахтерских коллективов и НПГ, принятом еще 1 апреля 1991 г. В этом заявлении содержатся радикальные политические требования:

1. Отставка Президента СССР;
2. Роспуск Съезда Народных депутатов СССР;

3. Создание коалиционного правительства народного доверия через «круглый стол» политических сил с участием шахтеров.

После получения подобной «директивы» от московских союзников, североуральцы вынуждены второй раз редактировать свои требования, приводить их в соответствие с требованиями остальных бастующих коллективов. При этом радикализм требований, естественно, отталкивает от горняков часть их первоначальных союзников — горсовет.

На собрании представителей трудового коллектива ПО СУБР 5 апреля выступили представители администрации, которые говорили о потерях предприятия в ходе забастовки и о необходимости выхода из стачки. На это представители забасткома ответили, что забастовку не прекратят до введения поста Президента России. Это было третье за пять дней изменение требований бастующих.

7 апреля правительством СССР фактически были выполнены почти все политические требования бастующих. Самое интересное то, что это не остановило забастовку!

Ее продолжению на СУБР невольно содействовала и позиция городской прокуратуры Североуральска. Последняя заявила о незаконности забастовки. Подобные действия прокуратуры были восприняты рабочими крайне негативно. «Вы нас запугать хотите?» — решили шахтеры. Естественно, проведенные с таким настроением собрания 8 и 9 апреля дали новый толчок забастовке — большинство горняков тайно проголосовало за стачку. И забастовка вновь вспыхнула. Причем, фактически без требований. Это был бунт против прокуратуры, как символа репрессивного аппарата.

На десятый день забастовки забастовочный комитет решил временно приостановить забастовку, так как глупо бастовать без требований. Был подготовлен пакет экономических требований к администрации, главным из которых было требование перехода предприятия в юрисдикцию России из ведения Союза ССР и акционирование СУБР. Тогда же общее собрание шахты № 14, инициировавшей забастовку, также приняло решение о приостановке забастовки. Однако прекратить забастовку оказалось нелегко. На ряде шахт «у руля» забастовки оказались радикалы. Разгоряченные десятидневной

забастовкой и частичной победой, горняки шахты «Кальинская» отказались приостановить забастовку, решив добиваться выполнения всех своих требований стачечным методом (даже таких на тот момент нереальных как отставка М. Горбачева).

Узнав о продолжении стачки, горняки шахты № 14, инициаторы забастовки, решили, что негоже оставаться в стороне и 19 апреля вновь «легли» в забастовку, требуя перевода шахты в юрисдикцию РСФСР, а 22 также — повторив свои политические требования об отставке М. Горбачева и В. Павлова, создания нового правительства и нового союзного договора.

На пятнадцатый день забастовки новая (уже четвертая) редакция требований бастующих телеграммой была отправлена на заседание Верховного Совета РСФСР. В телеграмме шахтеры требовали немедленного принятия закона об отзыве народных депутатов, передаче в ведение России теле и радиоканала, а также прекращения помощи иностранным государствам.

24 апреля прокуратура Североуральска направила объединенному забасткому (ОЗК) запрос, с просьбой разъяснить, является ли условием выхода из забастовки выполнение мероприятий экономического характера (которые к тому моменту уже были выполнены!)? ОЗК ответил, что не является, и повторил свои требования:

1. отставка Президента М. Горбачева и премьер-министра В. Павлова;
2. роспуск Съезда народных депутатов СССР;
3. формирование «правительства народного доверия»;
4. переговоры нового правительства и забасткомов;
5. заключение нового союзного договора.

Этот гордый ответ прокуратуре стал пятой редакцией требований бастующих и «лебединой песней» ОЗК. Забастовка «выдохлась».

22 апреля 1991 шахта «Кальинская» и шахта № 16 приостановили забастовку и уже через день, 26 апреля 1991 общее собрание последней бастующей на СУБР шахты № 14 приняло решение о приостановке забастовки.

Приведенный выше пример показывает, что требования бастующих были нестабильны и ситуативно редактировались. Забастовка могла идти вообще без сформулированных

требований! Почему? Может быть, у бастующих не было устойчивых представлений о том обществе, за которое они боролись? И как вообще представляли себе бастующие рыночное общество? Каковы были у бастующих горняков в 1989–91 гг. представления о механизме капиталистической эксплуатации и работе шахт как акционерных обществ?

В 1991 г. социологи по провокативной методике проводили в Кузбассе опрос о предпочтительных для шахтеров формах приватизации шахт. Они включили в анкету вопрос о приватизации через «аренду без выкупа имущества шахты» и другие нереальные формы приватизации и выяснили, что треть опрошенных выступает именно за эти нереальные формы, а не за акционерные общества, не за закрытые акционерные общества, не за частную собственность на шахты. Шахтеры совершенно серьезно считали, что победившие «демократы» отдадут шахты в собственность трудовых коллективов, т. е. позволят провести выкуп у государства шахт трудовыми коллективами. При этом государство позволит шахтерам расплатиться ваучерами[56].

Представления шахтеров о частной собственности были сродни некой мечте о «дачном капитализме». Согласно опросам 1990 г. 96 % шахтеров хотели иметь в частной собственности землю и квартиру, а 33 % хотели также иметь и собственный грузовик или трактор для обработки приусадебного участка. Но только 24 % желали быть собственниками производственных помещений, техники и оборудования для производства, т. е. $^3/_4$ рабочих не желали быть собственниками средств производства, а лишь мечтали о своей квартире, машине, даче[57].

Удивительными были представления шахтеров о капиталистических предприятиях. Согласно опросам октября 1990 г., такие капиталистические формы хозяйств как фермерские хозяйства, индивидуальные трудовые предприятия, акционерные общества, совместные предприятия, частные предприятия негативно оценили примерно 5 % шахтеров.

---

[56] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2; с. 284, 291–293.

[57] Там же с. 234–236.

Но все эти формы хозяйств в то время были в зачаточном состоянии, и шахтеры с ними почти не сталкивались. Единственная форма капиталистического хозяйства, с которой шахтеры сталкивались тогда повседневно — кооперативы. И эту форму негативно оценило уже 35 % опрошенных горняков[58], т. е. столкновение с реальным рыночным хозяйством моментально рассеивало иллюзии трудящихся о «цивилизованном рынке».

Шахтеры высказывались против введения частной собственности на горно-рудные предприятия, почти 90 % опрошенных предпочитали коллективные формы собственности, в том числе передачу шахт в собственность трудового коллектива, («за» — треть респондентов). Но при этом только 2 % шахтеров готовы были вложить свои средства в развитие предприятия, т. е. горняки хотели работать в условиях капиталистической рыночной системы на коллективном предприятии, выкупленном у государства за ваучеры и ничего не вкладывать в его развитие, предпочитая вкладывать деньги в свою собственность — квартиру, дачу, землю, машину (трактор). При этом подавляющему большинству шахтеров ($^2/_3$) было вообще безразлично, на каких предприятиях трудиться. «Лишь бы платили зарплату»[59].

Вывод прост и парадоксален — горняки бастовали и выступали за капиталистический рынок, но реально его не представляли. Отсюда и второй вывод — когда люди начинают борьбу за что-то, но не представляют себе результатов этой борьбы, то это означает, что для них важен не результат, а процесс самой борьбы. Значит перед нами не борьба за свои права, а иной феномен. Это — игра. Термин «игра» в данном случае понимается мною так, как описывал его Э. Берн. Потому и была возможна забастовка без требований! При этом процедура игры была для бастующих важнее социально-экономических последствий забастовок.

Иллюстрацией последнего тезиса являются результаты социологических опросов, проведенных осенью 1991 г. Соглас-

---

[58] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2; с. 237.

[59] Там же, с. 239–240, 293.

но этим результатам: 24,41 % шахтерских лидеров считал, что положение в стране будет ухудшаться; 74 % были уверены, что забастовки примут более широкий размах; 30 % считали, что в результате забастовок возникнет опасность экономической катастрофы[60]. Однако никто из шахтерских вожаков не желал противодействовать волне забастовок, не желал прекращать игру. Это объясняет тот ураганный характер, которое приняло забастовочное движение рубежа 80-х — 90-х вне зависимости от того, кто его инициировал. Это же вынуждает нас тщательнее проанализировать забастовку тех лет как социально-ролевую игру, как особый общественный феномен.

Больше всего забастовка напоминает неоднократно описанную в политологической литературе игру в «героя» и «дружину». Алгоритм действий политического героя, политического деятеля в ходе этой легенды неоднократно анализировался[61]. На базе этих исследований можно изложить основу политизированной героической легенды следующим образом: в «далекие годы» существовал «золотой век» (например, был царизм, сталинизм или социализм), затем вследствие действий тайных и явных «врагов общества» (например, демократов, коммунистов или жидомасонов) произошел кризис гармоничной системы (например, грянула война, революция, перестройка), после чего появился герой — политик, способный восстановить гармонию. Прошла его инициация (осознание им своей роли, харизмы, «предназначения»), состоялся сбор его «команды», группы поддержки, после чего героем был совершен «подвиг» — восстановлено (полностью или частично) общественное гармоничное устройство. Совершив «подвиг», герой уходит. Герой вписывается в особую систему субординационных и иерархических связей. Он подчинен «добрым силам» (народу, «царю» и т. д.) и борется со «злыми силами» (с врагами, «злым царем», «злым оборотнем»). Герой, как правило, выступает в трех «обличьях», близких к архетипическим образам: герой — «воин», герой — «добрый царь»,

---

[60] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2; с. 243, 247–248.

[61] См., например: Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М., Федоренко Т. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков / М., Знание, 1994.

герой — «мудрец». Соответственно этим «обличьям», строится его команда: «воин» взаимодействует с «дружиной», «царь» — с «боярами», «мудрец» — с «учениками». В определенной ситуации герой может менять «обличье»: «воин» становится «мудрецом», «царь» — «воином» и т. п. Герой обязательно защищает слабых — стариков, женщин, детей, а также «своих» — «свою» землю, территорию, на которые посягают «чужие». Одна из главных задач героя — снять угрозу для здоровья, генофонда и территории «своих». В чем нашла свои проявления эта игра в ходе шахтерских забастовок? На наш взгляд, в первую очередь — в обращениях бастующих[62].

Проанализируем текст обращения бастующих как игровой документ. Вот как обращался стачком шахты «Воргашорская» к трудящимся страны 22 ноября 1989 г. Привожу текст обращения (в сокращении) и комментарий. «Мы ... вступили на путь борьбы. Мы не хапуги и не рвачи, мы не стремимся и не допустим удовлетворения наших требований за счет других трудящихся. Мы не враги себе и не враги народу». Перед нами образ благородной «дружины» (не хапуги, не рвачи), вступившей в бой, защищая угнетенных (трудящихся, народ) «Первый пункт наших требований — действительно передать власть советам, землю крестьянам, фабрики — рабочим». Благородная «дружина» выдвигает лозунг 80-летней давности, что означает, как бы, поворот времени вспять, возвращение в иную историю и восстановление исторической справедливости. «Правящая бюрократия обеспокоена не убытками, наносимыми народному хозяйству, а нашей сплоченностью, твердостью и организованностью.» Враг «дружины» — трусливая, властвующая бюрократия. Дополнительные характеристики «дружины»: твердая, организованная, сплоченная.

Лидером «дружины», тем «героем», ради которого «дружина» «шла на битву» был в то время Б. Ельцин. Наивная вера в безграничные возможности бывшего секретаря Свердловского обкома компартии была крепка у антикоммунистически настроенных шахтеров. «Вот сейчас Ельцин примет указ,

---

[62] Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., 1993, с. 40–44; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 1; с. 34–38, 41–42.

что законы России должны выполняться четко и беспрекословно и тогда все встанет на свои места», — рассуждали они[63]. Зачастую бастующие, вообще, не желали признавать ничьих авторитетов, кроме авторитета «героя». Они жили игрой в «героя и дружину». Когда администрация ПО СУБР, руководители города и депутаты горсовета настаивали на прекращении забастовки, которая затянулась и грозила разрушительными последствиями для городского хозяйства Североуральска, то услышали от одного из членов забасткома: «По слову Ельцина прекратим забастовку».

Другой пример из истории той же забастовки. На 7 день стачки бастующие шахтеры ПО СУБР получили телеграмму Б. Ельцина, в которой он благодарил своих земляков за поддержку, сообщал о назначении президентских выборов на 12 июня 1991 г., и о том, что закон об отзыве депутатов подготовлен, а также разработана программа мер по выходу страны из кризиса. То есть сообщал о том, что фактически выполнены почти все политические требования бастующих. Но это не остановило забастовку! Игра продолжалась, так как продолжалась борьба «героя» — Б. Ельцина со «злом» — Компартией.

Однако социально-ролевая игра требует и своих особых проявлений. Во-первых, требуется своеобразное «заведение» играющих, пассионарный толчок. Эту роль для шахтеров часто выполняет подземная забастовка. Подземная забастовка — сродни голодовке, «сидению» на рельсах или иной суицидной манипуляции. Ее участники действительно «играют со смертью», так как невыход на поверхность в течение определенного времени может и повлиять на психику, и подорвать здоровье. Интересно и то, что когда подземной забастовки как пассионарного толчка нет, то все равно бастующие охотно говорят о ней, то есть «блефуют» как опытные игроки в покер. Например, уже в первый день забастовки ПО СУБР в адрес Президиума съезда народных депутатов РСФСР была послана телеграмма, в которой говорилось, что 2 тысячи горняков СУБР ждут ответа на свои требования под землей. Это был «блеф».

---

[63] Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., 1993, с. 52.

Данных о бастующих под землей шахтерах в дневнике забасткома в первые дни стачки нет. Подземная забастовка началась лишь на 4 день, и в ней одновременно принимало участие не 2 тысячи человек, а не более 65. Но игра есть игра! «Блеф» удался.

Во-вторых, такая игра предполагает особые роли участников. Как они распределялись?

На примере развития стачки на производственном объединении «Севуралбокситруда» (ПО СУБР) ясно видны основные участники (актеры) забастовки как игры в «героя и дружину».

Перечислим:

Первая роль, первая ролевая группа — бастующие, члены «дружины героя». Кто они? Каков их социальный портрет? В сентябре 1992 г. в ходе Совета представителей НПГ нами было опрошено 16 человек — членов Совета и 1 член Контрольно-ревизионной комиссии НПГ. На наш взгляд, при анализе социального портрета актива бастующих 1989–1991 гг., можно экстраполировать данные 1992 гг. Люди были те же.

Возраст опрошенных:

- 25–30 лет 5 человек
- 35–45 лет 8 »
- 50–55 лет 2 »
- более 55 лет 1 »

Место жительства респондентов:

- Город 9 человек
- Поселок 7 »

Образование

- Средне специальное 5 человек
- Среднее 6 »
- Неполное высшее 2 »
- Высшее 1 »

Часть опрошенных не указала свое образование, т. е. «средним» руководителем бастующих был сорокалетний средне образованный житель города.

По нашим наблюдениям, активисты НПГ редко подвергались репрессиям со стороны властей. Только четверо, отвечая на вопрос о репрессиях, отметили:

- Привод в милицию 1 респондент
- Вызов в КГБ 1 »
- Исключение из учебного заведения по политическим мотивам 1 »
- Судимость за организацию забастовки 1 »

Незначительность репрессий, которым подвергались лидеры шахтерского движения, вызывает удивление. Оно возрастает при ознакомлении с формами протеста, организаторами которых выступали интервьюируемые. В целом своеобразный опыт организации членами Совета представителей НПГ антиправительственных акций выглядел так:

Участие в организации:

- Несанкционированных митингов 7 респондентов
- Несанкционированных забастовок 13 »
- Несанкционированных демонстраций 4 »
- Несанкционированных пикетов 5 »
- Санкционированных митингов 9 »
- Санкционированных забастовок 6 »
- Санкционированных демонстраций 2 »
- Санкционированных пикетов 2 »
- Санкционированных петиционных кампаний 5 »
- Участие в голодовках 2 »

Многие респонденты участвовали преимущественно в организации несанкционированных акций, однако при этом не подвергались никаким преследованиям. Это свидетельствует либо о высоком общественном авторитете представителей НПГР, либо о наличии в реальном политическом руководстве страны в период 1989–1992 гг. значительных сил, заинтересованных в развитии радикальных форм шахтерского протеста, которые не позволяли репрессировать шахтерских лидеров.

Численность реально бастующих на одном предприятии горняков существенно колебалась — от 3 % до 75 % от общего числа работающих. Но даже минимальное число бастующих, подчас, не давало возможности предприятию работать.

Особенно — если бастовали рабочие основного производства или бастовало ключевое звено производства. Например, на ПО «Севуралбокситруда» с 1 апреля 1991 года по 26 апреля 1991 бастовало 2000 чел. Из них 1750 человек голосовало за забастовку на общем собрании. Из них 500 — рабочие основного производства (собственно шахтеров из забоя). И 65 из них были участники подземной забастовки. Обратите внимание: 65 участников подземной забастовки на ПО СУБР в 1991 г. остановили работу двух тысяч рабочих шахты!

Вторая ролевая группа — противники бастующих, противники «героя».

Для рабочих упомянутого ПО СУБР это, в основном, руководство горкома КПСС и прокуратуры. Формальные противники бастующих — директорат. У нас нет прямых сведений о поддержке бастующих директоратом предприятий, как нет сведений и о том, что директорат резко выступал против забастовок. Позиция директорского корпуса часто менялась. Формально директорат был противником бастующих и в начале забастовочной волны был явно растерян. Но, осознав, что забастовка вовсе не угрожает их существованию, а, даже наоборот, ведет к буржуазному благоденствию, превращению их в хозяев шахт при капиталистическом способе производства, они скорее помогали забастовщикам, не препятствуя проведению забастовки.

Третья ролевая группа — союзники бастующих, союзники «героя». Явными союзниками Б. Ельцина в конце 80-х были члены Межрегиональной депутатской группы (МДГ) на съезде народных депутатов СССР. Они вызывали к себе огромные симпатии в среде шахтеров в 1989 году. Например, 20 октября 1989 г., в разгар забастовки, в Воркуте прошел митинг поддержки МДГ. Можно отметить зарубежную профсоюзную поддержку бастующих со стороны АФТ-КПП. Например, когда 7 марта 1991 г. руководство Независимого профсоюза горняков СССР (НПГ СССР), выступило с обращением «Ко всем профсоюзам мира», где содержалась просьба о помощи, то первыми откликнулись американцы. Уже 8 марта руководитель АФТ-КПП Л. Керкланд выступил с заявлением, в котором было сказано, что «АФТ будет работать с целью обеспечить поддержку в рамках демократического профсоюзного сообщества

для немедленного прекращения экспорта любого советского угля в индустриальные страны, пока длится забастовка». Так начался «угольный профсоюзный шантаж» советских поставщиков на рынке угля. Найдя союзников и не чувствуя противодействия, шахтеры тогда радикализировали требования. От союзников ждали не только помощи в борьбе с противниками «героя», но и рекомендаций, как себя вести в ходе забастовки. И такие рекомендации союзники давали[64]. Естественно, демократические группировки были самыми последовательными союзниками бастующих. Например, у забасткома ПО СУБР в 1991 г. было немало союзников, в число которых (временных или постоянных) в разное время входили предприятия, профсоюзы, институты, а также политические партии и движения. ОЗК ПО СУБР активно поддерживали организации движения Демократическая Россия, Демократической партии России (ДПР), партии Демократический Союз (ДС), Народно-трудовой союз (НТС), а также некоторые клубы избирателей, например, г. Верхняя Салда. Нельзя не упомянуть временного союзника забасткома СУБР — горсовет Североуральска, который на первых порах поддержал бастующих, но позже изменил свою позицию. Однако бастующие добивались поддержки не только, точнее — не столько от демократических партий и профсоюзов, сколько от предприятий — смежников. Например, объединенный забастком (ОЗК) ПО СУБР обращался к трудящимся Богословского алюминиевого завода (БАЗ) с просьбой о поддержке. Очень ценной для бастующих ПО СУБР была разовая финансовая поддержка завода Уралэнергоцветмет. В ходе забастовки союзники менялись — от преимущественно политических партий (в начале забастовки) до промышленных предприятий (в конце забастовки).

Четвертая ролевая группа — «ходатаи», «гонцы» от «дружины» к «герою» (делегаты забасткома в Москву). На ПО СУБР роль «ходатая» исполнял В. Чезганов. Послать его в столицу, чтобы он разобрался, что там происходит и изложил позицию бастующих коллективов СУБР было первым решением ОКС ПО СУБР. 7 апреля 1991 г. ему в помощь послано еще

---

[64] См., например, рекомендации КАС-КОР по организации забастовок: Солидарность, 1991, № 11 / ред. А. Червяков.

два «ходатая». «Ходатаи» шли к «герою» «за правдой». Они передавали ему «весть от дружины» и получали «наказ» от «героя» или его «союзников», то есть рекомендации по организации забастовки. «Ходатаи» знали, что «надо» делать бастующим. Именно поэтому «ходатаи» зачастую становились лидерами забасткомов. Были и «спец ходатаи». Например, в резолюции собрания трудящихся шахты Воргашорская от 1 декабря 1989 г. сказано: «обратиться к Президенту США г-ну Бушу с просьбой на предстоящей встрече с М. С. Горбачевым поднять вопрос о разрешении на въезд делегации АФТ — КПП в г. Воркуту»[65]. В данном случае уже Буш рассматривался как «ходатай», который обратится к «царю» и тот разрешит союзникам «героя» (т. е. американцам из АФТ-КПП, союзникам Б. Ельцина) прибыть в Воркуту и помочь бастующим, «дружине героя» «победить» местных «врагов героя».

Пятая ролевая группа — радикалы, самые «ярые» и последовательные бастующие. Среди радикалов было немало талантливых лидеров, «стихией» которых был митинг. Часто радикалы были инициаторами саморазрушительных действий, голодовок в ходе забастовок, как, например, член ВГРСК Л. Н. Беляев, объявивший голодовку на шахте Воргашорская в ноябре 1989 г.[66]. По нашим оценкам, количество радикалов в ходе забастовки невелико. В среднем, около 5 % от общего количества рабочих на предприятии. Но они проявлялись в критические моменты забастовки и часто вели за собой шахтеров. Например, на ПО СУБР радикалы проявились в ходе первой попытки выхода предприятия из забастовки и сорвали этот процесс. Далее они появились во время начала выхода из забастовки после конфликта добывающего предприятия СУБР и перерабатывающего БАЗ, т. е. после обозначения конфликта в рамках технологической цепи. Наконец, они заявили о себе в конце забастовки, когда почти 5 % шахтеров на сменных собраниях проголосовали за продолжение забастовки.

В ходе забастовки 1991 г. ОЗК ПО СУБР столкнулся с радикальными эгалитаристскими требованиями. Так, 6 апреля

---

[65] Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., 1989, с. 105.

[66] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2; с. 237.

1991 г. забастком был вынужден ответить на письмо некой гражданки Александры Александровны (к сожалению, фамилии в архивных материалах не сохранилось). Она требовала прекратить вывоз промышленных и продовольственных товаров из города, ввести контроль за коммерческими магазинами города и сократить льготы ветеранам. Тот факт, что забастком всерьез обсуждал требования, направленные против «новой буржуазии» и «льготных категорий ветеранов», а также принял специальные решения по итогам обсуждения об усилении рабочего контроля, говорит о том, что Александра Александровна артикулировала требования значительной части ОЗК, своеобразных «бешеных», требующих всеобщего равенства.

Шестая ролевая группа — штрейкбрехеры, то есть выступавшие против забастовки рабочие. Естественно, численность штрейкбрехеров росла по мере развития забастовки. Чем продолжительней была забастовка, тем больше было у нее противников. Политической опорой штрейкбрехеров был партком КПСС на предприятии, поэтому, уже на третий день забастовки ПО СУБР, забастком потребовал от администрации ПО «выдворить» лидеров коммунистов за ворота, расторгнуть договор на аренду помещения и автотехники между администрацией и парткомом. Можно ли сказать, что все штрейкбрехеры ПО СУБР были против забастовки? Вероятно, нет.

В протоколе сменного собрания шахты № 14 ПО СУБР от 1 апреля 1991 г. отмечено, что ГРОЗ И. Рубис выступил против забастовки, не согласился с политическими требованиями ее инициаторов и предложил выдвинуть только экономические. То есть часть штрейкбрехеров на предприятии была вовсе не против забастовки, как таковой, а против политической забастовки. В связи с этим отметим, что часть бастующих была вынуждена принимать участие в забастовке, особенно тогда, когда бастовали смежные производства. Например, шахтостроители простаивали, а фактически — бастовали, если бастовали шахтеры и службы обеспечения жизнедеятельности шахты. Вопрос о деятельности штрейкбрехеров на предприятии стоял во время забастовок очень остро. Например, на 5 день забастовки забастком ПО СУБР согласился обеспечить штрейкбрехеров работой, если они зарегистрируются. Следует учесть, что на ПО СУБР бастующим зарплата не начислялась,

а зарегистрированным штрейкбрехерам выплачивали зарплату либо полностью, либо платили 2/3 зарплаты, если они выполняли работу по поддержанию жизнеспособности шахты. При этом выяснились разногласия между рабочими основного и вспомогательного производства. Основное производство, непосредственно добыча руды, было «мужским» делом. Шахтеры-мужчины забастовали. На вспомогательном производстве работало много женщин. У них была большая ответственность перед семьей и детьми, они опасались остаться без зарплаты, и многие из них отказались поддержать стачку. Штрейкбрехерство на ПО СУБР имело «женское лицо». Однако, без работы основного производства, вспомогательное останавливается, т. е. рабочие вспомогательного процесса были обречены на вынужденный простой, «вынужденную» забастовку. Например, продолжение шахтерской забастовки ПО СУБР сделало невозможным выход из стачки шахтостроительного управления № 1 (ШСУ-1). Шахтостроители хотели начать работать, но смежники — шахтеры им не дали. И апреля ШСУ-1 было вынуждено снова объявить забастовку.

Седьмая ролевая группа — шпильбрехеры, т. е. нарушители правил игры. Это те рабочие, кто не участвовал ни в забастовочных действиях, ни в выступлениях против забастовок, те, кто во время проведения собрания трудового коллектива попросту ушли домой (или взяли отгул), тем самым отказались от участия в забастовочной игре. Если бастующие и радикально-демократически настроенные рабочие в ходе забастовки собирались на митинги и сходы, участвовали в подземной забастовке, если штрейкбрехеры продолжали работать во время стачки, то стихией шпильбрехеров стало пьянство и картежные игры. Свободные от обязательств перед трудовым коллективом рабочие-шпильбрехеры начали «злоупотреблять». Поэтому уже на 3 день забастовки, в Североуральске объединенный координационный совет бастующих коллективов принял решение предложить администрации ПО СУБР по согласованию с профкомом увольнять шахтеров за появление в нетрезвом виде на бастующем предприятии. Спустя пару дней, 5 апреля 1991 г. проблема пьянства была поднята на совместном совещании забасткома, администрации и горсо-

вета. Но это не остановило шахтеров — пьянство и азартные игры продолжались.

8 апреля 1991 года, на восьмой день забастовки ОЗК был вынужден принять решение о запрете игры в карты на деньги, а на следующий день — предложил ввести в городе «сухой закон» — приостановить продажу винно-водочных изделий. Запрет действовал 14 дней, до 22 апреля. Для организаторов забастовок подобное поведение большинства шахтеров не было сюрпризом. С этими негативными явлениями лидеры шахтерского движения столкнулись еще в 1989 г., когда началось пьянство уже на второй день всекузбасской шахтерской забастовки. Тогда в Междуреченске забастком закрыл винные магазины, а рабочая дружина совместно с областной милицией начала изъятие водки и наркотиков. У спекулянтов было конфисковано 450 бутылок водки и 2 кг анаши[67].

Итак, состав актеров забастовки как социально-ролевой игры включал:

1. бастующих, то есть членов «дружины героя»,
2. радикальных бастующих,
3. противников «героя»,
4. союзников «героя» и бастующих,
5. «ходатаев», то есть «гонцов к герою»,
6. штрейкбрехеров и
7. шпильбрехеров.

Каждый из этих актеров действовал по своему четко определенному алгоритму, выполнял свою задачу в рамках игры. Вместе с союзниками, возглавляемая «ходатаями» и радикалами, «дружина» готова была к совершению «подвига» во имя героя. Она была «заведена» пассионарными действиями инициаторов забастовки, то есть подземной забастовкой. Она готова была победить противников и штрейкбрехеров. Она даже готова была повернуть историю вспять, «переиграть» ход исторического процесса.

Единственной проблемой в игре было наличие ее разрушителей — шпильбрехеров, тех, кто вообще мешал развитию игры.

---

[67] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2; с. 239–240, 293.

Но каковы были первые итоги забастовок?

Какие решения приняли органы государственного управления, высшие органы государственной власти и профсоюзы СССР в результате забастовок?

а) Правительственное решение.

Что предприняло правительство в результате забастовок? Забастовочное движение вынудило Совет Министров СССР принять 3 августа 1989 г. постановление № 608 «О мерах по обеспечению выполнения совместных решений, принятых правительственной комиссией с участием ВЦСПС и забастком-ами трудящихся угольных регионов страны». Этот документ предполагал удовлетворение профсоюзных и некоторых экономических требований бастующих. Например, были введены дополнительные льготы и снижен возраст выхода на пенсию. Однако, по мнению шахтерских лидеров, этот документ полностью в жизнь воплощен не был.

Это была типично игровая ситуация, когда выполнять игровое «задание» (сформулированное даже как постановление высшего органа государственного управления) никто и не стремился. 16–17 октября 1989 прошла встреча представителей шахтеров с представителями правительства СССР. На встрече обсуждалось выполнение постановления № 608. Итоги встречи не удовлетворили горняков и привели к новым забастовкам, которые регулировались уже специальным законодательством.

Каким?

б) Парламентское решение.

Какова была реакция на забастовки высшего законодательного органа?

После начала забастовочного «взрыва» в 1989 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)»[68]. Предметом регулирования союзного закона были коллективные трудовые споры по вопросам применения КЗоТ, коллективных договоров и соглашений, как отмечалось, — «в части установления новых или изменения существующих условий труда». При этом

[68] Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., 1989, с. 124–129.

понятие «условие труда» реально не определялось. Основными актерами закона являлись трудовые коллективы предприятий, администрация предприятий, а также органы, создаваемые трудовыми коллективами и администрацией, например, примирительные комиссии. Понятия «работодатель» в законе не было, что странно, и таким образом конфликт работника и работодателя превращался в конфликт работника и администратора (представителя работодателя). Органы государственной власти законом не рассматривались в качестве основного действующего лица трудового спора. Это — более чем странно, потому что большинство требований бастующих предъявлялись в то время именно этим органам.

Алгоритм трудового конфликта, согласно закону, выглядел так:

1. Общее собрание (конференция) трудового коллектива квалифицированным большинством голосов утверждало свои требования.

2. Не позднее, чем через 3 дня требования в письменном виде передавались администрации предприятия. При этом интересы трудового коллектива представлял уполномоченный им орган.

3. В трехдневный срок администрация рассматривала требования и сообщала трудовому коллективу о своем решении. В случае, если разрешение требований выходило за пределы компетенции администрации, то она обязана была в те же сроки направить их для рассмотрения в соответствующий орган. При этом в любом случае администрация должна была информировать вышестоящие Советы народных депутатов, профсоюзные и хозяйственные органы о требованиях коллектива.

4. Для разрешения конфликта? создавалась примирительная комиссия, состоящая наполовину из представителей администрации, и наполовину — из представителей трудового коллектива. Эта комиссия в пятидневный срок должна была решить конфликт. Если этого не происходило, то формировался трудовой арбитраж.

5. Трудовой арбитраж состоял из представителей профсоюза, министерства труда и социального обеспечения и народных депутатов. Эти арбитры в семидневный срок долж-

ны были решить конфликт. Если этого не происходило, то трудовой коллектив имел право на «крайнюю меру разрешения трудового конфликта» — забастовку.

Алгоритм проведения забастовки был таков:

а) Конференция трудового коллектива $^2/_3$ голосов принимала решение о забастовке.

б) За 5 дней до начала забастовки забастком, т. е. представительный и информационный орган трудового коллектива на период забастовки, был обязан предупредить о ней администрацию и «другие заинтересованные учреждения, предприятия, организации» (что это за учреждения — из текста закона неясно).

Высшие органы государственной власти по закону получали право приостанавливать забастовку на 2 месяца.

Кроме того, закон вводил запрет на стачки на железнодорожном, городском транспорте, в гражданской авиации, на предприятиях связи, оборонного комплекса, в государственных учреждениях, армии, органах охраны правопорядка и на непрерывном производстве. Запрещались также забастовки с националистическими, расовыми требованиями и требованиями, призывающими к изменению общественного строя.

Незаконные забастовки приравнивались к нарушению трудовой дисциплины и влекли за собой не только уголовную и административную ответственность, но и материальный штраф равный ущербу от незаконной забастовки. Зарплата в ходе забастовки не сохранялась. Легко заметить игровой характер закона о трудовых конфликтах. Он не был рассчитан на применение.

Закон определял сроки разрешения трудового конфликта, которые на практике было невозможно выполнить. Алгоритм забастовки противоречил забастовочной практике, например, запрещал политические забастовки. При этом он содержал серьезное внутреннее противоречие: статья 1 разрешала бастовать за установление новых условий труда, а статья 12 запрещала забастовки, направленные на изменение общественного строя. Но условия труда (в широком смысле) есть всего лишь производная от существующих общественных отношений и, соответственно, от строя.

То есть анализируемый правовой акт не регламентировал реальность, а создавал некую новую реальность, которая создавала предпосылки для модификации забастовочной игры, дополняла ее игрой в «преступников и судей». В этой игре «преступники»-бастующие нарушали правила, которые нельзя не нарушить, а «судьи» должны были «поймать» этих «преступников». «Поимка», естественно, зависела от реальных условий забастовки, а «наказание» — от степени соответствия этих условий нереалистичному закону. При этих обстоятельствах наказания можно было избежать в силу разрыва практики нормотворчества и реальной жизни, что, опять-таки, содействовало забастовочному движению.

Таким образом, первыми итогами забастовочного движения были невыполнимые решения правительства и закон о коллективных трудовых спорах, который фактически устанавливал формальные правила игры, предполагавшие возможность для ее участников «жухать» — вести себя «не по правилам».

Однако игра подобных масштабов требует огромных капиталовложений. Это — серьезное экономическое мероприятие. Забастовка останавливает производство, а, следовательно, продукция перестает поступать на рынок, меняются цены, конъюнктура и т. п. Конкуренты иногда очень заинтересованы в забастовке предприятий своих оппонентов. Они могут финансировать забастовку как часть экономического процесса, результатом которого является получение прибыли. Поэтому можно говорить об экономике забастовки. А так как забастовочное движение в СССР в конце 80-х годов было, в первую очередь, политическим, то значит и политэкономии. В связи с тем, что инвесторы забасткомов не афишировали свою деятельность, назовем эту политэкономию скрытой или секретной.

Кто финансировал забастовочное движение в России в конце 80-х — начале 90-х? Прямых данных об этом нет. Но есть часть данных о финансировании всероссийской забастовки 1991 года. Кто финансировал забастовку весны 1991 г.?

Движение «Демократическая Россия» собрала в поддержку шахтеров 50 млн. рублей. Кроме того, между лидером НПГ СССР П. Шушпановым и Президентом Союза кооператоров

СССР В. Тихоновым было подписано соглашение, по которому НПГ должен был получить 110 миллионов рублей в забастовочный фонд (правда, шахтеры получили от кооператоров только 3 миллиона рублей)[69]. В Подольском отделении Агропромбанка СССР Конфедерация свободных профсоюзов России (КСПР) открыла счет фонда помощи бастующим шахтерам, но нам неизвестно, сколько денег было перечислено в этот фонд. Ряду бастующих предприятий (например, ПО СУБР) при переходе в юрисдикцию России Минфином РФ был выдан беспроцентный кредит с зачетом погашения за счет союзного бюджета. Не осталась в стороне и тесно связанная с правительством Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР).

18 апреля 1991 г. ее лидер И. Клочков подписал с одним из руководителей ВГРСК Ю. Дашко соглашение о перечислении 41 млн рублей в Воркуту «для улучшения быта шахтеров». 23 миллиона рублей из этой суммы остались у НПГ Воркуты[70].

Обвинить США в прямом финансировании забастовки сложно. Но визиты лидеров НПГ в Америку, оплаченные за счет принимающей стороны, программы АФТ-КПП по обучению шахтерских лидеров, участие представителей бастовавших коллективов в международных конференциях, проводимых и финансируемых США, в целом, стоили американцам недешево. Злые языки уверяли, что были и прямые капиталовложения США в российское забастовочное движение, но мы не располагаем документами, говорящими об этом. Правда, не исключено, что это не фиксировалось на бумаге.

Таким образом, инвесторами забастовки выступали:

1. Союзники бастующих шахтеров — демократы и новые профсоюзы.
2. Представители новой буржуазии — кооператоры.
3. Российская обуржуазившаяся номенклатура, и ее политотдел — ФНПР экспроприировавшая для забастовочных целей часть союзного бюджета. В связи с этим можно говорить и о финансировании забастовки со стороны части союзной номенклатуры, согласной с разделом СССР.

---

[69] Информация одного из лидеров КАС-КОР К. Сумнительного / Архив автора.

[70] Воркута. Северное независимое информационное агентство. 1991 апрель.

4. Зарубежные инвесторы, заинтересованные в распаде СССР.

Каковы были масштабы прямых инвестиций в забастовку конкретного предприятия?

На основании материалов забасткома ПО СУБР (главным образом — дневника забасткома), мы сделали попытку определить масштабы прямых инвестиций в забастовку одного предприятия, а также — круг инвесторов.

Получилась следующая картина: прямое инвестирование забастовки ПО СУБР осуществляли Первоуральский завод, перечисливший 3 апреля 1991 года бастующим ПО СУБР 100 000 рублей, профсоюз металлургов, перечисливший 15 апреля 20 000 рублей, местное отделение Демократической партии России г. Тавда которое перечислило 15 апреля бастующим 500 рублей, завод Уралэнергоцветмет 22 апреля перечислил 1000 рублей. Итого: 121 500 руб.

5 апреля 1991 г. в отделении Промстройбанка Североуральска был открыт счет ОЗК ПО СУБР. Однако, по нашим данным, из 121 500 руб., полученных забасткомом, 100 000 рублей прошло не через счета.

Естественно, упомянутая сумма — слишком мала для нормального функционирования организации, руководящей забастовкой. И уже 7 мая 1991 г. ОЗК в нарушение действующего законодательства (что еще раз доказывает «игровой» характер закона о забастовках) вынудил дирекцию ПО СУБР принять распоряжение об оплате труда в ходе забастовки из расчета по средней заработной плате на каждого шахтера плюс дотации без вычетов. Прокуратура города попыталась опротестовать это решение. Нам неизвестно — удалось ли ей это.

Наконец, в середине мая 1991 г., согласно Постановлению Совета министров РСФСР «О переходе ПО СУБР в юрисдикцию России», последнему был выдан кредит равный сумме потерь от забастовки с зачетом погашения кредита за счет Союза ССР. Это действие мы расцениваем как удачный ход кредитной политики ОЗК и дирекции ПО СУБР. Кредит они получили и, как принято у части «новых русских», не вернули (да и возвращать деньги было некому — СССР распался). Но, видимо, и этих денег для становления забастовочных структур было мало, поэтому 8 августа 1991 г.

создаваемое в Североуральске исполнительное бюро (ИБ) НПГ Североуральска попросило для становления НПГ ссуду в 200 тыс. рублей у НПГ г. Воркуты.

Чуть позже, в июне 1991 г. ИБ НПГ СУБР попытался принять участие в долгосрочном кредитном проекте — т. н. «угольном проекте», проводимым АФТ-КПП. В рамках этого проекта проходило финансирование «новых» российских профсоюзных структур со стороны администрации США.

Таким образом, прямых инвестиций в забастовку конкретного предприятия (ПО СУБР) было немного. Не больше 122 000 рублей. Правда, впоследствии забастком ПО СУБР провел ряд удачных кредитных операций.

Но неужели только хорошо профинансированной социально-ролевой игрой можно объяснить масштаб забастовок конца 80-х — начала 90-х? Попробуем ответить на этот вопрос, проанализировав алгоритм «выхода» бастующего коллектива из забастовки.

Кто прекращал забастовки? Как прекращались забастовки в изучаемый период, точнее — почему они зачастую не прекращались, а продолжались дольше, чем хотели организаторы?

Процедура прекращения забастовки известна нам по событиям на ПО СУБР. Для рассказа об этом повторим кратко, как они развивались, акцентировав внимание на окончании забастовки.

Итак, мы знаем, что источник забастовочной активности на этом предприятии был внешним, т. е. где-то вне СУБР шла борьба «хорошего героя» Б. Ельцина и его союзников (в том числе бастующих шахтеров) со «злом». Часть шахтеров СУБР решило помочь «герою». Самый действенный способ — забастовка. Забастовка началась как однодневная стачка солидарности с экономическими и политическими требованиями, но уже на следующий день трансформировалась в бессрочную политическую забастовку. Забастовку можно было прекратить уже на второй день, но никто из «начальства», к которому обращались бастующие, к ним даже не пришел. Забастовку можно было трансформировать в экономическую, но «начальством» это тоже не было сделано. Руководство шахты вело себя безответственно.

Возникает вопрос — по неведению или по заданию? Мы не можем ответить на этот вопрос. С четвертого по шестой день общая забастовка предприятия сопровождалась пассионарной подземной забастовкой. В то время требования радикализировались. С шестого по седьмой день забастовка затухала и могла вообще быть прекращена в связи с выполнением основных требований бастующих, но неудачное вмешательство прокуратуры придало новый импульс забастовке. На некоторое время (на три дня) забастовка превратилась в бунт против репрессивных органов (прокуратуры). На десятый день бастующие предприняли первую попытку выхода из забастовки, однако прекратить забастовку не смогли, так как стачка шахтеров подтолкнула к забастовке другие рабочие коллективы. Это была ситуация, при которой одна забастовка порождает другую. Нам неизвестны авторы, которые специально анализировали это явление, потому отнесем его «открытие» и изучение на свой счет.

Мы называем это явление — кумулятивный забастовочный эффект. Вот как он действовал: узнав о победе шахтеров, после 11 дней забастовки, с требованиями повышения зарплаты, увеличения отпуска, понижения пенсионного возраста объявили 8-ми часовую забастовку рабочие городских электросетей. На следующий день создали забастком водители автобусов. Они требовали пересмотра ведомственных норм, расценок и улучшения условий труда. Аналогичные требования в тот же день выдвинули работники автотракторного цеха СУБР. Видя это, сами шахтеры продолжили забастовку уже, наверное, из чувства солидарности.

Кумулятивному эффекту содействовала и позиция союзников шахтеров. Конфликт бастующих с местными органами власти начался уже на 3 день забастовки. Поводом для этого стали радикальные требования горняков, которые оттолкнули от них первоначальных союзников — горсовет. Тогда же началось давление на бастующих — 3 апреля выносится прокурорское предупреждение директору ПО СУБР, который воспринимался прокуратурой как один из инициаторов забастовки. С двенадцатого дня забастовки начинается конфликт со смежным предприятием, формально политическая стачка становится экономическим противостоянием добывающего и

перерабатывающего производств, т. е. борьбой за контроль технологической цепи производства, пик которой приходится на 15–19 день забастовки. На 15 день забастовки началось давление на объединенный забастком Североуральска по технологической цепи: дирекция БАЗ попросила отгрузить бокситы. Директор СУБР по качеству написал служебную записку ОЗК с предложением прекратить забастовку, т. к. ее продолжение грозит остановить БАЗ. Для обсуждения этой записки, в следующие два дня созываются сменные собрания. Однако на них принято решение — забастовку продолжить. На 18 день забастовки давление на ОЗК начинается через органы государственной власти и управления: горсовет Североуральска просит прекратить забастовку, облсовет присылает на СУБР делегацию во главе с Председателем Совета Э. Росселем, а Минцветмет шлет телеграмму с просьбой прекратить забастовку. Все безрезультатно.

Тогда дирекция БАЗ организует психологическое давление на ОЗК:

1. В адрес бастующих коллективов СУБР нескончаемым потоком идут телеграммы от ветеранов и рабочих БАЗ с просьбой прекратить забастовку;

2. В городе распускаются слухи о консервации шахт, закрытии детских садов и школ в связи с консервацией БАЗ, который остановится из-за забастовки СУБР.

Эти слухи дестабилизируют обстановку в семьях бастующих. Жены многих шахтеров требуют прекратить забастовку. Так на ОЗК оказывается психологическое давление через семью. Но психологический прессинг оказывает диаметрально противоположное действие. Члены ОЗК ожесточаются. Забастовка продолжается.

Анализируя действия руководства БАЗ, направленные на прекращение забастовки, нельзя не поразиться их системностью. Обратим внимание на следующее:

1. Дирекция БАЗ официально (как равного партнера и властный орган) просит ОЗК отгрузить бокситы;

2. Столкнувшись с эмоциональным отказом, дирекция БАЗ начинает «давить на психику» горняков: задействует семейные и дружеские каналы влияния.

Для роспуска слухов о консервации БАЗ и закрытии детских садов и школ города используется реальный проект указа о консервации — гениальный PR-овский трюк! Шахтеры видят «настоящий» документ! Кстати, это типичный прием администраторов в борьбе с бастующими. Он описан в прессе. Например, для подавления забастовки в феврале 1991 г. в сталелитейном цехе Люблинского литейно-механического завода (ЛЛМЗ, г. Москва), администрация распускала слухи об его закрытии по экологическим причинам[71].

Столкнувшись с «упертостью» шахтеров второй раз, администрация БАЗ предлагает оплатить им забастовку, как отпуск. Далее она выдвигает план акционирования, согласно которому СУБР, БАЗ, БрАЗ и МЗЦМ, вся технологическая цепочка по производству алюминия, становится единым АО, что, по мнению руководства БАЗ, может решить многие материальные проблемы шахтеров, то есть, столкнувшись с неудачей в «атаке» на психику шахтеров, руководство БАЗ апеллирует к их рационализму.

Однако забастком оказывает сопротивление. Во-первых, для прекращения «семейной атаки», 19 апреля принимается обращение ОЗК к женщинам, в котором разъясняется позиция забасткома, и излагается просьба оказать бастующим моральную поддержку, во-вторых, готовится телеобращение к краснотурьевцам, составляющим основу рабочих БАЗ, в котором подчеркивается единство рабочих СУБР и БАЗ. Это обращение транслируется по кабельному телевидению. Кроме того, на 19 день забастовки на совещании ОЗК, представителей ПО СУБР, Бокситстроя, БАЗа, УАЗа и Облсовета предлагается провести проверку, сколько боксита осталось на складах БАЗа. На том же совещании дирекция СУБР сообщила о том, что подготовлены документы о переходе объединения в юрисдикцию России, создании новой производственной ассоциации из СУБР, БАЗ, БрАз и МЗЦМ, а также о предоставлении экономической самостоятельности шахтам. По мнению администрации СУБР, это означало фактическое выполнение социально-экономических требований шахтеров, поэтому директор рудника предложил шахтерам прекратить забастовку 22 апреля.

---

[71] Черное знамя, СПб, 1991, № 1.

Итак, проблема разрешается, благодаря политике директората. При решенном экономическом конфликте, на 22–26 день от начала стачки забастовка прекращается. Шахтеры даже «забывают» о своих политических требованиях.

Итак, суммирую каналы, по которым оказывалось влияние (давление) на участников забастовки ПО СУБР (01.04.91–26.04.91):

- государственный через горсовет и облсовет,
- технологический со стороны администрации и дирекции смежных предприятий,
- силовой со стороны прокуратуры и милиции,
- семейный — воздействие на членов семей (жен, матерей и т. д.)

В результате давления 22 апреля 1991 г. шахта «Кальинская» и шахта № 16 приостановили забастовку и уже через день, 26 апреля 1991 г. общее собрание последней бастующей на СУБР шахты № 14 приняло решение о приостановке забастовки.

Таким образом, мы видим, что забастовку было очень сложно прекратить из-за кумулятивного эффекта. Для прекращения забастовки только внутренних усилий бастующих было мало. А из всех каналов давления на бастующих самым действенным оказался технологический.

В качестве побочного вывода можно сделать следующий — директорат бастующих шахт занял двойственную позицию. Директорат имел все возможности для прекращения забастовки или превращения ее в менее разрушительную форму протеста, но ничего не предпринимал. Его действия начались только тогда, когда надо было разрешить социально-технологический спор на бастующем предприятии, причем разрешение этого спора объективно укрепило позиции директора и улучшило его материальное положение. При этом мы видим, что и основным партнером директората, и основным оппонентом выступает забастком.

Выше мы неоднократно сталкивались с этим органом. Пора проанализировать его структуру и функции. Повторим — мы не можем однозначно ответить на вопрос, кто был организатором массовых забастовок. Однако, так или иначе, самостоятельно «снизу» или под влиянием спецслужб, в ходе

забастовок были созданы органы, способные выполнять диспетчерские и организационные функции при проведении масштабных, бурно развивающихся производственных протестных акций, то есть эффективные органы «антивласти».

Известно, что в ходе стачки июля 1989 г. были созданы первые крупные рабочие организации, руководящие забастовочным движением — Совет рабочих комитетов Кузбасса (СРКК) и Городской рабочий стачечный комитет Воркуты (ВГРСК). В октябре 1990 г. было объявлено о создании первичной организации Независимого профсоюза горняков (НПГ) СССР, который на первых порах многие воспринимали не как профсоюз, а как ассоциацию забасткомов. 18 марта 1991 г. был создан Межрегиональный координационный совет рабочих стачечных комитетов (МКС РСК), орган, руководящий забастовкой в масштабах страны. От лица этих органов бастующим очень часто отдавались приказы и рекомендации о проведении акций протеста. Известно, и то, что в ходе первых забастовок на бастовавших предприятиях были созданы своеобразные органы производственного самоуправления — забастовочные или рабочие комитеты. Какова была структура и функции этих органов?

Проанализируем это на примере ОЗК ПО СУБР.

На этом предприятии в апреле 1991 г. суточная забастовка солидарности одной шахты превратилась в бессрочную политическую стачку. К ней присоединились рабочие трех шахтостроительных управлений СУБР. К тому времени, лидеры шахтеров начали структурировать забастовку. Были созданы забасткомы участков и начались выборы членов забасткома объединения. На 3 день забастовки был создан объединенный Координационный совет бастующих коллективов СУБР (ОКС). Утром 3 апреля принято решение о создании городского забасткома и был избран Координационный совет ОКС из 6 человек. Был назначен казначей (так как встал вопрос о финансировании стачки и 5 апреля 1991 г. был открыт счет поддержки бастующих). Однако структура забасткома была не определена. Но реальным органом, руководящим забастовкой, был совсем не забастком.

Стачку объявляло собрание трудового коллектива, которое тем самым и становилось, на первых порах, руководящим

органом забастовки. Позже из собрания трудового коллектива вырос митинг жителей г. Североуральска, который также брал на себя часть функций по руководству забастовкой. По крайней мере, резолюции бастующих, принятые на общегородском митинге, выполнялись беспрекословно. Но он начал действовать 6 апреля, на шестой день забастовки, когда впервые в городе состоялся митинг, участники которого приняли резолюцию о поддержке бастующих, о необходимости введения поста Президента РСФСР и закона об отзыве народных депутатов РСФСР[72]. И, наконец, наряду с собранием трудового коллектива, общегородским митингом и собственно забастком СУБР действовали объединенный забастком города и его координационный совет. Обилие руководящих органов объективно способствовали кумулятивному эффекту от забастовки и, когда прокуратура и контролирующие органы требовали от объединенного забасткома города ответа за действия бастующих, то ОЗК СУБР откровенно и честно отвечал, что забастовкой не управляет.

При этом постепенно объединенный забастком (ОЗК) становился властным городским органом, который, наряду с функцией организации забастовки, выполнял функцию поддержания правопорядка на предприятии и поддержки его жизнеспособности. С третьего дня забастовки ОЗК начал обеспечивать работой штрейкбрехеров. Важна была и информационная функция ОЗК. Забастком информировал население города о ходе стачки ежедневно в 18 часов. С тринадцатого дня забастовки аналогичные информационные выпуски начались и по кабельному телевидению. 29 апреля 1991 г. ОЗК поставил перед городскими властями вопрос о создании городского информационного центра, включающего теле и радиовещательные студии.

Забастком брал на себя диспетчерскую функцию по поиску союзников и поддерживал связь с другими бастующими предприятиями и органами, руководящими забастовкой в Москве. С 4–5 дня забастовки ОЗК начал работать с «обращениями трудящихся», жалобами, которые начали поступать в

---

[72] Резолюция митинга жителей г. Североуральска 06.04.91 / Архив автора.

забастком как во властный орган. Люди начали просить у органа руководства забастовкой помощи и защиты в ситуациях, требующих вмешательства городской и областной власти. Но этим, «плохим» властям рабочие уже не доверяли. Они верили новой, «своей» власти — ОЗК. На 5 день забастовки проходит собрание представителей забасткомов, администрации СУБР и депутатов горсовета Североуральска, то есть неформально создается некий новый властный орган по схеме: забастком + администрация СУБР + горсовет.

Фактически начинается взаимодействие забасткома и коммунальных служб города. С шестого дня забастовки ОЗК начал устанавливать в городе контроль за коммерческим магазинами и вывозом товаров из города. С тринадцатого дня забастовки ОЗК взял на себя организацию петиционной кампании по отзыву народного депутата РФ от Североуральска. 26 апреля 1991 г. после завершения стачки, объединенный забастком ПО СУБР продолжал действовать. Он продолжал выполнять представительские функции.

С 14 мая 1991 г. его представители участвовали в работе сессий горсовета, а также представляли ПО СУБР в арбитражном суде. Во-вторых, ОЗК принимал участие в создании местных избирательных комиссий по выборам Президента России, то есть выполнял электоральную функцию. Существовала и торговая функция комитета.

Сохранились данные о торговле при посредничестве ОЗК товарами народного потребления: крупой, сахаром, мукой и винно-водочными изделиями. Наконец, ОЗК выполнял управленческие функции:

- частично руководил производством (участвовал в поиске партнеров СУБР для сбыта продукции);
- регулировал оплату труда рабочих СУБР;
- участвовал в организации перехода ПО СУБР в юрисдикцию России.

25 апреля 1991 г. была созвана конференция трудового коллектива производственного объединения, которая дала согласие на этот переход. 25 мая 1991 г. был подготовлен проект постановления Совета Министров РСФСР о переходе ПО СУБР в юрисдикцию России. Согласно этому документу объединение выходило из подчинения Минметаллургии СССР

и переподчинялось Госкомимуществу России и Минпрому РСФСР. ПО СУБР получало самостоятельные права в сфере планирования и распоряжения частью валютной выручки, а также получало право самостоятельно реализовывать часть продукции на внутреннем рынке по рыночным ценам. Для ПО СУБР предусматривались налоговые льготы. Объединение фактически освобождалось от штрафных санкций за загрязнение окружающей среды. Рабочим повышалась зарплата, и вводился т. н. «северный коэффициент». Вскоре проект был реализован как Постановление Совета Министров РСФСР. Однако до июля 1991 г. это постановление не выполнялось из-за негласного саботажа со стороны союзных структур.

Таким образом, функционально ОЗК СУБР был нечто средним между политической партией, органом местного городского самоуправления, торгующей организацией, составной частью дирекции ПО и профсоюзом. Этот статус его лидеры попытались формально закрепить, представив в горсовет Североуральска для утверждения 20 мая 1991 г. проект устава Объединенного рабочего стачечного комитета (ОРСК) ПО СУБР и треста «Бокситстрой». Накануне в течение недели с 11 по 18 мая документ обсуждался в трудовых коллективах ПО СУБР. Итогом обсуждения стало одобрение шахтерами и шахтостроителями устава. Структурно ОРСК мыслился как общественная организация с коллективным членством, а функционально, как орган, обладающий широкими полномочиями по руководству и контролю производственным процессом ПО, и, фактически, как структура, руководящая предприятием и городом, некая «паравласть», власть «вообще». Естественно, горсовет отказал в регистрации ОРСК. Тогда, 30 мая 1991 г. ОЗК был вынужден конституироваться как местная организация Независимого профсоюза горняков России (НПГ).

К 1 сентября 1991 г. было создано исполнительное бюро (ИБ) ПО СУБР, организованы первичные ячейки НПГ в бригадах ПО СУБР, был создан финансово-коммерческий отдел, проведена 45 конференция по коллективному договору. Но, еще раз подчеркну, идея создания НПГ ПО СУБР — не идея бастующих. Они хотели создать иную организацию, а идея создания НПГ им была навязана «сверху». Таким образом, НПГ не был родным детищем бастующих, по крайней мере, ПО

СУБР. Полагаем, аналогичная ситуация сложилась и на других шахтах, где рабочие хотели создать органы «паравласти» но им навязали создание профсоюза, органа псевдовласти.

Чтобы полностью понять все значение создания альтернативного, независимого профсоюза на ПО СУБР, надо проанализировать развитие альтернативного профсоюзного шахтерского движения к 1991 году, то есть развитие НПГ СССР.

Что представлял собой структурно и функционально НПГ СССР?

Теоретически в СССР не было профсоюзов, то есть не было агентов трудящихся, которые предъявляли свои условия контрагенту (работодателю) в ходе торговле о цене рабочей силы на рынке труда. Да и рынка труда не было, как не было и классических буржуазных работодателей. Государство было и монопольным продавцом рабочей силы, и монопольным покупателем. В этих условиях ВЦСПС был разновидностью ассоциации заместителей директоров по кадрам и быту, занимавшейся распределительными функциями и действовавшей по поручению властей.

Ситуацию в профсоюзах изменила волна забастовок конца 80-х годов. В марте 1990 г. проходил XV съезд профсоюза работников угольной промышленности (ПРУП) СССР. Вся страна бурлила, обсуждая шахтерские стачки, но на этом съезде по-прежнему звучали «застойные» речи секретарей ВЦСПС, осуждавших забастовочное движение. Видя это, 51 рабочий делегат, прошедший школу забастовочной борьбы, покинул съезд.

Шахтеры заявили, что проведут свой съезд, альтернативный ПРУП, и создадут свой, независимый от ВЦСПС, профсоюз. Сказано — сделано. В июне 1990 г. прошел I съезд шахтеров СССР, а в октябре 1990 г. уже на II съезде шахтеров было объявлено о создании первичной организации Независимого профсоюза горняков (НПГ) СССР — участников съезда. Сразу после распада СССР, в декабре 1991 г. был учрежден НПГ России, а союзный НПГ трансформирован в Международный НПГ.

В программном заявлении НПГ СССР указывались отличия этого профсоюза от ПРУП:

1) Профсоюз не включал в свои ряды представителей администрации, руководства, осуществляющих функцию найма и увольнения работников;

2) Профсоюз считал несвойственной для профорганизации распределительную и производственную функции[73].

При этом 19–24 % делегатов I и II съездов шахтеров считали, что все работники отрасли могут быть членами НПГ, т. е. часть лидеров забастовочного движения думала, что даже теоретически структурно «новый» профсоюз не должен отличаться от «старого». С другой стороны, до 20 % членов Исполнительного бюро (ИБ) НПГ считали приоритетными политические задачи профсоюза, т. е. реально создавали что-то похожее на шахтерскую политическую партию[74]. Высшим органом созданного после распада СССР НПГ России — НПГР был съезд, а между съездами — Совет представителей (СП). Съезд выбирал ревизионную комиссию, Председателя НПГР и исполнительное бюро (ИБ) — рабочий орган профсоюза при Председателе.

По данным, с одной стороны, справки НПГР в Международную Федерацию Горняков, а, с другой стороны, по данным руководителей региональных отделений НПГР в международный отдел НПГР по состоянию на начало 1992 г., численность региональных отделений НПГР была следующей: в Воркутинской организации (включая Инту) колебалась между 6500 и 12 500 членов, в Кузбасской — между 16 000 и 15 000 членов, в Североуральской — между 2000 и 1620 членов, в Тульской — около 3000 членов, в Ростовской (Белокалитвенской) — между 4800 и 8000, Сахалинской — около 1000 членов, в Челябинской — примерно 1350, в Санкт-Петербургской 15 членов, в Пермской — 1400 членов. Итого: между 42 800 и 27 900 членов профсоюза.

Подведем промежуточные выводы. В конце 80-х — начале 90-х забастовки в российских шахтерских регионах приняли огромный размах. Спустя всего 18 месяцев после первой массовой забастовки на российском предприятии, вне России при

---

[73] Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. 2, с. 265.

[74] Там же, с. 250.

активной поддержке противников СССР началась быстро политическая забастовка, которая быстро перекинулась на территорию РСФСР. В результате стачки был дан серьезный импульс для окончательной дезинтеграции Советского Союза. Такие темпы развития массового забастовочного движения вроде бы говорят о высокой сознательности и организованности рабочего класса. Но это аргументировано оспаривают почти все серьезные исследователи. Наш анализ говорит о том, что объективные причины для социального недовольства в шахтерской среде не были настолько значительны, чтобы вызвать к жизни масштабное забастовочное движение. «Средним» руководителем бастующих был сорокалетний средне образованный житель города. Незначительность репрессий, которым подвергались лидеры шахтерского движения, вызывает удивление. Это свидетельствует либо о высоком общественном авторитете представителей НПГР, либо о наличии в реальном политическом руководстве страны в период 1989–1992 гг. значительных сил, заинтересованных в развитии радикальных форм шахтерского протеста, которые не позволяли репрессировать шахтерских лидеров. При этом сами шахтерские лидеры не были настолько авторитетны, чтобы руководить общефедеральным забастовочным движением. Есть мнение о большой роли КГБ в деле организации первых массовых забастовок и о высокой степени управляемости рабочим движением со стороны спецслужб, но мы это отвергаем, так как не разделяем конспирологический подход к историческому процессу.

Мы полагаем что, забастовочное движение конца 80-х — начала 90-х только по своей форме было стачечным движением. Анализируя требования горняков, мы пришли к выводу, что они носили рыночный характер. Это означает, что по своему характеру динамичная забастовочная борьба шахтеров была борьбой за скорейшее внедрение рыночных капиталистических отношений. Однако требования горняков были нестабильны. Забастовка могла идти вообще без сформулированных требований! То есть горняки подчас бунтовали, как обиженные дети. Однако анализ представлений шахтеров о рынке говорит, что реально они этого рынка себе не представляли.

Отсюда и следующий вывод — когда люди начинают борьбу за что-то, но не представляют себе результатов этой борьбы, то это означает, что для них важен не результат, а процесс самой борьбы. Значит перед нами не профсоюзная борьба за свои права, а иной феномен. Это — игра, неоднократно описанная в литературе игра в «героя и дружину», что и объясняет тот ураганный характер, которое приняло забастовочное движение рубежа 80-х — 90-х вне зависимости от того, кто его инициировал. Особо ярко эта игра проявилась в обращениях бастующих. Социально-ролевая игра требует и своих особых проявлений. Во-первых, требуется своеобразное «заведение» играющих, пассионарный толчок. Как правило, это — подземная забастовка. Когда подземной забастовки не было, то все равно бастующие охотно говорили о ней, то есть «блефовали».

Состав актеров забастовки как социально-ролевой игры включал:

1. бастующих, то есть членов «дружины героя»,
2. радикальных бастующих,
3. противников героя,
4. союзников «героя» и бастующих,
5. «ходатаев», то есть «гонцов к герою»,
6. штрейкбрехеров и
7. шпильбрехеров.

Каждый из этих актеров действовал по своему четко определенному алгоритму, выполнял свою задачу в рамках игры. Вместе с союзниками, возглавляемая «ходатаями» и радикалами, «дружина» готова была к совершению «подвига» во имя героя. Она была «заведена» пассионарными действиями инициаторов забастовки, то есть подземной забастовкой. Она готова была победить противников и штрейкбрехеров. Она даже готова была повернуть историю вспять, «переиграть» ход исторического процесса. Единственной проблемой в игре было наличие ее разрушителей — шпильбрехеров, тех, кто вообще мешал развитию игры. Первыми итогами забастовочного движения были невыполнимые решения правительства и закон о коллективных трудовых спорах, который фактически устанавливал формальные правила игры, пред-

полагавшие возможность для ее участников «жухать» — вести себя «не по правилам».

При этом многое зависело от финансирования забастовок.

Инвесторами забастовок выступали:

1. Союзники бастующих шахтеров — демократы и новые профсоюзы;

2. Представители новой буржуазии — кооператоры;

3. Российская обуржуазившаяся номенклатура, и ее политотдел — ФНПР экспроприировавшая для забастовочных целей часть союзного бюджета. В связи с этим можно говорить и о финансировании забастовки со стороны части союзной номенклатуры, согласной с разделом СССР;

4. Зарубежные инвесторы, заинтересованные в распаде СССР.

Правда, прямых инвестиций в забастовку конкретного предприятия было немного. Для прекращения забастовки только внутренних усилий бастующих было мало. Забастовку было очень сложно прекратить из-за кумулятивного эффекта. А из всех каналов давления на забастовщиков самым действенным оказался технологический.

В качестве побочного вывода можно сделать следующий — директорат бастующих шахт занял двойственную позицию. Директорат имел все возможности для прекращения забастовки или превращения ее в менее разрушительную форму протеста, но ничего не предпринимал. Его действия начались только тогда, когда надо было разрешить социально-технологический спор на бастующем предприятии, причем разрешение этого спора объективно укрепило позиции директора и улучшило его материальное положение.

Однако в ходе забастовок произошло очень важное событие — были созданы органы, способные выполнять диспетчерские и организационные функции при проведении масштабных, бурно развивающихся производственных протестных акций, то есть эффективные органы «антивласти» — забасткомы. Их структура была неопределенна. Реально они не управляли забастовкой. Забастовкой пытались управлять с полдюжины различных структур, которые объективно лишь способствовали кумулятивному эффекту забастовки.

Функционально забастком, например, ПО СУБР был нечто средним между политической партией, органом местного городского самоуправления, торгующей организацией, составной частью дирекции ПО и профсоюзом, то есть был властью вообще, «паравластью». При этом обладал огромным моральным авторитетом, что снимало традиционное для многих рабочих коллективов противостояние «мы (рабочие) — они (начальство)». Такая власть была очень опасна для реального политического руководства. Поэтому ей предложили видоизмениться. Например, после стачки ПО СУБР, ОЗК был вынужден конституироваться как местная организация Независимого профсоюза горняков России (НПГ), тем самым присоединился к относительно немногочисленной организации, которая называлась профсоюзом, но была нечто средним между профсоюзом и политической партией. Идея создания НПГ ПО СУБР — не идея бастующих. Они хотели создать иную организацию, а идея создания НПГ им была навязана.

Полагаем, аналогичная ситуация сложилась и на других шахтах, где рабочие хотели создать органы «паравласти», власти вообще, но им навязали создание профсоюза, органа «псевдовласти». В целом, забастовочное движение конца 80-х — начала 90-х показывает, что из конфликта, который мог бы быть решен в рамках системы, в силу кризиса «верхов» и развития социально-ролевой игры получился конфликт, способный разрушить систему, но породивший форму, удобную для проведения экономических и политических мероприятий первоначального накопления капитала. То есть была создана модель взаимодействия реального политического руководства и участников протестного движения.

Глава 2
Забасткомы, ГКЧП и забастовочная борьба 1992–1993 гг.

События 19–21 августа 1991 г., борьба с так называемым «путчем Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению (ГКЧП)» стали одним из поворотных моментов российской истории. По нашему глубокому убеждению, эти события не окончились непосредственно 21 августа. Более того — характер противостояния проявился не столько до 21 августа, сколько непосредственно после него. Потому в заголовок настоящей главы вынесено не только изучение событий 19–21 августа, но и общий анализ положения в стране с 18 до 28 августа 1991 года. В обществе вокруг ГКЧП и главных следствий его существования — распада СССР и запрета КПСС идут масштабные споры. В значительной мере они фокусируются вокруг вопроса о роли главных персонажей тех дней — М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина.

При этом в массовом общественном сознании история ГКЧП не стала в полной мере историей, то есть прошлым. Об этом говорят красноречивые цифры. Так летом 2001 социологическая служба РОМИР провела телефонный опрос жителей Москвы (было опрошено 500 респондентов). Опрос выявил, что 53 % москвичей негативно оценили возможные последствия победы ГКЧП. 11 августа 2001 фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провел опрос 1500 российских респондентов по репрезентативной выборке. В результате выяснилось, что 28 % опрошенных симпатизировали в августе 1991 г. Б. Н. Ельцину, 13 % — ГКЧП, 31 % — ни тому, ни другим. Аналогичное исследование через год, в июле 2002 провел ВЦИОМ. По его данным, в те дни 18 % россиян поддержали ГКЧП, 16 % — выступили против него, а 41 % — не сориентировались в обстановке[75]. Интересно, что 25 % анкетируемых по опросу ВЦИОМ 2002 года и 28 % по опросу ФОМ 2001 года затруднились при ответе на вопрос о своей позиции в дни ГКЧП или сказали, что не помнят ее. Мы не можем реинтерпретировать итоги опроса, но полагаем, что, возможно,

[75] Московский комсомолец, 19.08.2002.

кто-то из тех, кто в 2001 и 2002 годах «не помнил свою позицию по отношению к ГКЧП» попросту стеснялся своих взглядов образца 1991 года. Но уже приведенные цифры говорят, что страна идеологически расколота по отношению к оценке этих событий.

Согласно опросу «Левада-центра», проведенному в июле 2016 года, лишь 50 % респондентов, отвечая на вопрос «Помните ли вы, что происходило 19–21 августа 1991 года?», упомянули путч или ГКЧП. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) напрямую спрашивал, слышали ли респонденты о путче, и на такой прямой вопрос положительно ответили 69 %, а еще 19 % выбрали расплывчатый вариант «что-то слышали». Но суммировать 69 % и 19 % все же не стоит: немалая часть респондентов, уклоняющихся от однозначного ответа, просто стесняется продемонстрировать свою неосведомленность. Таким образом, дата 25-летней давности не является общеизвестной. Возможно, это частично связано с тем, что в сознании людей смешиваются август 1991-го и октябрь 1993-го: ведь в обоих случаях имело место противостояние в центре Москвы с участием вооруженных сил, причем основные события в обеих ситуациях были связаны с российским Белым домом. Однако когда респондентам напоминают о «путче» (а это слово применительно к России в общественном сознании связано только с событиями августа 1991-го), то информированность, разумеется, оказывается куда более высокой.

Еще более интересны оценки эти событий россиянами. «Левада-центр» в течение многих лет задает респондентам вопрос об оценке августа 1991-го. Разочарование в результатах подавления путча наступило очень быстро: уже в августе 1994 года «победой демократической революции, покончившей с властью КПСС», эти события назвали всего 7 % респондентов. Спустя 22 года ситуация практически не изменилась: соответствующая цифра составила 8 %. За все это время положительные оценки не превышали уровня в 13 %. При этом два других ответа «конкурируют» между собой за популярность. Алармистский ответ «Трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа», в 1994–2010 годах уступал сдержанно-нейтральному ответу «Просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны». Впрочем,

в 1999 году эти оценки почти сравнялись, составив 38 % и 40 %, что могло быть связано с полным разочарованием в Борисе Ельцине после дефолта 1998 года и с пиком ностальгии по брежневским временам, отразившимся в резком, хотя и кратковременном, росте популярности Евгения Примакова. Но уже в следующем году ситуация существенно изменилась: взятие Грозного и избрание Владимира Путина президентом страны создали принципиально новую ситуацию, оттеснив на второй план переживания по поводу неудавшегося путча и распада Союза.

Интересно, что в 2011 году число «алармистов» впервые превысило количество «нейтралов», хотя и не очень значительно: соотношение составило 39 % к 35 %. Такие сдвиги могли быть связаны с осмыслением результатов кризиса 2008–2009 годов. Продолжаясь недолго, он, однако, успел разрушить представление о поступательном и долгосрочном росте, который, как предполагалось, мог продолжаться в течение десятилетий: отсюда и укрепление представлений о драматизме последствий, порожденных путчем. К 2012 году соотношение изменилось мало, составляя 41 % к 37 %. Эти цифры позволяют задуматься о характере претензий к власти в «докрымский» период. Если в Москве десятки тысяч людей выходили на митинги с требованием политических свобод, то в целом по стране пожелания к власти носили иной характер и касались в основном общего повышения ее дееспособности (что объективно усиливало ностальгию по советским временам). Да и среди участников московских протестных акций было немало как левых, выступавших под красными знаменами, так и националистов, использовавших черно-желто-белую «имперку»; и для тех и для других события августа 1991-го оставались трагедией.

Неудивительно, что в 2013 году, когда ситуация стабилизировалась, соотношение «алармистов» и «нейтралов» вновь стало привычным: 33 % к 39 %. Однако присоединение Крыма в очередной раз изменило ситуацию, причем в принципиально новом контексте. Власть, с точки зрения большинства общества, вновь стала демонстрировать дееспособность, но впервые речь шла о расширении территории России за счет земель, утраченных в 1991 году. В условиях жесткого противостояния

с Западом резко усилилась роль пропагандистской машины: если раньше ведущие СМИ могли в ряде случаев позволять себе «объективизм», то с начала 2014 года доминирующим стал принцип *à la guerre comme à la guerre*. Распад СССР теперь позиционировался в государственных и около государственных СМИ как однозначная трагедия, заложившая основу для создания «антироссийской» Украины. Поэтому в 2014-м количество «алармистов» вновь стало преобладать (41 % к 36 %), а в 2015-м разница еще более увеличилась, достигнув максимума за все время опросов: 41 % к 32 %.

Однако не менее значимым представляется и то, что даже на пике пропагандистских усилий число россиян, воспринимающих поражение путча как трагедию, не стало доминирующим. Кроме того, как отмечалось выше, все-таки речь идет о событиях прошлого, которые давно утратили актуальность. Обращает на себя внимание и тот факт, что всплеск алармистских настроений по отношению к событиям 25-летней давности оказался непродолжительным. Превращение конфликта с Западом в повседневную рутину, отсутствие новых внешнеполитических успехов и рост депрессивных настроений в связи с социально-экономическими проблемами привели к тому, что в июле 2016 года соотношение вновь резко изменилось, составив 30 % к 35 %. Одновременно резко, до 27 %, выросло количество затруднившихся ответить на упомянутый выше вопрос. Сказанное свидетельствует о том, что в обществе углубляется дезориентация, обусловленная тем, что завышенные «посткрымские» ожидания не оправдались.[76]

События 19–21 августа 1991 г. уже через несколько месяцев, а то и дней после их свершения имели, как минимум, четыре политизированные трактовки. Эти трактовки принципиально отличались оценкой характера событий, его движущих сил и роли личностей в его истории:

1. Трактовка, излагаемая окружением Б. Ельцина, называет эти события «путчем» или «переворотом», организованным «коммунистическими консерваторами», которым противостоял народ. В понятие «переворот» при этом вкладывается негативный смысл. Члены ГКЧП, согласно этой точки

[76] http://politcom.ru/21830.htm

зрения — прокоммунистически настроенные преступники, амнистированные лишь благодаря гуманизму лидеров высших органов государственной власти России[77].

2. Демократическая трактовка событий ГКЧП. Сразу после «путча» представители некоторых демократических партий, например, ряд руководителей Российской партии зеленых (А. Шубин), а также члены правления московской организации СДПР (Ю. Воронов, Е. Миронов), давали трактовку тех событий близкую к конспирологическому пониманию исторического процесса, заложив тем самым краеугольный камень демократической критической историографии ГКЧП. По их мнению, «переворот» ГКЧП был инспирирован реальным политическим руководством страны, как фальшивый удар «справа». Логика рассуждений этих деятелей была такова: страна переживала период решительного перехода к рынку, но у лидеров государства были совершенно идеалистические представления об экономических преобразованиях. Перед ними стояла задача прекратить развитие СССР-России как государства, осуществляющего политику централизованного, относительно планового нерыночного экономического развития, способного развивать государственную собственность, крупное ВПК и перерабатывающую промышленность. Необходимо было создать новое государство, экономика которого была способна развиваться или на существенных дотациях Запада (на что, видимо, надеялось руководство СССР), или только как экономика добывающей страны с частной формой собственности на основные средства производства и незначительным уровнем ВПК. По крайней мере, армия, опирающаяся на этот ВПК, не должна была претендовать на участие в крупных вооруженных конфликтах. Задача создания такой экономики была вполне разрешима на уровне республик, входящих в Союз. Сам СССР для этого был не нужен. Осуществление такой реформы (в первую очередь — проведение массовой приватизации) должно было обеспечиваться популярным правительством. Для его формирования нужно было одновременно ликвидировать

[77] Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти (1945–1991). — М.: Издательство РАГС, 1998; Эпоха Ельцина: очерки политической истории / М., 2001.

все органы власти, не способствующие радикальному переходу страны к рынку и не стимулирующие прозападную ориентацию общества. К таким органам власти относились, в первую очередь, органы руководства КПСС и союзного государства. Фальшивый удар «справа» позволял решить задачу ликвидации этих институтов. Согласно этой точке зрения, члены ГКЧП, — всего лишь «порученцы» реального политического руководства страны, в том числе М. С. Горбачева. Но это не отменяет негативную оценку их действий. В середине 90-х, после разрыва Б. Ельцина с целой плеядой демократов, критическая демократическая историография ГКЧП усилилась. Ярким примером такой трактовки событий августа 1991 г., трактовки ГКЧП, как заговора М. Горбачева против демократии дана в книге Ю. Буртина «Новый строй»[78]. По версии этого автора, Б. Н. Ельцин, поддержанный народными массами, сорвал заговор. Однако позже Б. Н. Ельцин вступил в сговор с М. Горбачевым и номенклатурой и предал демократов. Примерно то же пишет в своей работе «Шанс еще есть» Л. Баткин[79].

3. В прокоммунистической и близкой к ней ЛДПРовской историко-политических традициях, ГКЧП называют неудачной попыткой группы лиц спасти великое государство — СССР. Сторонники этих традиций считают, что члены комитета действовали в нужном направлении, но очень нерешительно. Эту точку зрения излагают и лидеры КПРФ, и «первые лица» ЛДПР. В. Жириновский, эксплуатирующий для создания своего политического и электорального имиджа факт, что ЛДПСССР была единственной партией официально поддержавшей ГКЧП, даже как-то заявил, что действия ГКЧП увенчались бы успехом, если бы он был его членом[80]. Члены ГКЧП в представлении сторон-

---

[78] Буртин Ю. Новый строй. О номенклатурном капитализме / М., Эпицентр, 1995.

[79] Баткин Л. Шанс еще есть. Политические впечатления и раздумья трех лет после Августа / М., Эпицентр, 1995. 504.

[80] Курашвили Б. П. Куда идет Россия? / М., Прометей, 1994; Зюганов Г. А. Россия и современный мир / М., Обозреватель, 1995, с. 40–43.; Зевелев А., Павлов Ю. Созидатель или разрушитель? Б. Н. Ельцин: факты и размышления / М., Новая игрушечка, 1999; Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX в. / СПб, 1999; Варенников В. Судьба и совесть / М., Палея, 1993; Илюхин В. И. Дело М. С. Горбачева. Речь главного обвинителя / М., Унита, 1993, Илюхин В. Обвиняется Президент / М., Палея, 1992;

ников этой традиции если не герои, то уж, по крайней мере, выдающиеся государственные деятели. Это особо подчеркивалось представителями КПРФ во время губернаторских избирательных кампаний члена ГКЧП, а впоследствии — губернатора Тульской области В. Стародубцева. Ныне существуют даже прокоммунистические политические организации, требующие исторической (подчеркну — исторической *Д. Л.*) и политической реабилитации ГКЧП[81].

4. В националистической и близкой к ней клерикальной традициях, опирающихся на провиденциалистский и конспирологический взгляд на исторический процесс, доминирует представление, согласно которому описываемые события — провокация мирового масонства или сатанизма, стремящегося окончательно поработить, расчленить Россию, уничтожить русских как нацию, а православие как религию. Члены ГКЧП, с точки зрения националистов и радикальных клерикалов, — вольные или невольные участники провокации, а может быть — и «посланцы дьявола», ее организаторы. Вызывает интерес то обстоятельство, что эта точка зрения вполне солидаризируется с демократической традицией освещения событий августа 1991 года. Эти традиции роднит антикоммунизм и склонность к поиску конспирологических корней ГКЧП. Отметим и то, что клерикальная традиция, излагается не только православными. В нашей источниковой базе есть, например, значок тоталитарной секты «Богородичный центр» с лозунгом «Богоматерь — победительница в войне августа 1991». Клерикалы-сектанты, например, И. Бреславский, уверяют, что в результате борьбы с ГКЧП был ликвидирован «сатанинский» коммунистический режим[82]. Поэтически клерикальную точку

Жириновский В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации / М., 1998; Жириновский В. Коммунизм — чума XX века / М., 1999; Жириновский В. Четвертая революция в России / М., 2000; Жириновский В. Ельцинизм / М., 2000; Жириновский В. Российская государственность: уроки незавершенных перемен / М., 2001.

[81] Таковым, например, является Комитет за политическую и историческую реабилитацию ГКЧП возглавляемый Е. Сахонько.

[82] Основу православной клерикальной историографии см.: Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. / СПб, 1994; сектантская историография ГКЧП см.: Епископ Иоанн Бреславский. Армагеддон над Россией / М., Богородичный центр, 1991.

зрения на ГКЧП выразил популярный в начале 90-х годов поэт и исполнитель песен И. Тальков. «Сатана гулять устал, гаснут свечи, кончен бал», — пел он рядом с «Белым Домом» России на организованном официальными властями концерте, посвященном победе над ГКЧП. В наш анализ мы не включили совершенно экзотические, троцкистские взгляды на ГКЧП излагаемые, например, группой «Спартаковец — 4 интернациональная», члены которой, проживавшие в те дни в России американцы В. Грановский и М. Филиппс, призывали «сознательных рабочих» «разогнать» и «сталинистское руководство страны», и «контрреволюционную толпу у здания Верховного Совета России»[83].

В конце 90-х появились объективистские оценки ГКЧП, например, в трудах В. Согрина и А. Барсенкова, которые, скорее, являются попыткой согласовать непримиримые трактовки «путча», а поэтому тот же А. Барсенков перечисляет сразу три версии возникновения ГКЧП:

1. ГКЧП устроили имперские силы;

2. ГКЧП организовал сам М. Горбачев (эта версия самая правдоподобная);

3. ГКЧП инициировали демократы[84].

Не ввязываясь в споры о сути ГКЧП, это не является предметом нашего исследования, мы будем говорить о событиях «путча», анализируя структуры, которые возникли у простых шахтеров из российской глубинки, из Североуральска во время протестных действий против ГКЧП. Мы также рассмотрим характер «послепутчевых» событий. Именно этот период не имеет развитой историографии. Никто не проанализировал характер, масштабы и динамику сноса памятников в то время. Нет анализа действий по созданию «Национальной гвардии» и ее реальных планов. Нет оценки конфликта между Моссоветом и мэрией столицы по вопросу о назначении нового главы московской милиции. Нет анализа проектов законодательства о люстрациях. Нет исследований о действиях местных комитетов по противодействию путчу и расследованию дея-

---

[83] Спартаковец. Бюллетень коммунистической лиги. 4 интернациональная. / N-Y, 1991, № 1.

[84] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 204–205.

тельности КПСС. Не исследованы банковские аспекты послепутчевой истории — арест счетов КПСС и действия с ними.

Нет анализа забастовочного движения в поддержку Ельцина после победы над «путчистами». Именно это, то есть дни после «путча» и роль в них забасткомов — главный объект нашего исследования в этой главе работы.

Повторю — характеристика деятельности ГКЧП и борьбы против него в высших эшелонах власти не является объектом нашего исследования, но актуальность истории «путча» и споры о нем вынуждают нас дать краткий анализ тех событий.

Итак, был ли «переворот»? Имеющиеся данные говорят о том, что в ходе «путча» полностью отсутствовал комплекс мероприятий, сопровождающий перевороты, в том числе и организованные при участии КГБ (например, в Польше в 1981 г.) — изоляция основных лидеров оппозиции, занятие возможных очагов сопротивления, установление контроля над копировально-множительной техникой, прессой, телевидением и т. д. Возможно, планы подобного рода были, но замысел был далек от реализации. То есть, на наш взгляд, события 19–21 августа 1991 г. не были попыткой переворота в обычном смысле этого слова.

Положив в основу периодизации истории сопротивления ГКЧП характер тактики сторонников Б. Н. Ельцина, можно выделить следующие этапы:

1. 18 августа — поздний вечер 19 августа 1991 года. Призыв Президента России к неповиновению ГКЧП и радикальным формам протеста;

2. Ночь с 19 на 20 августа до середины дня 20 августа. Отказ сторонников Б. Ельцина от радикальных действий, переговорный процесс между сторонниками Президента РСФСР и представителями ГКЧП;

3. Вечер 20 августа — 21 августа. Прекращение или возможное согласование с М. С. Горбачевым переговорного процесса между сторонниками Президента РСФСР и представителями ГКЧП, а также арест последних. Переход к «послепутчевому» периоду;

4. Как особый период мы выделяем «послепутчевый» этап, примерно, до 28 августа. Этот этап характеризуют радикальные действия сторонников Б. Ельцина «снизу» и их

осторожное сдерживание «сверху». А теперь подробнее о перечисленных этапах.

1 этап истории сопротивления ГКЧП.

В условиях начавшегося переворота, после объявления о переходе высшей власти в руки ГКЧП, изоляции М. С. Горбачева в Форосе и ввода в столицу СССР войск, 19 августа 1991 г. Б. Н. Ельциным принимаются следующие документы: $9^{\underline{00}}$. — Обращение «К гражданам России», объявляющее членов ГКЧП государственными изменниками и призывающее к забастовкам в поддержку руководства России; в $12^{\underline{10}}$ и $16^{\underline{00}}$ Указами № 59, 60 и 61 декларируется особая власть и роль Президента РСФСР. Высший орган представительной власти подтвердил эти указы в $18^{\underline{00}}$ постановлением Президиума ВС РСФСР № 1624–1. На тот момент главным вопросом был — с кем армия, а потому в $17^{\underline{00}}$ выходит еще и обращение Б. Ельцина «К солдатам и офицерам», призывающее их не подчиняться ГКЧП. Таким образом, до 12 часов 15 мин 19 августа никаких исходящих документов по линии исполнительной власти из «Белого дома» не поступало. До 18 часов 30 мин никаких исходящих документов по линии законодательной власти также не поступало. В Моссовет перечисленные документы дошли только к 23 час 00 мин 19 августа. Все указы от 19 августа 1991 г. носили больше сигнально-информативный характер, чем управленческий. Б. Ельцин как бы сигнализировал ими своим сторонникам: «Все в порядке. Президент работает».

При этом ни один из документов не мог являться юридической основой для действий местных органов власти и управления, так как в указанных выше актах требовалось, с одной стороны, обеспечение условий для объявления бессрочной политической забастовки, а, с другой стороны, подчинение законам РСФСР, которые не предусматривают такую форму протеста. С одной стороны, наступил правовой паралич власти. В значительной мере, этим объяснялась и пассивная тактика защитников «Белого дома». Знали о нем и в окружении Б. Ельцина, но ничего не предпринимали для быстрого изменения ситуации.

С другой стороны, руководители РСФСР фактически призывали граждан России к санкционированной руководством республики кампании гражданского неповиновения, к «разре-

шенному бунту». Конкретизацию этого призыва можно найти в документах союзников Президента РСФСР:

1. Независимого профсоюза горняков (НПГ),

2. Московской организации Социал-демократической партии России.

19 августа 1991 г. исполнительное бюро профсоюза горняков (ИБ НПГ) призвало шахтеров к стачке, указав конкретное время ее начала — 0 часов 20 августа 1991 г. Кроме того, в обращении ИБ НПГ рекомендовалось проводить стачку «не выходя на площади», то есть без такого руководящего органа забастовки, как митинг. Тогда же, 19 августа 1991 г. московская организация Социал-демократической партии России, разослала рекомендации по проведению забастовки. По мнению социал-демократов, стачка должна развиваться как оккупационная забастовка с элементами вооруженной борьбы. Рекомендации предусматривали формирование инициативной группы (ИГ) по проведению забастовки, которая должна занять предприятие, захватить склад ВОХР и не допустить на предприятие штрейкбрехеров. «ИГ по организации забастовки не должна складывать полномочия перед собранием или конференцией», — говорилось в рекомендациях. То есть эсдеки представляли себе забастовку против ГКЧП без такого руководящего органа как собрание трудового коллектива.

Как отреагировала «глубинка» на эти призывы? Ответ на этот вопрос получим при анализе протестного забастовочного движения на ПО СУБР. На наш взгляд, очень важно то, что откликнувшиеся на призыв Президента России о стачке, ОЗК и ИБ НПГ ПО СУБР решили проводить забастовку не по рекомендациям «сверху», а по традиционной схеме, вынося вопрос о прекращении работы на сменные собрания.

Какова была динамика принятия решений о забастовке на ПО СУБР?

19 августа прошли сменные собрания рабочих объединения. На шахте № 1 прошло собрание первой смены. За забастовку проголосовало 109 человек. Против — 0. Воздержался — 1. На шахте № 13 прошло собрание первой смены. Собрание решило начать немедленно забастовку. «За» проголосовало 109 рабочих, «против» — 0, воздержался голосовать — 1. На шахте № 13, на собрании первой смены за

забастовку проголосовало 139 рабочих, против — 0, воздержались — 9. На шахте № 15 прошло общее собрание всех смен. Бастовать решило 408 горняков, против выступило — 2 рабочих. Воздержавшихся не было. Общее собрание шахты № 14 (кроме первой смены) приняло решение о забастовке единогласно.

20 августа ПО СУБР продолжались рабочие собрания. На шахте № 13 на собрании 2 смены за забастовку высказалось 190 шахтеров, воздержалось голосовать 14. На шахте № 13 прошло собрание работников третьей смены. 102 решили бастовать, 2 выступили против забастовки, 20 — воздержались. На шахте № 14 прошло собрание первой смены. 91 горняк выступил за забастовку, против — 1, и 1 воздержался. На шахте № 16 прошло общее собрание шахтеров, которое приняло решение о забастовке. 305 голосов — «за», 1 — «против», 2 — «воздержались».

В тот же день принял решение бастовать Североуральский металлообрабатывающий завод. На общем собрании рабочих 33 голоса рабочих подано «за» забастовку. «Против» — 14. Воздержавшихся не было. Тогда же ШСУ № 3 на собрании двух смен приняло единогласное решение о забастовке.

21 августа принял решение о забастовке Ивдельский участок РОД Конференция двух смен 40 голосами «за» против 5 «против» и отсутствии воздержавшихся.

Таким образом, к середине дня 20 августа 1991 г. стало ясно, что Североуральск готов к забастовке.

При этом нельзя не отметить, что база поддержки ГКЧП в среде рабочих СУБРа все же была и насчитывала примерно до четверти рабочих на некоторых предприятиях объединения.

В это же время ОЗК посылает в Верховный Совет СССР на имя А. И. Лукьянова телеграмму с требованием роспуска ГКЧП и недопущения гражданской войны.

Видимо, аналогичная готовность к началу кампании гражданского неповиновения была объявлена в подавляющем большинстве регионов России. Сравнивая шахтерские забастовочные акции апреля 1991 г. (против СССР) и июля 1991 г. (против ГКЧП) нельзя не отметить различие в организации управления забастовкой. Весной 1991 г. центральные и местные органы руководства забастовочным движением серьезно

не противоречили друг другу. Различие было лишь в том, что центр, как правило, формулировал требования, к радикализму которых не всегда были готовы местные забасткомы. Центр не всегда представлял механизма выхода из состояния забастовки. Но никогда центральные органы руководства забастовочным движением не навязывали местным забасткомам алгоритма развития забастовки. Однако в августе 1991 г. из Москвы начали требовать от забасткомов радикальных действий — начала стачки без традиционных руководящих органов (митинга и собрания трудового коллектива).

В этих условиях ОЗК пошел по традиционному пути — начал созывать собрания трудовых коллективов, т. е. не пошел «на поводу» у центра и дал рабочим возможность самим определить свою позицию по отношению к ГКЧП. Итак, к 18 августа 1991 года противоречия внутри правящей в СССР группировки приняли форму фальшивого, мнимого государственного переворота ГКЧП. В ответ на создание ГКЧП, Президент России призвал ее граждан к кампании гражданского неповиновения к «разрешенному бунту», в том числе к забастовкам.

Сторонники Б. Ельцина «сверху» рекомендовали проводить забастовки без традиционных органов производственного самоуправления: без собраний трудового коллектива и без проведения митингов. «Сверху» настаивали на оккупационных забастовках, которые с точки зрения имеющих опыт забастовочной борьбы рабочих были незаконны. Сторонники Б. Ельцина «снизу» откликнулись на призыв Президента РСФСР о поддержке, но не так, как хотели «верхи». Они самостоятельно создали легитимные (с их точки зрения) органы власти на производстве.

Так бастующие рабочие в самый ответственный для властей России момент не стали следовать их «велениям» бездумно и дословно. Этим они шокировали Белый дом. Не только шокировали, но и вынудили сменить тактику.

Как менялась эта тактика? Об этом говорят события 20 августа.

2 этап истории сопротивления ГКЧП.

Как развивались события 20 августа? Тактика «Белого дома», начала меняться поздно вечером 19 августа 1991 г. Первым симптомом изменения позиции Президента России

Б. Ельцина стало выступление мэра Москвы Г. Попова, которое не могло не быть согласовано с руководством «Белого дома» России. В выступлении содержался призыв к отказу от радикальных действий. Все невыбранные органы власти объявлялись незаконными. Таким образом, незаконными становились все невыбранные штабы по борьбе с путчем и другие аналогичные центры. Кроме того, подчеркивалась необходимость ведения борьбы только законным методом (что равно призыву к отказу от забастовок).

На следующий день, 20 августа 1991 г. в Москве в $9^{\underline{00}}$ было оглашено письмо руководителей РСФСР — Б. Ельцина, А. Руцкого, Р. Хасбулатова и И. Силаева, обращенное к Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. Лукьянову, в котором не было ни слова, призывающего граждан России к забастовке. Более того, в письме предлагалось организовать переговоры между ними и М. Горбачевым в присутствии А. Лукьянова. «К встрече привлечь Г. Янаева», — указывалось в документе. Что это? «Круглый стол»? Можно ли было устраивать встречу на равных с человеком, действия которого тремя указами Президента РСФСР уже были квалифицированы как тягчайшее государственное преступление?

В «глубинке», в изучаемом нами Североуральске и Свердловской области, 20 августа наметились почти штрейкбрехерские тенденции. Так правление ассоциации «Средуралстрой» (в него входил «Бокситстрой») предложило рабочим не бастовать до решения сессии Облсовета о забастовке.

20 августа 1991 г. в 12 часов 30 мин., в обеденный перерыв, был созван митинг «Уралмаша», который выразил готовность бастовать, но решение о начале забастовки не принял. Общее собрание Черемуховской швейной фабрики решило не бастовать и призвало шахтеров прекратить забастовку.

Так штрейкбрехерство во время забастовки против ГКЧП было в форме:

- воздержания от участия в стачке;
- скрытого неучастия в забастовке, например, проведения митинга во время обеденного перерыва.

Открытое штрейкбрехерство было редкостью и имело, как всегда, «женское лицо».

При анализе августовских событий 1991 г. на ПО СУБР четко видны две линии поведения по отношению к ГКЧП — директорская и рабочая.

Позиция директората ПО СУБР была очень своеобразной. До 20 августа директорат выжидал. Но 20 августа директор ПО СУБР издал приказ об уходе в административный отпуск всех руководителей ПО на время забастовки, то есть руководители ПО одновременно и не работали, а тем самым — поддерживали бастующих шахтеров, и, как бы, находились в отпуске, то есть не участвовали в акциях, направленных против ГКЧП. Другую, более продуманную тактику избрал начальник ШСУ № 6. Он издал приказ № 131 о проведении собраний, выборе забасткомов и подчинении их координационному совету по проведению забастовки при облсовете, то есть реально — о выводе бастующих горняков из подчинения ОЗК. Кроме того, приказом предписывалось «бригадам, звеньям, принимавших участие в забастовке выйти из нее с 17 часов 21.08.91». Таким образом, временные союзники бастующих (в Североуральске это часть дирекции ПО СУБР и облсовет) требовали переподчинения ОЗК координационному совету по проведению забастовки при облсовете.

В целом, 20 августа произошло следующее:

1. Забасткомы, созданные непредусмотренным властями России путем объявили о готовности к забастовкам «снизу»;
2. Шокированное самодеятельностью «низов» руководство российской номенклатуры пошло на переговорный процесс с ГКЧП «сверху». Этими действиями Ельцин продемонстрировали, что ему ближе и «роднее» номенклатурные члены ГКЧП, чем свои собственные не номенклатурные сторонники;
3. Началось штрейкбрехерство;
4. Отмечались попытки «переподчинить» рабочих, объявивших забастовочную готовность.

Обстановка накалилась до предела.

3 и 4 этап истории сопротивления ГКЧП.

Как развивались события 21 августа и непосредственно после путча? Когда переговоры А. Лукьянова с И. Силаевым зашли в тупик, то есть во второй половине 20 августа, «Белый дом» еще раз меняет тактику — принимаются указы № 67 и 68, по которым фактически вся власть Президента СССР переходит

к Президенту России. После данных указов для членов ГКЧП был возможен только один путь — капитуляция. Обстановка осложнилась убийством нескольких человек (минимум — трех) в Москве на Садовом кольце во время продвижения колонны бронетехники. После этого Г. Янаева могло оставить в живых только вмешательство авторитетной «третьей силы», с которой бы посчитался и Б. Ельцин, и его сторонники. Это произошло. На политическую арену вернулся М. Горбачев.

21 августа стало очевидным поражение ГКЧП. Крах этого органа усилил бушевавший «снизу» «разрешенный бунт».

Как развивался «разрешенный бунт» после 21 августа? В нашей источниковой базе есть заявление ИБ НПГ от 22 августа, разработанный идеологами движения «Демократическая Россия» и принятый 22 августа ИБ НПГ «Перечень мер по предотвращению государственных переворотов», письмо ИБ НПГ всем организациям НПГ, рабочим стачечным комитетам, гражданам страны от 24 августа, резолюция митинга жителей Североуральска 22 августа, а также материалы движения «Демократическая Россия», исходя из которых можно вывести требования «послепутчевого» «разрешенного бунта».

Эти требования условно можно разделить на следующие группы:

1. Требования полной ликвидации основы политической системы СССР.

Такими требованиями мы считаем, в первую очередь, экспроприаторские требования по отношению к собственности КПСС и ВЦСПС, а также требования по демонтажу высших органов государственной власти и управления Союза:

- Приостановление деятельности КПСС и суд над ней. Национализация, передача (продажа) «с молотка» ее имущества. На проведении суда над КПСС особенно настаивал депутат Моссовета Л. Балашов, проводивший петиционную кампанию в поддержку идеи такого суда. Эта же «мера наказания» для КПСС предлагалась в заявлении ИБ НПГ от 22 августа.

- Перераспределение в пользу независимых профсоюзов собственности ВЦСПС. Требование конкретизировалось в письме ИБ НПГ всем организациям НПГ, рабочим стачечным комитетам, гражданам страны от 24.08.91, где говорилось

о необходимости захвата собственности и помещений КПСС и ВЦСПС. «В обкомах места хватит на всех», — говорилось в письме.

• Реорганизация СССР: отставка Президента СССР, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, смена руководителей силовых ведомств; Создание Временного правительства до созыва Учредительного собрания по реорганизации СССР и созыв Учредительного собрания для определения судьбы бывшего СССР.

• Уничтожение символов господства КПСС (снос памятников коммунистическим лидерам, возвращение государственной символики дореволюционной России) и принятие нового герба, флага и гимна страны.

То есть экспроприация у старой власти того, что П. Бурдье называет символическим и культурным капиталом[85]. Позже социологи отмечали, что даже год спустя, в 1992 г. символы и ведущие институты прежней власти воспринимались бастовавшими в 1991 году шахтерами с ненавистью[86]. В столице снос памятников коммунистическим лидерам начался уже 20 августа. Интересно то, что первым снесенным в Москве памятником стал памятник, так называемому, «пионеру-герою» Павлику Морозову в сквере рядом с Белым Домом. По нашим данным инициатором сноса этого памятника стал активист самоуправленческого движения, один из лидеров КОСМ Борисово-10 А. Семченков. Начавшаяся в Москве «война памятников» быстро распространилась по стране и настолько захлестнула ряд регионов, например, Урал, что 24 августа зампредоблсовета Свердловской области был вынужден разослать телеграмму всем горсоветам о необходимости пресечения «актов вандализма». Но эта мера не имела успеха.

---

[85] Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть// THESIS, Теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993, т. 1, с. 137–150.

[86] Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., 1993, с. 31.

2. Требования создания новых охранно-репрессивных государственных органов. К таким требованиям мы относим:

• Преобразование органов внутренних дел: роспуск КГБ СССР, раскрытие его архивов, ликвидацию системы осведомителей, установление контроля демократически настроенного Моссовета над УВД Москвы. Многие депутаты Моссовета требовали назначить новым начальником московской милиции генерала Комиссарова.

• Создание из верных сторонников Президента РСФСР «Национальной гвардии», способной дублировать правоохранительные органы.

3. Проведение репрессивной политики по отношению к противникам реформаторского курса Президента России. Основу такой политики должны были составить следующие меры:

• Принятие «закона о люстрациях», ограничивающего для представителей коммунистической партийной номенклатуры право занимать руководящие должности в государственном аппарате России. Этот закон разрабатывал и поддерживал один из лидеров движения «Демократическая Россия» Народный депутат РСФСР Л. Пономарев. Интересно, что на территории нашей страны такой закон в полной мере был воплощен в жизнь лишь в Чеченской республике во времена Д. Дудаева, который использовал его против сторонников Д. Завгаева.

• Запрет партии В. Жириновского — ЛДПСС.

• Предание суду членов ГКЧП и арест всех, кто поддерживал ГКЧП. Нелишне при этом напомнить, что симпатизировали ГКЧП не менее 13–16 % населения России.

4. Изменение персонального состава руководства городов и областей РСФСР. На «волне» подобных настроений к власти во многих регионах пришли реформаторы, многие из которых, к сожалению, впоследствии не смогли удержать власть в своих руках. К подобным лидерам я отношу В. Рюмина (г. Рязань), В. Власова (Владимирская область) и некоторых других. Ряд реформаторов, например, М. Кислюк (глава администрации Кемеровской области) и В. Ротин (глава администрации Веневского района Тульской области) были реко-

мендованы для работы в указанных должностях НПГ и бастовавшими в августе 1991 г. шахтерами[87].

5. Создание новых органов власти для проведения реформ на производстве. Главные среди этих требований:

• Создание рабочих стачечных комитетов на каждом предприятии. В предыдущей главе мы доказали, что забасткомы стремились стать «властью вообще», забрать себе функции и законодательной, и исполнительной властей. То есть требование о создании забасткомов на каждом предприятии автоматически содержало в себе требование изменения структуры городской власти. Например, 22 августа 1991 г. прошел митинг жителей Североуральска, в резолюции которого было требование изменить структуру городских органов власти. При этом под изменением структуры городской власти североуральцы понимали именно расширение функций ОЗК ПО СУБР;

• Отмена запрета на забастовки в тех отраслях, где они запрещены и разрешение политических забастовок. В своих заявлениях, и в принятом 22 августа «Перечне мер по предотвращению государственных переворотов» на этом особо настаивало ИБ НПГ. Для нашего исследования принципиально важно, что органами, проводящими реформы на производстве, планировались рабочкомы и стачкомы, а не профсоюзы и не структуры, уполномоченные Госкомимуществом. Воплощение в жизнь радикальных требований участников «разрешенного бунта» привело бы к формированию некой синдикалистской формы власти и репрессиям. Можно назвать эту идею своеобразным синдикализмом. Аналоги подобной форме синдикализма можно искать в Италии времен Муссолини, в республике Сало, в раннем периоде Российской Советской республики, но, в связи с тем, что это была нереализованная историческая альтернатива, мы подобным поиском заниматься не будем.

Под нажимом «снизу» Б. Н. Ельцин подписал 23 августа 1991 г. Указ о приостановлении деятельности КПСС. Указом предписывалось расследование деятельности КП РСФСР и приостановление обслуживания Центробанком России счетов КПСС. В развитие этого Указа был принят Указ от 25 августа

---

[87] Левчик Д. А. Политические аутсайдеры / Кентавр, 1995, № 6, с. 58–72.

1991 г. о национализации имущества КПСС и аресте ее счетов. Для исполнения этих указов были созданы специальные банковские комиссии, работавшие с банковскими счетами КПСС. Недвижимое имущество КПСС было передано областным органам Госкомимущества. Требование экспроприации собственности КПСС совпадало с интересами трансформирующейся российской номенклатуры — она никогда не отказывалась от лишнего «куска» собственности. Не противоречили интересам номенклатуры и требования о смене символики страны. Новый флаг, герб и гимн были приняты. Но допустить создание забасткомов на каждом предприятии, радикально изменить структуру власти новые хозяева страны не желали, как не желали и проведения репрессивной политики против представителей номенклатуры, поэтому группы общественного контроля по содействию расследования антиконституционной деятельности КПСС проработали недолго (примерно неделю) и безрезультатно.

В анализируемой нами Свердловской области такие комиссии были созданы 28 августа 1991 г. решением Облисполкома и Облсовета и состояли из народных депутатов, представителей общественных организаций, журналистов и стачкомов. Они заседали всего три — четыре раза.

В послепутчевый период сторонники Б. Ельцина «снизу» продолжали готовиться к продолжению кампании гражданского неповиновения. С точки зрения бастовавших в 80-е годы шахтеров, основных участников социально-ролевой игры в «героя и дружину», победа «героя» Б. Ельцина в августе 1991 года вовсе не была окончательной. И, несмотря на заявление ИБ НПГ от 22 августа 1991 г. о приостановлении стачки, были факты объявления забастовок в поддержку Б. Ельцина уже после поражения ГКЧП.

Так, общее собрание участка № 4 «Промстрой» треста «Бокситстроя» 22 августа решило провести суточную забастовку в поддержку Б. Ельцина. Интересно и то, что ОЗК ПО СУБР не прекратил, а «приостановил» забастовку против ГКЧП. Широкое развитие «разрешенного бунта» «снизу» не входило в планы руководителей России. Общественные не номенклатурные инициативы, в том числе расширение властных полномочий органов производственного самоуправления, родившихся

на базе стачкомов, породили «сверху» страх перед этим «бунтом». Одним из проявлений такого страха стала правительственная телеграмма на все производства, в том числе на ПО СУБР 21 августа 1991 г. В ней предписывалось обеспечить трудовую дисциплину, обеспечить охрану предприятия, а главное — обеспечить сохранность оружия, взрывчатых веществ и усилить контроль за копировально-множительной техникой. Правительство опасалось вооружения рабочих, боялось вооруженного восстания и распространения несанкционированных «сверху» листовок. «Послепутчевый» период ярко показывает, что движение сопротивления ГКЧП было народным, что в нем участвовали большие массы народа, и что это движение было революционным, то есть направленным на радикальное изменение политического строя.

Поражение ГКЧП и перемещение центра власти из союзной номенклатуры в номенклатуру республиканскую ускорило народное движение и «низовые» процессы по самоорганизации рабочих на производстве в форме полновластных забасткомов, претендующих на «власть вообще».

Во время забастовки против ГКЧП серьезно изменились функции забасткома ПО СУБР:

1. 19 августа 1991 г. ОЗК ПО СУБР был единственным властным органом в городе, остальные реально не работали;

2. С 22 августа 1991 г. ОЗК стал руководящим органом по проведению «разрешенного бунта» и до начала сентября 1991 г. выполнял еще и репрессивные функции, его представители участвовали в работе комиссии по расследованию деятельности КПСС.

Участники «разрешенного бунта» выдвинули идеи почти синдикалистской реорганизации государства, которая не входила в планы лидеров российской номенклатуры. Наш анализ показывает, что «излишняя самостоятельность» забасткомов сыграла ключевую роль в изменении позиции властей России по отношению к ГКЧП и парт номенклатуре. К концу августа 1991 года страх перед не номенклатурной политической и забастовочной активностью масс вытеснил у руководства российской номенклатуры здравый реформаторский смысл и вынудил поставить тактическую задачу

по борьбе с не номенклатурным политическим и забастовочным движением выше стратегической задачи по реформированию страны.

Трансформирующаяся номенклатура начала активную борьбу с органами общественного самоуправления на производстве. Как это было?

Период с августа 1991 г. по декабрь 1993 г. в современной российской историографии получил название «августовская республика»[88]. Первые дни этой республики ознаменованы широкомасштабным изменением, демократизацией российского законодательства. По признанию Г. Попова, «варианты противодействия путчистам разработаны задолго до августа 1991 г.»[89]. Это означает то, что законодательство после августовских дней разработано заранее и писалось вовсе не в «революционной спешке».

Для этого законодательства на начальном этапе развития «августовской республики» характерно следующее:

1. Антикоммунизм, точнее — «анти-КПСС-ность», комплекс мер, направленных на полную ликвидацию идеологического, политического и экономического влияния КПСС.

2. Сепаратизм и государственный дезинтеграционализм, то есть законодательная поддержка всех инициатив, направленных на выход России из состава СССР и разрушение Союза.

3. «Анти-КГБ-изм», или система мер по сокращению влияния КГБ («меча партии») на политическую жизнь страны. Ликвидация КПСС в 1991 г. проходила следующим путем: 22 августа на сессии Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин зачитал так называемый Указ о запрете КПСС. Одновременно с этим в Москве прошел захват зданий ЦК и МГК КПСС. В тот же день М. С. Горбачев сложил с себя обязанности Генерального Секретаря ЦК КПСС и рекомендовал ЦК самораспуститься. 25 августа был опубликован Указ Президента России о национализации имущества КПСС. Совместные усилия Б. Ельцина и М. Горбачева по ликвидации Компартии в те дни удивляют. После «путча ГКЧП» КПСС уже не представляла реальной опас-

---

[88] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 452

[89] Там же.

ности. Действия по ее ликвидации 22–25 августа, на наш взгляд, это — даже не борьба с политическим противником, а контрольный выстрел в голову политического трупа.

В сентябре 1991 г. группа социологов под руководством академика Г. Осипова провела опрос россиян об отношении к ельцинскому Указу о КПСС. Выявилась следующая картина:

· 60 % опрошенных были согласны с приостановлением деятельности КПСС,

· 55 % считали, что КПСС не должна восстановить свою деятельность,

· 26 % не были согласны с приостановлением деятельности КПСС,

· 23 % одобрительно высказывались о КПСС,

· 28 % были убеждены, что КПСС должна восстановить свою деятельность.

Это показывает, что противниками КПСС была примерно половина страны, а сторонниками — примерно — четверть[90].

Ликвидация СССР заняла у сторонников «августовской республики» чуть больше времени, чем ликвидация КПСС. При этом действия Б. Ельцина и М. Горбачева напоминали уже своеобразное соревнование — кто быстрее ликвидирует союзные структуры.

Стоило Б. Н. Ельцину создать так называемый Комитет по управлению народным хозяйством во главе с И. Силаевым, А. Вольским, Ю. Лужковым и Г. Явлинским, как М. Горбачев ликвидировал Совет Министров СССР.

20–21 августа Эстония, Латвия и Литва восстановили на своей территории действие Конституций 1940 г., а 24 августа Россия признала их независимость. 24 августа заявили о независимости Украина и Беларусь. 27 — Молдова. 30 — Азербайджан. 31 — Киргизия и Узбекистан. В тот же день опубликовано обращение лидера Грузии З. Гамсахурдиа к международному сообществу с просьбой признать фактическую независимость Грузии.

Проходивший в Москве 2–5 сентября 5 Съезд Народных Депутатов СССР принял решение о роспуске Верховного Совета

---

[90] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 53–54.

СССР, Президиума Верховного Совета и самого съезда. Был создан временный координирующий и законодательный орган — Госсовет СССР, в который входили М. Горбачев и руководители пока «союзных» республик.

18 октября из остатков СССР было создано неустойчивое конфедеративное образование — Союз Суверенных Государств (ССГ), в который вошли Россия и 8 бывших республик СССР. Это государственное образование просуществовало менее полутора месяцев и 7 декабря 1991 г. на совещании лидеров России, Украины и Беларуси в Беловежье СССР — ССГ было окончательно ликвидировано. На его месте возникли новые независимые государства, большинство которых позже подписало договор об образовании Союза Независимых Государств (СНГ) как межгосударственного политического объединения. В этих условиях 25 декабря 1991 г. первый и последний Президент СССР, М. С. Горбачев подал в отставку.

Ликвидация КГБ СССР проходила по похожей схеме. 29 августа 1991 г. М. С. Горбачев дезинтегрировал КГБ, разделил его на 4 ведомства. 22 октября Госсовет СССР ликвидировал КГБ СССР, но его фактическая ликвидация состоялась лишь 3 декабря 1991 г.

Всего окончательная ликвидация КПСС заняла 4 дня, окончательная ликвидация СССР — 4 месяца и 5 дней, ликвидация КГБ — 3 месяца и 4 дня.

Экономическое положение России на момент ликвидации СССР в августе-декабре 1991 г. было плачевным. Страну поразили инфляционный, платежный и системный кризисы, то есть возник полный паралич управления экономикой[91]. В 1991 г. все основные показатели падения производства составили — 2,8–37 %:

- национальный доход упал на 11 %,
- ВВП упал на 13 %,
- промышленное производство сократилось на 2,8 %,
- сельское хозяйство — на 4,5 %,

---

[91] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 274; Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 45–49.

· внешнеторговый оборот упал на 37 %,

· добыча угля упала на 11 %,

· добыча нефти сократилась на 9 %,

· производство продукции металлургии упало на 10–12 %,

· лесная, деревообрабатывающая, пищевая промышленности сократили выпуск продукции на 8–10 %,

· выпуск товаров народного потребления сократился на 1,5 %,

· выпуск продовольственных товаров сократился на 8,3 %,

· дефицит бюджета составил 30,9 % от всеобщего валового продукта (ВВП).

Единственным «радужным» экономическим показателем оказался рост алкогольной продукции. Она выросла на 4 %. Страна «похмелялась» после августовской революции, а лидеры «августовской республики» вынужденно изменили бюджет страны с относительно «трезвого» на «пьяный», то есть на стратегию получения доходов от торговли водкой в государственных масштабах.

После окончательного распада СССР, в самом конце 1991 г. Россию поразил еще денежно валютный кризис. Мало того, что выпуск денег в стране увеличился по разным подсчетам то ли в 4,4 раза[92], то ли в 3,6 раз[93], введение национальных валют в бывших республиках Союза привело к интервенции рублей в Россию, к увеличению денежной массы. Соответственно в 1991 г. резко возросли денежные доходы населения. По разным подсчетам — или в 2 раза[94] или в 1,6 раз[95]. Естественно эти рубли не были обеспечены товарами. Положение не спасало ни введение талонов на продажу основных товаров народного потребления, ни то, что цены выросли в 2 раза.

---

[92] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 255.

[93] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 44.

[94] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 255.

[95] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 51.

Соответственно в 1991 г. внутренний российский товарооборот вырос на 61 %, но это произошло на 43 % за счет роста цен. В физическом объеме товарооборот сократился на 9 %. Прибыль предприятий за счет роста цен в 1991 г. также возросла на 77,6 %.

В стране стремительно развивалось недоверие к национальной валюте. Основные расчеты перешли на валюту страны-победительницы в «холодной войне», на доллары США. Так во взаиморасчетах россиян основное место стала занимать долларизация и бартер. Естественно в этих условиях начал процветать «черный рынок» и система негосударственной, почти «теневой» торговли.

Отмечался бурный рост коммерческих магазинов.

Но самым острым кризисом, обрушившимся на россиян в 1991 г. стал продовольственный. Это было связано с резким сокращением запасов продовольственных товаров в торговле. В 1991 г. закупки сельскохозяйственных товаров государством сократились по разным показателям на 5–27 %. Более всего сократилась закупка овощей. Соответственно ресурсы основных продовольственных товаров на складах сократились на 10–23 %, но ресурсы тех же продуктов в торговой сети сократились уже на 16–50 %. Так в конце 1991 г., в среднем, товарных запасов в розничной торговле осталось на 32 дня. Мяса — на 10 дней, яиц — на 5 дней. Во многих городах России возник хлебный кризис. Стране надо было 5 млн тонн зерна в месяц. А в наличии было лишь 3 млн тонн. Следовательно, возник ажиотажный потребительский спрос особенно на товары длительного хранения. Как и в «голодные годы» россияне перешли к потребительской тактике создания личных запасов продовольствия[96].

Стране остро была необходима серия реформ экономики и ценообразования. Такие реформы произошли. Их провело новое правительство России во главе с самим Президентом Б. Ельцином и первым вице-премьером правительства,

---

[96] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 47–49; Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 256.

бывшим экономистом и публицистом Е. Гайдаром. Впоследствии эти реформы получили название «гайдаровские» или «гайдарономика». В общественно-политической публицистике большая часть журналистов назвала их также «либеральными» реформами. Суть реформ заключалась в отмене государственных дотаций производства и прекращении централизованных государственных капиталовложений в нерентабельные и затратные производства, к которым, как известно, относилась, в первую очередь, российская «оборонка», ВПК. За счет сокращения государственных расходов планировалось высвободить финансы, необходимые для создания инфраструктуры рынка. При этом считалось необходимым стимулировать любую рыночную активность населения при свободном формировании цен (т. н. «отпуске цен»).

В результате в 1992 г. дотации государства сократились в 3 раза, централизованные капиталовложения — в 1,5 раза. Закупка вооружений сократилась в 7,5 раз. Инициаторы реформ считали, что рынок все сбалансирует и урегулирует. Это утопическое представление о рынке, естественно, дало свои негативные плоды уже в ближайшие после начала реформы месяцы. В стране появилось много убыточных предприятий, в основном в сфере ЖКХ (44 % от числа убыточных предприятий), и на транспорте (31 % от числа убыточных предприятий)[97]. Убыточные предприятия стали закрываться. В стране в 1992 г. оказалось 2 млн безработных. Но падение занятости произошло только за счет государственного сектора[98]. В 1993 г. безработица нормализовалась, составив 1,3 % от числа рабочей силы[99]. Однако работающих стало значительно меньше. Появилась прослойка людей, живущая не за счет работы.

---

[97] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 51, 133–134, 181.

[98] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 256; Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 44.

[99] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 242.

Это — не только содержанки или тунеядцы, но и те, кто жил за счет сдачи внаем своей квартиры, дачи, а также начинающие рантье.

В 1991 г. трудовые ресурсы страны составляли — 86,8 млн человек, а в 1992 г. — 73.4 млн человек[100].

В 1 квартале 1992 г. по сравнению с аналогичным периодом 1991 г. производство продовольственных товаров сократилось на 28 %[101], а промышленных товаров — на 13 % (по данным фонда «Реформа» — на 26 %). Позже, в 1993 г. производство товаров народного потребления по разным позициям сократилось по сравнению с 1992 г. еще на 4–55 %[102].

Годовой уровень инфляции в 1992 г. составил 2509 %. Ежедневно инфляция составляла — 1,2 % официально, и 2 % — оценочно[103]. Несмотря на формальный рост денежных доходов населения в 1992 г. в 7,5 раз, реальные доходы упали более чем в 2 раза[104].

В 1992 г. цены на продовольственные товары выросли по разным оценкам в 16 или в 26 раз. Цены на непродовольственные товары выросли в 13 раз. В 1 квартале 1992 г. по сравнению с 1 кварталом 1991 г. розничный товарооборот сократился на 51 %. Мяса, колбасы, рыбы, сахара[105] было приобретено населением в 2 раза меньше, чем в 1991. Тканей, чулок, носков — в 3,2–3,7 раз меньше.

В 1993 г. рост цен продолжился. Цены выросли в 3 раза уже по сравнению с декабрем 1992 г.[106] Так единственным позитивным эффектом (правда, важным позитивным

---

[100] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 51, 133.

[101] Там же с. 133–134, 181, 182.

[102] Там же с. 240.

[103] Там же с. 181.

[104] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 423; Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 133–134, 181, 182.

[105] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 133–134, 181, 182.

[106] Там же с. 240.

эффектом) «гайдарономики» стало сокращение ажиотажного потребительского спроса.

Важной составной частью «гайдаровских» реформ был отказ государства от своих банковских обязательств перед населением. Потери населения по банковским вкладам вследствие этого составили в 1992 г. более 500 млрд руб.[107] В 1992 г. показатели экономического развития страны упали по разным статьям от 2 до 50 %[108].

Вырос государственный долг. Для его преодоления правительство начало выпуск и организовало принудительное приобретение банками слабо обеспеченных ценных и управляемых бумаг — государственных краткосрочных обязательств (ГКО), а также облигаций федерального займа (ОФЗ). Впоследствии необеспеченный рынок ГКО «рухнул», создав «черный вторник» октября 1994 г. и похоронив не только ряд банков, но и идею единого валютного пространства СНГ.

Дефицит бюджета России в 1992 г. составил по разным подсчетам или 630[109], или 623 млрд рублей[110]. Объем инвестиций в промышленность страны сократился на 44 % (особенно пострадали машиностроение и химическая индустрия)[111]. По производству национального дохода страна оказалась на уровне 1976 г., а по потреблению — на уровне 1965 г.[112]. В 1 квартале 1992 г. по сравнению с аналогичным периодом 1991 г. национальный доход сократился на 14 % (по данным фонда «Реформа» — на 29–31 %). В 1992 г. физический объем ВВП России сократился на 19 % по сравнению с 1991 г.

---

[107] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 423.

[108] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 133–134, 181, 182.

[109] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 423.

[110] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 18

[111] Там же с. 133–134, 181, 182.

[112] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 423. 508.

В 1993 — еще на 18,5 % , но уже по сравнению с 1992 г.[113]. В 1992 г. по сравнению с 1991 г. добыча угля сократилась на 5 %, нефти и газа — на 13–14 %. В 1993 г. падение продолжилось. Добыча угля сократилась еще на 11 %, а нефти — на 13 %. Производство электроэнергии в стране в 1992 г. упало на 2 %. Выплавка чугуна и стали сократилась на 18–20 %. Выпуск техники для сельского хозяйства сократился на 32–50 %. Закупка скота, птицы сократилась на 27 %, молока — на 29 %, яиц — на 18 %. Производство мяса упало на 23 %, молока — на 49 %, рыбы — на 17 %, хлеба — на 11 %. В 1992 г. отмечался рост цен в тепло-энергокомплексе (ТЭК) в 80 раз, в металлургии, химии — в 40 раз, в машиностроении — в 21 раз. 80 % предприятий перечисленных отраслей не могли получить деньги с потребителей из-за непрекращающихся «неплатежей».

Некоторый выход из кризиса наметился лишь в 1993 г. Он проявился в том, что число предприятий с глубиной падения производства 20–35 % сократилось, а по 50 % изделий наметился рост[114]. Выход из кризиса наметился вовсе не за счет «гайдаровских» реформ, а стал результатом мирового роста цен на нефть, газ и другие природные ресурсы, одним из основных экспортеров которых стала к началу 90-х наша страна. Так, например, Россия в 1988 г. производила 11 млн баррелей нефти в день. Даже не смотря на падение производства, это позволило в 90-е выйти на второе место после Саудовской Аравии по экспорту нефти (учитывая российский реэкспорт «черного золота» из Ирана, Азербайджана и Казахстана)[115].

Социально-психологические последствия реформ России в 1992–93 гг. определялись тем, что реформы привели к расслоению населения и росту общей нервозности людей. А. Барсенков пишет о резком расслоении населения[116], но цифры, приводимые академиком Г. Осиповым, говорят

---

[113] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 240.

[114] Там же, с. 241, 242.

[115] Чау Э. К. Российские трубопроводы: назад в будущее? // Pro et Contra, 2004, т. 8, № 3, с. 164–173.

[116] Барсенков А. С. Реформы М. Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991 / М., МГУ, 2001, с. 423.

о другом. Социальное расслоение в нашей стране было всегда. Оно стало заметным уже в конце 80-х, но его темпы и формы проявления к началу 90-х годов стали иными. Бедность стала унизительнее, богатство — кричащим. В 1991 г. — 25 % процентов населения жили ниже черты бедности (вообще, понятия «черта бедности», «черта физиологического выживания», «прожиточный минимум», «средняя потребительская корзина» только появились в России в начале 90-х, и методика их определения оставляла желать лучшего). В то же время 10–13 % населения можно было отнести к состоятельному классу[117]. Остальные — средние. Но к 1992 г., по мнению ряда социологов, формально уже 90 % населения имели доход ниже прожиточного минимума, а 30 млн человек оказались за чертой физиологического выживания[118]. Академик Г. Осипов считает, что с 1992 г. началась всеобщая пауперизация населения России[119]. Неудивительно, что согласно опросам общественного мнения, в ноябре 1991 г. в городе[120] страх безработицы испытывали 60 % респондентов, нервозность — 61 %, а общее угнетенное состояние было свойственно для 51 % опрошенных.

В этих условиях резко изменилась стратегия повседневного поведения россиян. Наметилась жизненная ориентация людей на стратегию выживания, которая заключалась в дезурбанизации, сокращении численности городского населения путем естественной миграции в село. В 1991 г. демографами впервые за последние 50 лет была зафиксирована миграция населения из города. Это была попытка пострадавших от реформ и дезинтеграции Союза горожан решить продовольственный кризис своими силами вне города, на даче, земельном наделе, огороде, садовом участке. Создавались запасы провизии. Наблюдался рост частной застройки. Она возросла на 0,4 млн квадратных метров. Следовательно, остро встал вопрос о купле-продаже земли. По опросам общественного мнения 50 % респондентов выступали за это[121]. Естественно,

---

[117] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 56.

[118] Там же, с. 113–114.

[119] Там же, с. 113.

[120] Там же, с. 73.

[121] Там же, с. 186.

большинство выступавших за куплю-продажу земли были горожанами. Среди тружеников села эта идея была привлекательна лишь для 30 % опрошенных.

Политически страна «замерла». Население не заметило ни расколов в «Демократической России», ни некоторый рост числа коммунистических партий, ни возникновения всевозможных мелких и средних оппозиционных группировок (Русского национального собора, Конгресса гражданских и патриотических сил, Фронта национального спасения, Гражданского союза и т. д.), ни перехода некогда популярного вице-президента России А. Руцкого в оппозицию к Б. Ельцину. Началась деполитизация населения.

70–80 % участников социологических опросов в то время не принимали участие в политической жизни. Только 1–2 % являлись членами партий[122]. Страна стала безразличной не только «к политике». Страна стала безразличной «к экономике».

Начался упадок независимой от государства экономической активности. 46 % россиян не хотели в те дни вообще основывать свое дело[123].

Некоторые попросту впали в отчаянье.

Отчаянье породило свои формы пассионарного протеста — суицид и суицидные манипуляции, то есть самосожжения и голодовки. В январе 1992 года в знак протеста против действий властей разного уровня в России было объявлено 9 голодовок. В феврале число голодовок снизилось до 3, но в марте выросло до 11. В апреле рост продолжился — 15 голодовок. В мае немного сократился до 11, в июне до 8, в июле до 2. Но в августе и в сентябре было отмечено по 5 голодовок ежемесячно. При этом с января по апрель росло число участников голодовок. Голодовки становились все более массовыми. В январе 1992 года голодало в знак протеста против действий российских властей разного уровня 2119 человек, в марте — 3933, а в апреле наблюдался «пик» голодовочной борьбы. Тогда 8769 человек объявили голодовку. Потом

---

[122] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 54.

[123] Там же, с. 72.

голодовочная борьба пошла на спад. В мае число голодавших было 8061 человек, в июне 1388, в июле 1712, в августе 305, а в сентябре всего 172 участника голодовки.

С января по март 1992 года росло количество самых страшных случаев протестного движения — самосожжений в знак протеста против действий властей. В январе было 4 самосожжения, в марте — 5. В июне этой страшной смерти себя подвергли 2 человека[124].

Но если большинство россиян «замерло» или впало в отчаянье, то меньшинство начало попросту готовиться к бунту и гражданской войне. В сентябре 1991 г. от 3 до 5 % опрошенных по разным опросам были готовы к вооруженной защите своих прав и к насильственным действиям[125]. В апреле 1992 г. число подобных респондентов выросло по разным опросам до 7–19 %[126]. Об участии в насильственных действиях заявляли 2–3 % опрошенных. Это очень много в абсолютных числах. 2 % от 107 миллионов взрослого населения России равно 2 миллиона. Даже если эта минимальная цифра преувеличена в 10 раз, то это означает, что готовы были взяться за оружие, и имели опыт насильственных действий — не менее 200 000 россиян. Такая «квазипартизанская» армия не имеет аналогов в мире.

К армии антиправительственных «квазипартизан» стоит приплюсовать бандитскую армию. В 1991 г. было зарегистрировано 3 тысячи преступных группировок, а к 1994 г. их численность возросла до 5,5 тысяч. Если в каждой организованной преступной группе было минимум три бандита, то это значит, что минимальная численность антигосударственной бандитской армии в России была не менее 16500 «штыков»[127].

Эта армия недовольных и бандитов уже начала действовать. Только врага она увидела не столько в государстве и классовых эксплуататорах, сколько в инородцах. Начались русские погромы в Чечне, столкновения на национальной

---

[124] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 164.

[125] Там же, с. 55.

[126] Там же, с. 113, 131.

[127] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 446.

почве между грузинами, осетинами и ингушами в Северной Осетии и Ингушетии.

Так социально-психологическим итогом распада СССР и развития «гайдарономики» стало то, что:

· основным чувством, которое испытал россиянин, стал страх;

· основной социальной тенденцией — дезурбанизация;

· основной формой политического поведения большинства граждан России — деполитизация;

· а меньшинства — подготовка к бунту.

Страна была на грани самой крупной в истории человечества гражданской войны, отдельные очаги которой уже вспыхнули на окраинах России. Для удержания власти и проведения дальнейших реформ в сложившихся условиях реальное политическое руководство страны вынуждено было решать следующие, в основном, социально-психологические тактические задачи:

1. вдохнуть веру в победу в своих активных экономических и политических сторонников;

2. деморализовать основных политических противников;

3. подавить любую несанкционированную государством политическую активность.

Главным шагом для решения первых двух задач стало проведение массовой приватизации. Организаторами приватизации было обещано разделить все государственное имущество между всеми россиянами.

PR данного предприятия был нацелен на убеждение широкой российской аудитории в том, что в результате приватизации страна сможет быстро выйти из кризиса, а большинство граждан смогут реализовать свое право собственника и получить достойное вознаграждение (ренту, доход по ценным бумагам и т. п.).

Однако одна из психологических бед приватизаторов состояла в том, что россияне не хотели получать это имущество. На момент начала приватизации (в мае 1991 г.) по опросам социологов, большинство россиян (36 %)[128] выступало

[128] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 72.

за коллективные формы собственности, а за частную собственность — только 23 %. Приватизация началась весной 1991 г., когда был создан Государственный комитет по управлению имуществом (Госкомимущество, ГКИ). 3 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял «Закон о приватизации». В ноябре 1991 г. ГКИ возглавил Анатолий Чубайс. Перед ним была поставлена цель разгосударствления 240 тысяч хозяйственных объектов. В декабре 1991 г. был опубликован Указ Президента России Б. Ельцина «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», а также «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 г.». Согласно этим документам, продажей государственного имущества стал заниматься Российский фонд федерального имущества (РФФИ).

14 августа 1992 г. был опубликован Указ о ваучерной приватизации. По этому документу балансовая сумма производственных фондов России делилась на количество россиян. Полученный результат (8476 рублей) стал номиналом одного приватизационного ваучера, выдаваемого россиянам на руки. Ваучер был управляемой бумагой, при помощи которой можно было влиять на ход приватизации государственных предприятий. Консолидированными ваучерами можно было «заплатить» за предприятие.

Всего жителями России было получено 146 064 ваучера. Одновременно в России было организовано 650 чековых инвестиционных фондов (ЧИФ), которые агрегировали 25 % ваучеров. Примерно 25 % ваучеров россиянами было продано, а 50 % вложено в собственные предприятия в ходе их приватизации.

Варианты приватизации предприятий были следующие:

- 1 вариант. Так называемые «не голосующие акции» предприятия, составляющие 25 % его уставного капитала, предоставлялись трудовому коллективу (ТК). 10 % акций ТК имел право выкупить по льготным ценам. 5 % акций предоставлялась администрации, а 60 % отпускалось в свободную продажу.

• 2 вариант. 51 % уставного капитала предоставлялся ТК, а 49 % уходило в свободную продажу. Льготная продажа отсутствовала. Это был основной путь приватизации.

• 3 вариант. 20 % обыкновенных акций отдавалось администрации предприятия за определенную услугу, а 20 % выкупал по льготным ценам ТК. Остальные 60 % акций поступали в продажу.

К 1994 г. внутренние акционеры составляли 60–65 % от общего числа акционеров российских предприятий. Внешние — 18–22 %. Государству осталось 17 % акций предприятий. Это была размытая структура собственности. Ни у одной группы акционеров не было преимуществ. Соответственно в самом приватизационном процессе была заложена возможность дальнейшего передела собственности, борьбы вокруг контрольных пакетов акций предприятий, борьбы за блокирующие пакеты акций и права миноритарных владельцев[129].

Для того чтобы удержать эту борьбу в рамках соблюдения хотя бы основных законов государства нужна была или сильная административная власть или продуманная система компромиссов между участниками рынка. Второе создавать было некогда. На дворе была революционная пора. Так формально приватизация была разгосударствлением, переходом в руки массовых частных владельцев основных российских предприятий. Эти владельцы, по уверениям организаторов приватизации, должны были обеспечить более эффективное, нежели государство управление данными предприятиями.

Однако на деле в ходе приватизации произошло создание системы полукриминальной экономики, «сращивание власти, администрации и бизнеса»[130]. Для политического обеспечения реформ по переходу к рыночной системе хозяйствования еще в июле 1991 г. Б. Ельциным был создан Госсовет и Администрация Президента.

Проходивший с 28 октября по 13 ноября 1991 г. V Съезд Народных Депутатов Российской Федерации принял Постановление «Об организации исполнительной власти в период

---

[129] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 440.

[130] Там же, с. 422.

радикальных экономических реформ», согласно которому были реорганизованы российские СМИ и сокращено количество министерств. Постановлением съезда «О правовом обеспечении экономической реформы» Б. Ельцину давались чрезвычайные полномочия. Он получал право на издание экономических указов, противоречащих действующему законодательству, и право приостанавливать акты глав исполнительной власти. Этим инструментом Президент России в полной мере воспользовался, особенно после весны 1992 г., когда наметились первые негативные итоги «гайдарономики» и обострилась борьба за власть.

VI Съезд Народных Депутатов России, проходивший в марте — апреле 1992 г. потребовал изменения правительства. В ответ произошла демонстративная отставка «гайдаровцев». Однако Б. Ельцин уговорил Съезд дать им время до декабря 1992 г. Цена «сохранения» реформаторов — уступки старой номенклатуре в сфере экономики.

Так состоялся компромисс со старой хозяйственной элитой. Это был второй (после приватизации) шаг по предотвращению хаоса в нашей стране. В основе компромисса лежали следующие меры:

· льготное кредитование ряда предприятий;
· смягчение денежно-кредитной системы;
· выделение государственных средств ряду предприятий;
· предоставление преимуществ трудовым коллективам по приватизации предприятий. (Реально — создание преимуществ для администрации).

70 % предприятий приватизировано по этой схеме; проведение взаимозачета долговых обязательств предприятий. В правительство были введены известные лоббисты ТЭКа и «оборонки»: В. Черномырдин, В. Шумейко, Г. Хижа, которые стали вице премьерами. Как противовес им был оставлен «твердый гайдаровец» — вице-премьер А. Чубайс.

В ноябре 1992 г. под влиянием возникшего в июне политического объединения «Гражданский Союз» и промышленного лобби из правительства убрали идеологов реформ (М. Полторанина — из Минпечати, Е. Яковлева — из ТРК «Останкино», а для того, чтобы убрать Г. Бурбулиса даже ликвидировали пост госсекретаря).

Реорганизация правительства продолжилась в конце 1992 г. VII съезд Народных Депутатов Российской Федерации, проходивший с 1 по 14 декабря, утвердил в качестве нового премьер-министра В. С. Черномырдина. Был почти полностью обновлен состав правительства, в котором осталось только трое «гайдаровцев».

Б. Ельцин остался недоволен результатами съезда. Он счел, что съезд начал слишком активно влиять на систему исполнительной власти. 10 декабря прозвучало телеобращение Президента к россиянам, в котором съезд был назван консервативным и впервые поставлен вопрос о референдуме о доверии Президенту и парламенту. Это было начало противостояния Б. Ельцина и съезда Народных Депутатов.

В парламенте к моменту начала противостояния с Ельциным сложилось следующее распределение голосов: 250–300 депутатов составляли проправительственную фракцию «Коалиция в поддержку реформ», 164–300 парламентариев представляли политический центр, а 310–350 депутатов — оппозиционное «Российское единство»[131]. Проходивший 10 марта 1993 г. VIII Съезд Народных Депутатов России отказался от компромисса с Б. Ельциным. Это вынудило последнего уже 20 марта выступить с «Обращением к гражданам России», в котором было сказано о введении особого положения управления страной (ОПУС) и о проведении 25 апреля референдума о доверии Президенту, вице-президенту, Конституции и «Закону о выборах Народных Депутатов». Но 22 марта 1993 г. Конституционный Суд признал ОПУС незаконным.

26 марта 1993 г. состоялся IX внеочередной съезд Народных Депутатов РФ. На нем была сделана попытка объявить импичмент Президенту России Б. Ельцину. Однако импичмент не состоялся. Оппозиционерам удалось набрать вместо 689 голосов всего — 617. В поддержку же Б. Ельцина выступило 268 депутатов. Вынужденный компромисс Президента и парламента продолжился.

---

[131] Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002 / М., Аспект Пресс, 2003, с. 430–431, Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 118.

В этих условиях обе конфликтующие стороны начали апеллировать к народу. Произошло очередное укрепление плебисцитарной демократии. Это был третий шаг по пути решения социально-психологических проблем реформаторов, по вселению уверенности в победе сторонников Б. Ельцина. 25 апреля 1993 г. прошел референдум о доверии Президенту, парламенту и правительству.

Вопросы референдума были сформулированы так:

1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

В референдуме участвовали 69 миллионов избирателей из 107. 36 миллионов абсентеистов проигнорировали референдум. Результаты таковы: «Да» на первый вопрос ответило 40 миллионов человек, «нет» — 27 миллионов; «Да» на второй вопрос — 36 миллионов, «нет» — 31 миллионов; «Да» на третий вопрос — 34 миллиона, «нет» — 32 миллиона; «Да» на четвертый вопрос — 47 миллионов, «нет» — 21 миллион[132].

Следовательно, у Б. Ельцина в апреле 1993 г. было как минимум 32 миллиона активных сторонников, голосовавших на референдуме по формуле (да-да-нет-да), у оппонентов Президента — 21 миллион сторонников.

«Болото», от которого и зависела судьба демократических перемен в стране, составило — 16 миллионов голосов. Впоследствии, в декабре 1993 г. этот электорат проголосовал за ЛДПР и В. Жириновского. Однако референдум ясно показал, и то, что соотношение политических сил в стране не соответствует соотношению сил в парламенте.

---

[132] Материалы Верховного Совета РФ о результатах голосования на референдуме / Архив автора.

Повторим — социально-психологическим итогом распада СССР и развития «гайдарономики» стало то, что:

· основным чувством, которое испытал россиянин стал страх;

· основной социальной тенденцией — деурбанизация;

· основной формой политического поведения большинства граждан России — деполитизация, а меньшинства — подготовка к бунту.

Для предотвращения широкомасштабного бунта реальное политическое руководство страны было вынуждено:

1. Провести широко разрекламированную массовую приватизацию;
2. Заключить компромисс со старой хозяйственной элитой;
3. Расширить и укрепить плебисцитарную демократию.

Этими мерами окружение Б. Ельцина пыталось деморализовать оппозицию и вселить уверенность в своих политических и экономических сторонников, убедить их в скорой победе и над политической оппозицией, и над экономическим кризисом. Но главная социально-психологическая тактическая задача руководства страны — задача по подавлению любой неноменклатурной, любой не связанной с государством активности решалась с трудом. Для этого нужно было в первую очередь ликвидировать любые структуры реального общественного самоуправления. Сначала — на производстве (забасткомы, как показал опыт «борьбы с ГКЧП», опасны для правящей группировки), а затем — в городских микрорайонах.

Прямые репрессивные меры и силовые структуры для решения этой задачи не годились. ФСБ находилась в стадии своего становления, а армия после ликвидации в мае 1992 г. ОВС СНГ находилась на стадии очередной реорганизации. Нужны были другие методы. Какие?

Для того чтобы ответить на вопрос о методах борьбы трансформирующейся номенклатуры с «низовым» забастовочным движением после событий ГКЧП, надо сначала определить общую динамику забастовочного движения начала 90-х.

О готовности к участию в забастовках в апреле 1992 г. говорили от 15 % до 54 % участников различных опросов[133], но участвовали в забастовках всего 4–8 %[134]. В 1 квартале 1992 г. забастовки прошли всего в 35 регионах страны, то есть 53 региона России не бастовали. Угрозы масштабной забастовочной борьбы на большей части России не было[135].

Летом 1992 г., например, в июле, «средний» митинг собирал всего 480 участников, а в августе в «средней» забастовке участвовало всего 110 человек. В масштабах России это — ничтожное число участников протестного движения.

При этом в первом полугодии 1992 г. забастовки состоялись в 60 регионах России. Практически все они были в отраслях непроизводственной сферы. Из-за забастовок не выходили на свои места 286 тысяч работников здравоохранения и народного образования (особенно весной 1992 г., когда проводились всероссийские забастовки медиков и учителей), 35 тысяч работников промышленности, 9 тысяч работников транспорта и 3 тысячи строительных рабочих. Отмечался и общий, и относительный рост забастовочного движения. Так в первом полугодии 1991 г. бастовало 642 предприятия, а в первом 1992 г. — 5670. Рост почти в 10 раз!

Количество бастующих в 1992 году увеличилось в 3 раза, и если в первой половине 1991 года бастовало 163 тысячи человек, то в первой половине 1992 г. — 334 тысячи. Эпицентры забастовок находились в Кемеровской области, Республике Коми, Красноярском крае, Сахалинской и Камчатской областях[136].

Но в 1993 ситуация изменилась. По сравнению с 1992 г. количество бастующих в 1993 г. предприятий сократилось на 96 %, а число участников забастовок на 60 %. Итак, был «всплеск», а затем спад забастовочного движения.

---

[133] Осипов Г. В., Иванов В. Н., Левашов В. К., Локосов В. В., Хлопьев А. Т. Реформирование России: мифы и реальность / М., Academia, 1994, с. 113.

[134] Там же, с. 131.

[135] Там же, с. 164.

[136] Братеево, 1992, № 3; Пресс — выпуск Госкомстата № 136-ВС, 27.07.92; Забастовка. Зарубежный и отечественный опыт, с. 56–57.; Федина Г. А. Профсоюзное движение сегодня / М., УИЦ МФП,1993, с. 1–2.

В чем причины «всплеска» забастовок в 1992 и резкого спада в 1993 гг.?

Для ответа на этот вопрос проанализируем нашу источниковую базу. В ней есть подробные данные о 15 забастовках того времени, 11 из которых изучены нами методом включенного наблюдения (то есть я в них участвовал в качестве консультанта). Кратко опишу эти забастовки:

• в ноябре 1991 г в Москве, в Братеево краткосрочную забастовку объявили швеи ателье по инициативе директора ателье, конфликтовавшего с ТДГ из-за помещения. Забастовка окончилась победой бастующих.

• 9 апреля 1992 года в Москве по призыву ФНПР бастовали медики. Забастовка окончилась победой бастующих.

• 27 апреля 1992 года в Москве в Братеево бастовали медики поликлиники № 127 по призыву ФНПР. Они одержали частичную победу.

• Тогда же, в апреле 1992 года в Москве по призыву ФНПР забастовали учителя. Бастующие одержали частичную победу.

• 22 апреля 1992 года в Москве учителей призвал к забастовке т. н. «параллельный стачком», в который входили, в основном, представители учителей некоторых школ Красногвардейского района. Забастовка окончилась поражением.

• 29 апреля 1992 года в Туле бастовали водители городского транспорта. У меня нет данных об организаторах забастовки. Окончилась она поражением бастующих.

• 15 апреля 1992 года в Москве забастовал 15-й автопарк. Забастовка была организована независимым стачкомом. Бастующие потерпели поражение.

• 8 июня 1992 года в Перми прошла забастовка таксистов, организованная независимым профсоюзом таксистов. Бастующие одержали частичную победу.

• 15 августа 1992 года состоялась общероссийская забастовка авиадиспетчеров, организованная независимым профсоюзом авиадиспетчеров (ФПАД). Забастовка окончилась поражением бастующих.

• 9 октября 1992 года в городе Жуковский, Московской области забастовали авиадиспетчеры ФПАД. Забастовка окончилась поражением бастующих.

• 9 августа 1993 года в Ростовской области забастовали шахтеры профсоюза ПРУП, входящего в ФНПР. Забастовка окончилась победой бастующих.

• 10 августа 1993 года в Приморье забастовали шахтеры ПРУП. Забастовка окончилась победой бастующих.

• 1 марта 1993 года общероссийскую забастовку провели шахтеры профсоюза НПГР. Забастовка окончилась частичной победой.

• 6 июня 1993 года прошла общероссийская забастовка шахтеров ПРУП. Забастовка окончилась победой бастующих. 1 декабря 1993 прошла общероссийская забастовка шахтеров НПГР. Бастующие одержали частичную победу.

Большинство из изучаемых забастовок были организованы не стачкомами, а профсоюзами.

Во введении я указывал, что в профсоюзном движении России в начале 90-х действовали псевдопрофсоюзы (ФНПР), протопрофсоюзы (альтернативные ФНПР, партимер, НПГР или ФПАД) и имитативные профсоюзы (например, МАККИП или «Россиянка»). Настоящих профсоюзов не было. Отсутствие настоящих профсоюзов означало также и отсутствие сильных профсоюзов.

Как же смогли слабые профсоюзы организовать «всплеск» забастовочной активности в 1992 г.?

Обратим внимание и на то, что практически все забастовки, организованные самым слабым «профцентром» ФНПР оканчивались победой. Как это происходило? Как организовывались забастовки подобного рода?

Ответ на этот вопрос можно дать, проанализировав весенние забастовки медиков и учителей в 1992 г., которые были инициированы «профсоюзами» системы ФНПР. Например, в Москве, по инициативе «сверху», из центральных органов Московской федерации профсоюзов (МФП, составной части ФНПР) 9 апреля 1992 г. был создан стачком медиков. ФНПРовский профсоюз медиков требовал повышения зарплаты и улучшения снабжения и финансирования поликлиник[137]. Далее во всех медицинских учреждениях по инициативе профкомов и дирекции были проведены собрания трудовых

[137] Солидарность, 1992, № 17.

коллективов, на которые выносился вопрос о забастовке. В большинстве случаев принималось решение о поддержке требований «профсоюзов», но решение о забастовке принималось нечасто. В случае его принятия выбирался стачком как представительский орган. Для нашего исследования важно, что такой забастком, как правило, делегировал свои полномочия по ведению переговорного процесса руководству ФНПР. А все управленческие функции такой стачком оставлял дирекции. То есть терялся весь смысл создания забасткома как органа самоуправления на уровне предприятия. Такой орган ничем не управлял и никого не представлял. Далее по согласованию с дирекцией, а фактически — по инициативе последней, организовывалась однодневная забастовка, в ходе которой врачи не вели прием и не выходили на вызовы. При этом больничные листы и медицинские справки выдавались, оформление в детские учреждения проводилось, санаторно-курортные карты выдавались, велась диспансеризация, профилактический прием и осуществлялась экстренная помощь.

Правда, в ходе забастовки, «снизу» рядовыми врачами все же выдвигались эгалитаристские и этатистские требования:

1. Придать гласности вопрос о реорганизации элитного 4 управления Минздрава в АО «Мединкор» и о приватизации лечебниц Управления делами ЦК КПСС. Медики требовали сделать эти учреждения доступными для всех;

2. Определить четче государственные гарантии при введении страховой медицины.

Но, естественно, требования «снизу» руководством «профсоюза» не учитывались.

Забастовки ФНПР окончились победой.

На наш взгляд, одерживать победы ФНПР помогла трансформирующаяся номенклатура. Напомню, что перед ней стояла задача подменить забасткомы иными структурами, такими, которые были не способны «уложить» рабочих в забастовку не так, как того хотят «верхи», и не могли бы создать на основе органов общественного производственного самоуправления новые органы власти.

Вторая задача, стоящая перед трансформирующейся номенклатурой, была получение переменного капитала. Дело в том, что в начале 90-х, в условиях массовой приватизации,

то есть российской формы первоначального накопления капитала, трансформирующаяся номенклатура испытала огромный дефицит — нехватку переменного капитала, наличных денег. Этот дефицит она попыталась компенсировать изменением расчетных систем, бартером, приданием функций ценных бумаг управляемым бумагам (ваучерам), введением денежных суррогатов (например, такими суррогатами фактически стали векселя), потребительским псевдокредитом в форме неплатежей, а главное — инфляционным «допингом» для экономики и экспроприацией единственного постоянного источника наличных денег — фонда зарплаты.

ФНПР идеально способствовала решению обеих задач трансформирующейся номенклатуры. Именно ее номенклатура использовала в качестве своего «ударного отряда». По мнению ряда исследователей, ФНПР «во имя интересов трудящихся» объявляла в подведомственных бюджетных структурах забастовку под лозунгами «погашения задержки зарплаты»[138]. Затем получала из бюджета деньги и «прокручивала» их в подконтрольных российской номенклатуре банковских структурах, помогая банковскому капиталу получать дополнительные барыши. Именно поэтому забастовки, организованные ФНПР почти всегда оканчивались формальными победами. Задержанные деньги «уходили» с правительственных счетов. Но до рабочих деньги или не доходили, или доходили не полностью. Трогательное единство бастующих, «профсоюзников» и банкиров доходило до абсурда и цинизма, когда некоторые лидеры ФНПР (а по совместительству — члены руководства Профбанка) начинали свою речь словами: «Мы — люди труда...». Кроме того, при помощи своих псевдозабастовок ФНПР «выпускала пар» из трудящихся.

Мы показали выше, что в ходе забастовок, организованных ФНПР, забастком на предприятии становился фикцией. Но это был не предел манипуляционных возможностей ассоциации заместителей директоров по кадрам и быту.

С 1992 года ФНПР начала практиковать т. н. дни единства действий профсоюзов, широкомасштабную PR-овскую акцию,

---

[138] Миловидов Ю. Н. Профсоюзная собственность должна служить всем членам профсоюзов / М., 2001.

имитирующую забастовочную активность. «Пилотный проект» этой акции прошел еще 24 апреля 1991 г., когда лидеры ФНПР провели одновременно на 500 бюджетных предприятиях в 52 городах профсобрания и митинги.

Следующая акция подобного рода состоялась 24 октября 1992 г. в 208 городах России с участием 1 млн человек. В результате этой «акции протеста» ни один работодатель не пострадал экономически, ни один руководитель предприятия не был привлечен к суду за нарушение трудовых соглашений с рабочими. Задержки зарплаты как накапливались, так и продолжали накапливаться, индексация зарплаты по-прежнему не компенсировала инфляционные потери трудящихся. Но «трескотни» в СМИ было много[139]. То, что «дни единых действий» находились «за пределами добра и зла», хорошо иллюстрирует цитата из доклада А. Бреусова, одного из лидеров ФНПР, на селекторном совещании ФНПР 10 сентября 1993 г. Говоря об «акции» 26 августа 1993 г. он сказал: «Урал продемонстрировал единство кто как мог: *гудками* (выделено мной — *Д. Л.*), собраниями, выходом на площадь».

Комментарии излишни! Рабочих грабили, а ФНПР «гудела»!

Но в глазах части трудящихся ФНПР оправдала свое существование (как же — «борцы за народ»). При этом авторитет реальных профсоюзных действий (в том числе забастовок) в глазах рабочих был очень серьезно подорван.

Но не всегда же забастовки организовывались ФНПР! Были и реальные не номенклатурные забастовки. Вот они-то и оканчивались неудачей. Они обычно и «давились» трансформирующейся номенклатурой. Рассмотрим, как это делалось. Разберем три примера.

Первый — из истории забастовочного движения учителей, второй — из истории забастовок на автотранспорте, третий — из истории забастовочного движения на воздушном транспорте.

Итак, во время ФНПРовской забастовки учителей Москвы, в апреле 1992 г., когда созданный «сверху» городской стач-

---

[139] Коммерсант, 12.09.94; Сегодня. 6, 12, 15, 20. окт. 1994; Независимая газета 20.10.94.

ком учителей ограничился митингом протеста против экономической политики правительства 22 апреля 1992 г., представители 50 школ столицы недовольные позицией своего «профцентра», создали «параллельный» стачком и попытались организовать «настоящую» забастовку в мае 1992 г. Но это им не удалось. Независимый от ФНПР забастком запугали угрозами увольнений и судебных исков. Инициативу по организации забастовки подавили.

Второй пример. 27 марта 1992 в 15 автобусном парке Москвы состоялось собрание водителей, на котором были выдвинуты требования по ликвидации задолженности по зарплате и улучшения условий труда водителей. Требования не были выполнены администрацией автопарка. Тогда 9 апреля 1992 прошло собрание представителей 15-го и 16-го автобусных парков и 2-ой автоколонны, объявившие с 10 апреля 1992 г. предзабастовочное состояние. Администрация безмолвствовала. И 15 апреля 1992 г. 15-й автобусный парк провел предупредительную забастовку. При этом водители 15 парка блокировали 12 и 6 автобусные парки, которые пошли на вынужденную забастовку. 16 апреля прокуратура начала преследования руководителей забастовки, выдвинув против них обвинения в нанесении огромного ущерба трем предприятиям. Испугавшись преследований, пятеро из семи членов забасткома вышли из его состава. Был выбран новый забастком, который назначил на 28 апреля 1992 начало бессрочной забастовки, но, опасаясь преследований, 27 апреля не объявил о ее начале. 12 апреля 1992 состоялся суд, признавший действия забасткома 15 автобусного парка незаконными и определивший водителям возместить ущерб, нанесенный забастовкой. Возмущенные члены забасткома объявили было о начале новой забастовки 25 апреля 1992, но 24 апреля отменили ее. Это было полное поражение[140].

Третий пример. При содействии Федерации профсоюзов авиадиспетчеров (ФПАД) России, учрежденной еще в 1989 г. и объединяющей 7 тыс. человек (85 % авиадиспетчеров) 27 февраля 1992 г. был подписан Указ Президента России

[140] Рабочая демократия, 1992, № 6–8.

№ 200, а в рамках его выполнения — Постановление Правительства РФ № 271 от 24 апреля 1992. Эти документы предписывали ликвидировать Управление гражданской авиации и Департамент воздушного транспорта в Министерстве транспорта, а на их месте создать Росаэронавигацию — комитет по управлению воздушным пространством и воздушным движением. А 15 мая 1992 было подписано тарифное соглашение ФПАД с Правительством. Реально эти документы означали начало перераспределения между ведомствами доходов от платы за пользование воздушным пространством России с участием ФПАД. Но к началу лета 1992 г. правительственные ведомства решили исключить ФПАД из «пула» по дележке денег: прекратить выполнение тарифного соглашения и затормозить реорганизацию министерства. В ответ авиадиспетчеры начали подготовку забастовки. Сначала это не испугало правительственных бюрократов, так как ранее ассоциация четырежды объявляла предзабастовочную готовность и позже отменяла ее. Но в этот раз диспетчеры были настроены решительно. 6 июня 1992 г. местный профсоюз авиадиспетчеров Екатеринбурга объявил предзабастовочное состояние. Его примеру последовали авиадиспетчеры еще 13 авиапредприятий[141]. 4 июля 1992 г.

Исполком ФПАД объявил предзабастовочную готовность, выдвинув требования:

1. Немедленного создания Росаэронавигации;
2. Выполнения тарифного соглашения, повышения зарплаты.

В случае невыполнения требований, ФПАД грозил начать 13 августа 1992 г. забастовку. Позже срок начала забастовки сместили на 15 августа. В ответ на решения исполкома ФПАД, министр по делам транспорта России В. Ефимов потребовал до 30 июля 1992 г. провести собрания трудовых коллективов аэропортов и осудить диспетчеров. Но эта мера не дала никакого эффекта. 15 августа 1992 авиадиспетчеры 60 авиапредприятий забастовали. Администрациям аэропортов пришлось частично заменить бастующих менее квалифицированными

[141] Вечерний Челябинск 03.08.92. 120.

военными авиадиспетчерами. Начались преследования ФПАД, «курировавшиеся» в то время в том числе Вице-президентом России А. Руцким.

За участие в августовской забастовке были возбуждены уголовные дела против Президента и Вице-президента ФПАД. В Ульяновске были возбуждены уголовные дела против 30 руководителей местного отделения профсоюза. В Вологде — против 19. То же произошло в Сургуте, Нижневартовске, Тюмени, Сыктывкаре, Санкт-Петербурге, Ростове, Волгограде, Москве, Новосибирске, Челябинске, Екатеринбурге, Магнитогорске. В Новосибирске были уволены 2 руководителя местного профсоюза ФПАД. В Элисте 3 активиста понижены в должности. В Быково (Московская область) — один из активных членов профсоюза снят с очереди на жилье. Массовыми явлениями были выговоры и удержания из зарплаты.

В конце 1992 г. авиадиспетчеры начали новый виток забастовочной борьбы. 9 октября 1992 г. объявили забастовку авиадиспетчеры летно-исследовательского института им. Громова (г. Жуковский, Московской области). Ответом администрации был локаут, увольнение 69 человек. 27 октября Пленум центрального совета (ЦС) ФПАД объявил новое предзабастовочное состояние и заявил о начале забастовки с 30 ноября 1992 г.

28–29 октября 1992 прошел II съезд ФПАД, подтвердивший решение ЦС. В ответ Генеральная прокуратура России внесла представление о роспуске профцентра. Забастовка ФПАД не состоялась. Тогда Верховный суд РФ отменил представление о роспуске ФПАД.

Мы видим, что не номенклатурных бастующих запугивали. Основой системы устрашения стали судебно-прокурорские инстанции. Позже, в 1993 г. эту систему укрепил Конституционный суд РФ, который, рассмотрев 23 апреля 1993 г. ходатайство четырех альтернативных профсоюзов (РКСП, РПЛБЖ, ФПАД, «Справедливость») об антиконституционности Закона о коллективных трудовых спорах, противоречащего международным соглашениям с участием России и многим статьям Конституции, отказал в рассмотрении ходатайства.

Однако неудачами оканчивались не только «подавленные» забастовки. Иногда они захлебывались едва начавшись.

В первую очередь это относится к попыткам организовать политические забастовки под коммунистическими лозунгами, к которым прибегало движение «Трудовая Россия».

В отличие от ФНПР, всячески подчеркивавшей свою «конструктивную оппозицию правительству», созданное в 1991 году движение «Трудовая Россия» (лидер В. Ампилов) стремилось подчеркнуть свою «непримиримую оппозиционность». Проправительственные и демократические СМИ с удовольствием делали на своих страницах из этого движения «сталинистское пугало», «реваншистов», «готовых уничтожить демократов», тем самым запугивая обывателей и вынуждая их голосовать за проправительственные партии и блоки. При этом «ампиловцы» сами создавали информационные поводы для подобного PR, что говорит или о глупости, или об ангажированности лидеров Трудороссов.

Начиная с 1992 г., лидеры «Трудовой России» начали твердить о «готовности народа свергнуть ненавистный режим» и о «всероссийской политической стачке», к которой, естественно, большинство рабочих в то время относились отрицательно. Но это не останавливало «ампиловцев».

2 января 1993 г. «Трудовая Россия» объявила о подготовке политической стачки. Весной 1993 г. был создан оргкомитет стачки. В результате — пшик. Стачка, конечно, не состоялась.

Однако СМИ, используя информацию о грядущей «стачке» в преддверии апрельского (1993 г.) референдума о доверии Б. Ельцину, вдоволь накричались о «наступлении сталинизма».

Попытки организовать в начале 90-х прокоммунистические общенациональные политические забастовки были более чем авантюризмом. Это были откровенные профанации политических забастовок, деморализующие трудящихся не меньше, чем ФНПРовские «дни действий».

Наконец, открытый отказ от забастовки как метода борьбы провозгласил в 1992 г. самый крупный проправительственный профсоюз «Соцпроф». «Соцпроф» СССР был создан в июне 1990 г., а на II съезде этого объединения, 12 февраля 1991 г. было заявлено о создании «Соцпроф» РСФСР. Лидером новой организации был объявлен С. Храмов.

Практически одновременно с «Соцпроф» России, 9 февраля 1991 г. была учреждена Российская конфедерация

профсоюзов «Соцпроф» во главе с Н. Соловьевым. Лидеры «Соцпрофов» долго спорили друг с другом о том, кто возглавляет «настоящий» «Соцпроф». Спор решился к 1992 г. в пользу С. Храмова, а Н. Соловьев возглавил Российскую конфедерацию свободных профсоюзов (РКСП).

К 1992 г. «Соцпроф» объединял отраслевые профсоюзы журналистов, работников сферы обслуживания, транспорта, ряда других отраслей. Наиболее сильны его позиции были в Нижнем Новгороде, Новосибирске, Оренбурге, Владивостоке, Екатеринбурге, Челябинске, Тамбове и Москве.

В столице организация «Соцпроф» была создана еще в 1989 г. Так вот этот профцентр в начале 90-х резко отрицательно оценил перспективы забастовочной борьбы.

На своем II съезде 23–26 февраля 1992 г. лидерами российского «Соцпрофа» было объявлено о введении моратория на забастовки на период реформ[142].

Самым активным профсоюзом в начале 90-х оставался НПГ. Мог ли он стать «флагманом» рабочего забастовочного движения в те годы? В 1992 году нам довелось оценить электоральные возможности НПГ России.

Нами было установлено, что примерно треть членов Совета представителей НПГ России никогда не участвовала в выборах. У всех членов Совета отсутствовал опыт руководства крупными избирательными кампаниями, опыт организации избирательных фондов и штаб-квартир кандидатов в депутаты. Члены Совета имели весьма незначительный опыт в области предвыборной агитации и наблюдения за ходом выборов. Опыт работы доверенными лицами кандидатов в депутаты имели девять членов Совета, членами избирательных комиссий работали всего 4 члена Совета. Баллотировались в народные депутаты разного уровня восемь членов Совета, трое — неудачно. В 1992 г. значительная часть местных организаций НПГР к выборам даже не готовилась, кроме НПГР г. Шахты Ростовской области, где в конце 1992 г. намечались довыборы в народные депутаты России и НПГР г. Североуральска, который готовился к участию в выборах мэра города в сентябре

---

[142] Солидарность, 1992, № 9–10; Федина Г. А. Профсоюзное движение сегодня. М., УИЦ МФП, 1993.

1992 г., однако испытал при этом острый недостаток финансовых средств. Самая большая местная организация НПГР (г. Воркута) в это же время вела подготовку к выборам Воркутинского рабочего комитета и довыборам городского совета. Пожалуй, это была в то время единственная организация НПГР, не испытавшая серьезных финансовых трудностей. К сожалению, автор не располагает информацией о финансовом положении в местных организациях НПГР городов Кузбасса: Кемерово, Белово, Прокопьевска и Новокузнецка.

Нами также были опрошены члены Совета представителей НПГР из городов Воркута, Тула, Ленинск-Кузнецкий, Североуральск и Ростов-на-Дону о блоковой тактике местных организаций НПГР на выборах. Никто из них не смог конкретно указать политическую партию или движение — союзника НПГР, все ответы сводились в основном к формуле: «Будем блокироваться со свободными профсоюзами, рабочими комитетами, демократическими организациями». В качестве основных оппонентов НПГР на предстоящих выборах респонденты выделяли коммунистические партии, социалистов и Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР).

Организационная неготовность профсоюза горняков к выборам, отсутствие разработанной тактики дополнялись небрежным отношением руководства НПГР к шахтерским газетам. Существовало мнение о том, что центральные средства массовой информации будут постоянно освещать деятельность профсоюза горняков, поэтому отпадает надобность в формировании собственной сети информационных органов. Реально под влиянием НПГР находилась только одна газета — «Воркута: час пик». При этом желание сотрудничать с НПГР и публиковать его материалы высказывали редакторы и ведущие корреспонденты еще семи шахтерских и профсоюзных газет. Однако работа с редакциями этих изданий со стороны руководства НПГР не проводилась.

В ходе исследования нами также был выявлен примерный масштаб непосредственного влияния профсоюза на депутатский корпус (кроме Кемерово).

В Воркуте в депутатском корпусе районного уровня было четыре депутата-члена профсоюза горняков, в городском — двадцать, в республиканском (республика Коми) — два, и два

члена профсоюза горняков из Воркуты были народными депутатами России. В Веневе (Тульская область) четыре члена профсоюза горняков были депутатами райсоветов и два горсовета. В Ленинск-Кузнецком — двенадцать горняков представляли профсоюз в горсовете. В Северо-Уральске четыре горняка были депутатами районного уровня, два — городского и один — областного. В Шахтах (Ростовская область) было три депутата горсовета, члена НПГ. Итого в составе НПГР было пятьдесят шесть депутатов разного уровня.

Незначительное влияние НПГР на депутатский корпус в 1992 г. дополнялось своеобразным отношением местных организаций профсоюза к структурам исполнительной власти.

В целом НПГР одобрительно относился к деятельности М. Кислюка (глава администрации Кемеровской области), А. Сегаля (глава администрации г. Воркуты) и В. Ротина (глава администрации Веневского района Тульской области) — одного из немногих администраторов, членов НПГР. При этом В. Ротин и М. Кислюк были рекомендованы для работы в указанных должностях НПГР.

В то же время местные организации НПГР находились в оппозиции главам администраций: Тульской области (Н. Севрюгин), Свердловской области (Э. Россель), Ростовской области (В. Чуб), Приморского края (Н. Федоров); городов — Инты (А. Попов), Щекино (А. Кудинов), Ленинск-Кузнецкого (Л. Астафьев), Североуральска (С. Бирюков), Шахты (В. Демидов), Белой Калитвы (В. Щербина), Александровск-Сахалинского (Н. Никитин), а также поселка Майский (В. Романов).

В Тульской области, городах Ленинск-Кузнецке, Североуральске и Шахтах НПГР предложил кандидатуры на должности глав администраций. Однако рекомендации учтены не были.

Таким образом, сложившуюся ситуацию в сфере отношений между местными организациями НПГР и структурами исполнительной власти можно охарактеризовать как «полуоппозиционную». Согласно нашему исследованию, руководящая элита НПГР имела слабый опыт руководства крупными электоральными кампаниями, фондрайзинга, а также участия в масштабных агитационно-пропагандистских кампаниях. Большинство крупных местных организаций профсоюза

к выборам не готовилось, блоковую тактику и стратегию не разрабатывало. Сеть профсоюзных СМИ не формировалась.

Незначительное влияние НПГР на депутатский корпус и «полуоппозиционная» позиция профсоюза по отношению к административной власти вынуждали его лидеров искать прямые контакты с высшими руководителями страны и не надеяться на рост своего влияния в результате избирательных кампаний.

Но внутри высшего руководства страны с конца 1992 года назрел конфликт. Это был конфликт между Президентом России Б. Н. Ельциным и Верховным Советом РСФСР. Начиная с VII Съезда народных депутатов России, конфликт стал принимать форму острого и затяжного политического кризиса. В ходе этого конфликта шахтерские лидеры вынуждены были выбирать — с кем они. Ими была «сделана ставка» на сторонников Президента. Находившийся под влиянием МНПГ шахтерский фонд социальных гарантий начал с 1 декабря 1992 акцию «Шахтеры за реформы» — организовал приезд в Москву к «Белому дому» России 2000 шахтеров Кузбасса под лозунгами поддержки Б. Ельцина. Чуть раньше, 27 февраля 1992 Совет рабочих комитетов Кузбасса выступил с заявлением о поддержке правительства. Естественно, это были только PR-овские акции. Большинство населения в шахтерских регионах к тому времени разочаровалось в радикальных рыночных реформах. Это противоречие немедленно сказалось на авторитете НПГР и его мобилизационных возможностях. 1 марта 1993 г., когда НПГР был вынужден объявить суточную забастовку протеста против невыполнения Правительством соглашений с горняками, его поддержали всего 16 шахт и один угольный разрез. Руководство НПГР сочло это случайностью и продолжило следование политике рыночных радикалов.

Накануне апрельского (1993 г.) всероссийского референдума о доверии Президенту, курсе правительственных реформ, а также досрочных перевыборах Съезда народных депутатов России и Президента, союзники «сверху» рекомендовали НПГР присоединиться к так называемой Всероссийской ассоциации избирателей, основную роль в которой играли Партия экономической свободы (ПЭС; лидер — К. Боровой), предпринимательский профсоюз МАККИП и Ассоциация летного состава (АЛС). Союз с одиозными фигурами (типа К. Борового)

и предпринимателями НПГР до добра не довел. По результатам голосования на референдуме стало ясно, что в угольных регионах большинство шахтеров не поддерживают призывы НПГР.

В шахтерских регионах (Кемеровской и Ростовских областях) по формуле: «да-да-нет-да» (по призыву демократов) проголосовало от 550 тысяч до 950 тысяч избирателей. По формуле: «нет-нет-да-нет» (по призыву коммунистов) от 390 тысяч до 650 тысяч избирателей. Число тех избирателей, кто не голосовал ни за «демократов», ни за «коммунистов» в этих областях составило примерно 400 тысяч человек[143].

В угольных регионах шел сильный, но незаметный для московской политической элиты рост числа тех, кто одновременно ненавидел и «коммунистов», и «демократов». Латентно формировался электорат сторонников явного противника Б. Ельцина, А. Тулеева в Кемеровской области, определивший голосование в Кузбассе против политики правительства и за досрочные перевыборы Президента. В Ростовской области скрытно нарастала волна национализма, уже в 1993 году принявшая форму поддержки ЛДПР. В апреле 1993 г. именно будущие жириновцы российского Донбасса внесли самый большой вклад в голосование этой области за досрочные перевыборы Президента.

Действия НПГР, направленные против воли большинства жителей шахтерских регионов, привели к тому, что уже в августе-сентябре 1993 г. профсоюз упустил забастовочную инициативу. Ее перехватил оппонент — ПРУП, входивший в ФНПР.

9 августа 1993 г. по призыву ПРУП сутки бастовал Ростовуголь. 10 августа шахтеры ПРУП активно участвовали в краевой забастовке в Приморье (бастовало 600 тыс. человек на 380 предприятиях). А 6 сентября 1993 г. ПРУП провел общероссийскую забастовку шахтеров с требованиями улучшения условий труда и прекращения задержек по выплате зарплаты.

В тот день остановились 133 шахты и 39 угольных разрезов, что составляло 67 % шахт страны[144]. НПГР выступил против забастовки, но шахтеры его не услышали. Это было провалом НПГР. И в конце 1993 г. он вынужден был отчасти

---

[143] Источник: Материалы Верховного Совета РФ о результатах голосования на референдуме. Архив автора.

[144] Солидарность, 1993, № 18(67), Вестник ФНПР, сентябрь 1993 г., с. 11.

«пойти за массами», выразить недовольство политикой правительства В. Черномырдина. К этому профсоюз вынуждали и политические союзники — блоки «Выбор России» и Российское движение демократических реформ (РДДР), желавшие нанести удар по главе правительства. Но большинство шахтеров уже участвовало в сентябрьской стачке ПРУП и либо получили от нее отдачу, либо ожидали ее. Кроме того, октябрьские события 1993 г. и подготовка к выборам, скорее, настраивали рабочих на электоральные, а не забастовочные формы протестной активности. И, несмотря на начатую 1 ноября 1993 г. лидерами НПГ Воркуты голодовку с требованиями ликвидации задолженности по зарплате, гарантии обеспечения занятости шахтеров при закрытии шахт и контроля за распределением дотаций, несмотря на решения СП и ИК НПГР о начале забастовки с 1 декабря 1993 г., акция профсоюза началась только 6 декабря и была весьма скромной.

В тот день бастовали всего 23 шахты (в т. ч. 5 не угольных), 6 ШСУ, 1 разрез, 2 автоколонны и 4 рудника[145]

Правительство пошло на частичные уступки. Но забастовка показала слабость НПГР, который поддержало только 18 угольных шахт.

Неумение руководства НПГР выражать интересы большинства шахтеров привели не только к потере забастовочной инициативы профсоюзом. Профсоюз стал открытым политическим аутсайдером в ходе выборов в Государственную Думу в декабре 1993 г., когда его лидеры, вошедшие в избирательный блок РДДР, не смогли вместе с блоком набрать 5 % голосов избирателей.

Кризис НПГР проявился и в отходе профсоюза от декларируемых им организационных принципов. Так на первых съездах НПГР декларировался отказ профсоюза от участия в «распределении» товаров, но на деле местные организации НПГР, например, НПГ СУБР, занимались «распределиловкой». НПГР декларировал «только рабочее» членство, но на деле, когда профсоюз белокалитвенского шахтоуправления (Ростовская обл.) в полном составе, без изменения структуры перешел в НПГР, то он был с радостью принят.

---

[145] Забастовка. Зарубежный и отечественный опыт / М., 1998, с. 61.

В результате таких действий была ликвидирована грань, отделявшая НПГР от ПРУП. К концу 1993 г. НПГР организационно принципиально ничем не отличался от критикуемого им ПРУП. Перефразируя В. С. Черномырдина («Как партию ни создавай — все КПСС получается!»), можно сказать, что как ни создавали в начале 90-х новые профсоюзы, все равно ВЦСПС получилась! Естественно, все это привело если не к распаду, то к полураспаду НПГР.

Несмотря на вступление в НПГР в 1993 г. на правах ассоциированного члена Федерации профсоюзов Норильского ГМК, в среде угольщиков профсоюз терял позиции. В конце 1993 г. уже никого не удивляли сообщения, что в Инте в ПРУП перешли делегаты I съезда НПГР, председатели комитета НПГ шахты Интинская и самой крупной ячейки НПГ на шахте[146].

На наш взгляд, это были плоды бездумной ориентации руководства профсоюза на окружение Президента Б. Ельцина. Не исключено, что лидеры российской номенклатуры преднамеренно спровоцировали кризис в самом активном профсоюзе.

Так в начале 1992 г. трансформирующейся номенклатуре удалось искусственно поднять, «педалировать» развитие забастовочного движения, активизировать псевдопрофсоюзы ФНПР, которые «днями единых действий» увеличивали статистику забастовок, подрывая одновременно их авторитет в глазах трудящихся. При этом ФНПР не создавала никаких органов общественного самоуправления на производстве. Активизация ФНПР шла параллельно с развитием реального (зачастую — неудачливого) забастовочного движения. Наложение двух забастовочных «волн» — прономенклатурной и рабочей вызвало к жизни «всплеск» забастовочной активности первой половины 1992 г. Чуть позже, в 1993–1994 гг., началось подавление забастовочного движения. При помощи суда и прокуратуры началось запугивание неангажированных номенклатурой бастующих (ФПАД, транспортные рабочие).

Кроме запугивания, трансформирующаяся номенклатура прибегла к политической нейтрализации бастующих.

---

[146] В 1995 г. самораспустился НПГ ШСУ Сафоновское (АО Тулауголь). Весной 1995 г. на шахте «Центральная» (Воркута) из местной организации НПГР (общей численностью 550 членов), 150 перешли в ПРУП. К середине 90-х НПГР был на грани краха.

Мы видим три метода этой нейтрализации:

1. Профанация политических забастовок движением «Трудовая Россия»;

2. Организованный отказ от забастовки как метода борьбы профцентром «Соцпроф»;

3. Провоцирование «сверху» кризиса внутри самого активного бастующего профсоюза — НПГР.

Но, на наш взгляд, главной психологической причиной сокращения забастовочной борьбы стала психологическая усталость трудящихся, состояние фрустрации, неудовлетворения от реального «проигрыша» в игре в «героя и дружину». Ведь в 1991 г. «герой», т. е. Б. Ельцин — «победил». Согласно психологическому социально-ролевому сценарию игры, к 1992–1993 гг. должен был наступить период «воссоздания золотого века». Но этого не произошло. Следствие — фрустрация основных акторов игры — бастующих, «членов дружины героя».

Психологический выход из создавшегося положения виделся им только в следующем:

1. Поиске нового героя;
2. Изменении правил игры;
3. Трансформации акторов.

Правда, этот выход в полной мере был найден только в 1994 г.

Нельзя сказать, что трансформирующаяся номенклатура в деле подавления забастовок не имела союзников «снизу». Приведу красноречивый пример: в Туле 29 апреля 1992 во время забастовки водителей городского автотранспорта отмечены случаи, когда пассажиры били водителям лобовые стекла[147].

Изменение позиции части номенклатуры по отношению к забасткомам произошло в ходе переворота осени 1993. Что же случилось в те дни?

Нерешенность основных проблем, вызвавших революцию августа 1991 г. (главное — нерешенность вопроса о темпах создания рынка) привела российское руководство в 1993 г. к попытке решить все проблемы «сверху», используя

[147] Рабочая демократия, 1992, № 8.

«вертикаль» президентской власти минуя «вертикаль» советов народных депутатов. Такое решение было вызвано конфликтом между большинством Съезда народных депутатов РФ и окружением Б. Ельцина.

Целью нашего исследования не является изучение природы этого конфликта. Мы лишь констатируем, что в 1993 г. в стране развивалось что-то похожее на «двоевластие»: с одной стороны, усиливалась власть Президента, с другой — развивались властные полномочия Верховного Совета. Обе стороны претендовали на всю полноту власти. Исполнительная власть стремилась издавать законы, законодатели хотели стать также и исполнительной властью. Скрытое «двоевластие» стало открытым после 21 сентября, после Указа Президента № 1400 о роспуске российского парламента. За этим указом последовали трагические события, связанные с расстрелом здания Верховного Совета России и гибелью сотен людей.

Общая оценка событий октября 1993 г. не является нашей задачей, но в силу актуальности этих событий мы эту оценку вынуждены дать. Положив в основу периодизации степень радикализации конфликта, мы выявляем три этапа осеннего конфликта Президента и Парламента. Характеризуя эти этапы, мы уделили особое внимание роли профсоюзов и забасткомов в тех событиях.

1. Этап: 21–23 сентября. Радикализация конфликта.

Президентским Указом № 1400 21 сентября декларировалось прерывание законодательной деятельности Съезда народных депутатов России и Верховного Совета РФ, назначались выборы Государственной Думы, прекращались полномочия Народных депутатов России, объявлялся мораторий на заседания Конституционного суда, изменялся статус Центрального банка России и Генеральной прокуратуры.

В тот же день в здании Верховного Совета (Белом Доме) были отключены телефоны правительственной связи. Одновременно Б. Ельцин выступил с обращением к гражданам России, объясняя мотивы принятия Указа № 1400 необходимостью развития реформ. Верховный Совет, а также начавшийся

23 сентября X съезд Народных депутатов РФ сместили с должности Президента Б. Ельцина и назначили исполняющим обязанности Президента А. Руцкого. Конституционный суд

заявил о неконституционности Указа № 1400. Партии и организации, поддерживающие парламентские фракции «Коммунисты России», «Родина», «Смена — новая политика» выступили в поддержку Верховного Совета. Верховный Совет был поддержан также частью московских райсоветов и Президиумом Моссовета.

Были созданы общественные чрезвычайные органы: Комитет по защите народовластия и Конституции, Московский комитет защиты советской Конституции и Общественный комитет защиты Конституции и конституционного строя. У Белого Дома начался митинг. Возводились баррикады.

Началась борьба за армию. А. Руцкой назначил новых министров обороны, безопасности и внутренних дел. Для Б. Ельцина борьба за армию осложнилась тем, что 21 сентября 1993 г. коллегия Министерства обороны заявила о своем нейтралитете.

Узнав об этом решении, 22 сентября действия Ельцина осудил независимый профсоюз военнослужащих. 23 сентября самая массовая антиельцинская организация — Фронт национального спасения, в лице своего политсовета обратилась к военнослужащим с призывом не выполнять приказы Б. Ельцина.

В этих условиях у Б. Ельцина остались только две опоры — элитные части МВД и своя служба безопасности.

22 сентября вокруг Белого Дома была выставлена «цепь» милиции (правда, слабая и «рваная»). 23 сентября в Москву вошли части дивизии им. Дзержинского.

В тот же день начались странные, возможно, провокационные события, создававшие имидж агрессоров противникам Ельцина:

1. Была проведена раздача 400 автоматов «защитникам» Белого Дома. Это дало повод П. Грачеву, ельцинскому министру обороны заявить о «вооруженных бандитах» в Верховном Совете;

2. 23 сентября в $21^{\underline{05}}$ произошло нападение на штаб ОВС СНГ. Был убит один милиционер. Это дало повод арестовать популярного в армейской среде лидера Союза офицеров С. Терехова и повторить доводы о «бандитах».

Наконец, Б. Ельцин пошел на беспрецедентный для руководителя государства шаг — 22–23 сентября частично отключил телефоны министерства обороны и Генерального штаба, лишив часть «нейтральных» генералов связи с войсками. Большим ресурсом Б. Ельцина было и то, что на его стороне выступили практически все российские СМИ, организовавшие с первых дней конфликта информационную блокаду Верховного Совета, а также двусмысленно трактовавшие действия противников Бориса Николаевича.

2 Этап: 24–26 сентября. Временная стабилизация конфликта.

Формально стабилизация была вызвана обращением Председателя Конституционного суда В. Зорькина, предложившего конфликтующим сторонам так называемый «нулевой вариант» — отмену всех своих решений, принятых после 21 сентября и назначение одновременных досрочных выборов Президента и Съезда народных депутатов.

Фактически же стабилизация была необходима обеим враждующим сторонам для «прощупывания»:

1. Международной реакции на конфликт в руководстве России;
2. Позиции региональных российских лидеров;
3. Реального отношения большинства россиян к конфликту.

За три дня стало ясно, что, несмотря на заявления Президента США Б. Клинтона о необходимости мирного решения конфликта, Америка будет на стороне Б. Ельцина. Кроме того, ни один лидер СНГ не поддержал Верховный Совет России.

24 сентября X Съезд народных депутатов РФ обратился к парламентам, президентам и правительствам стран СНГ с призывом воздержаться от проведения встречи глав государств СНГ в Москве. Но встреча состоялась. Призыв российского парламента был проигнорирован.

Несколько иной была позиция лидеров регионов России и парламентов субъектов федерации. 22–24 сентября прошло 53 сессии областных советов. 45 в той или иной форме поддержали Верховный Совет. 20 открыто признали А. Руцкого Президентом России, 25 высказались за «нулевой вариант».

24 сентября прошло совещание представителей 29 субъектов Российской Федерации, на котором был фактически сформулирован ультиматум Б. Ельцину — или принятие «нулевого варианта», или в регионах начнется кампания гражданского неповиновения (вплоть до всероссийской забастовки и блокады основных транспортных магистралей). Совещание было нестатусным. На нем присутствовало только восемь председателей облсоветов, четыре зампредоблсовета, один глава областной администрации (Брянская область), два члена малых облсоветов и четырнадцать депутатов различных облсоветов.

26 сентября в Санкт-Петербурге прошло совещание представителей уже 48 субъектов федерации, в том числе 39 облсоветов. На нем тоже было выдвинуто требование принятия «нулевого варианта».

В поддержку Верховного Совета выступили горсоветы Москвы и Санкт-Петербурга, малые советы практически всех крупных российских городов: Омска, Калининграда, Нижнего Новгорода. Малый совет Свердловской области (Родина Б. Ельцина) осудил обе враждующие стороны. При этом большинство глав исполнительных органов власти субъектов федерации остались лояльны своему Президенту.

Наибольшую поддержку Б. Ельцину оказал Ю. Лужков.

24 сентября Правительство Москвы предъявило Верховному Совету ультиматум о «сдаче оружия» и отключило в Белом доме электричество, воду и отопление, вынудив противников Б. Ельцина пользоваться резервными запасами. Наименьшую поддержку Б. Ельцин нашел на брянщине. Но нелояльность Брянского губернатора Президенту была подавлена вооруженным путем. Его не просто сняли с должности распоряжением Б. Ельцина, а вышвырнули из кабинета вооруженные милиционеры.

Итак, 24–26 сентября стало ясно, что авторитетные международные силы поддерживают Ельцина и то, что региональные лидеры расколоты. Главным остался вопрос — с кем граждане России? В своем интервью газете «Правда» 24 сентября 1993 г. А. Руцкой сказал: «Лишь всеобщая политическая забастовка спасет народ». Но были ли у него инструменты для инициирования такой акции?

СМИ были против А. Руцкого. Появившиеся 22 сентября в Москве листовки с призывом к забастовке до периферии не доходили. Ни молодежная московская ассоциация студенческих профсоюзов, поддержавшая 22 сентября Верховный Совет, ни Исполком Совета ФНПР, выступивший в тот же день с призывом о досрочных перевыборах Президента и Съезда и даже призвавший к забастовке, ни крупные облсовпрофы, например, омский, поддержавший 23 сентября Верховный Совет, ни региональные лидеры, грозившие Б. Ельцину кампанией гражданского неповиновения, до 25 сентября не сделали ничего для реальной организации стачки.

24 сентября лидер Российского общенационального союза (РОС) С. Бабурин тоже призвал к забастовке. Но местные структуры РОС не имели связей с рабочими и не были приспособлены к забастовочной борьбе. Да и позиция самого С. Бабурина, выступившего в первые дни работы X Съезда народных депутатов России с предложением сместить Р. Хасбулатова с поста Председателя Верховного Совета, не способствовала развитию забастовок, а скорее — настраивала сторонников РОС на некий «третий» путь.

В то же время ни в меру «оппозиционных» лидеров ФНПР сторонники Б. Ельцина моментально «приструнили», отключив 23 сентября все телефоны в здании Исполкома ФНПР. Вице-премьер правительства В. Шумейко тогда же заявил об отмене членских взносов Федерации и намерении ее роспуска.

Попытки протеста руководителей ряда отраслевых профсоюзов и небольших политических организаций, например, фракции «Объединенные социал-демократы» в СДПР, сторонники Б. Ельцина, естественно, проигнорировали.

Демонстрация силы привела к «нужному» эффекту — XVI пленум ФНПР, собравшийся 28 сентября 1993 г., в своих решениях ни слова не сказал: ни о забастовке, ни о Верховном Совете. Итак, к 25 сентября стало ясно, что никакой забастовки в поддержку Верховного Совета в России не будет. «Народ безмолвствовал». Он разрешил одной группе номенклатуры «побить» другую группу. Правда, наверное, никто не предвидел масштабов кровавости этого «избиения».

3 Этап 26 сентября — 4 октября 1993 г.: Эскалация конфликта.

Формально еще шли переговоры представителей сторон (В. Баранников встречался с В. Черномырдиным, В. Соколов и Р. Абдуллатипов с Ю. Лужковым при посредничестве Патриарха, Н. Гончар ездил с «миротворческой миссией» в Белый Дом), но фактически началась новая эскалация конфликта.

26 сентября в Москве радикальные сторонники Б. Ельцина (движение «Демократическая Россия», НТС, «Московская трибуна») организовали митинг на Манежной площади и потребовали «раздавить мятежников».

В ночь с 27 на 28 сентября Белый Дом был блокирован и обнесен колючей проволокой.

29 и 30 сентября в Новосибирске прошло совещание представителей субъектов федерации, которое еще раз повторило тезис: или «нулевой вариант», или кампания гражданского неповиновения. Однако самое интересное то, что в кулуарах совещания всерьез обсуждался вопрос о возможности переезда Съезда народных депутатов в Новосибирск и организации там центра «сопротивления режиму». Это также подтолкнуло Б. Ельцина к решительным действиям. Допускать создания «второй столицы» ему было нельзя. В начале октября верные Б. Ельцину политтехнологи разработали масштабную операцию по провоцированию массовых беспорядков в Москве и использованию войск для их подавления.

2 октября прошло совещание в Завидово, где, видимо, и был утвержден план операции. 4 октября было осуществлено провокационное «отступление» частей МВД от Белого Дома. Был организован «прорыв» его блокады митингующей «Трудовой Россией», затем спровоцирован «штурм» московской мэрии и сымитировано «взятие» останкинского телецентра. Для ликвидации «беспорядков» был отдан приказ об уничтожении толпы сторонников Верховного Совета, частично переместившейся к телецентру, а также о расстреле и штурме Белого Дома.

В результате выполнения этих нелепых приказов погибло несколько сот, а может быть — тысяч человек. Лидеры Верховного Совета арестованы и посажены в Лефортово.

Цинизм и преступная сущность российской номенклатуры проявилась не только в расстреле безоружных граждан своей страны, но и в том, что, не желая далее продолжать «раз-

борку» «внутри» себя, представители номенклатуры уже в начале 1994 г. сделали все, чтобы предать забвению кровавый октябрь. С одной стороны — была объявлена «амнистия» заключенным в Лефортовской тюрьме лидерам мятежного Парламента, с другой — предано забвению парламентское расследование событий 21 сентября — 4 октября. Был разработан и предложен «договор о национальном согласии», который подписали практически все номенклатурные организации. В среде правящей группировки воцарилось спокойствие, изредка прерываемое лишь сообщениями о народных акциях отчаянья, в том числе — о забастовках.

Глава 3
Забасткомы, профсоюзы, выборы 1994–1995 гг.

В 1993 г. перестройка окончилась. Это — не просто констатация факта, это означало окончание действия широкомасштабного проекта реального политического руководства страны по проведению номенклатурной модернизации. Сегодня заметно, что у авторов проекта, видимо, существовало несколько его вариантов.

Вариант максимум — «обвальное» интегрирование России в мировой рынок с соответствующими структурными реорганизациями внутри страны:

1. Роспуском нерыночных структур типа ВКП-ФНПР;
2. Реорганизацией ВПК по радикальным конверсионным планам;
3. Стимуляцией многопартийности и свободного профсоюзного движения, в том числе и неангажированного властями, например, социал-демократического спектра.

Но подобная реорганизация была возможна только благодаря популистской революции. Финансирование подобной реорганизации, видимо, планировалось за счет западной помощи подобной «плану Маршалла». Однако данный вариант был невыгоден Западу, который на самом деле не желал серьезного перераспределения доходов и политического влияния в среде современных представителей деловой и политической элиты, не желал нарушать свою же внутреннюю стабильность. Итог — денег на радикальную структурную реорганизацию реальное политическое руководство СССР-СНГ-РФ не получило.

Тогда им же был внедрен вариант минимум — интеграция СНГ-РФ в мировой рынок через некие «переходники», например, через Прибалтику в Западное сообщество, а через Азербайджан — в арабский мир. Возможно, таким же «переходником» виделся Таджикско-Афганский узел. Для воплощения программы минимум не требовалась популистская революция, наоборот, нужна была полная внутренняя стабильность при отсутствии реального, неангажированного

властями, политического и профсоюзного пространства. Требовались не революционные преобразования, а восстановление управляемости. Радикальные реформисты были попросту вытеснены. На них началась массированная атака СМИ. Финансирование проекта, очевидно, велось за счет внутренних резервов, получаемых в результате практически конфискационной банковский реформы, начавшейся в мае 1994 года указами Президента и нашедшей свое яркое проявление в действиях комиссии под руководством С. Лобова. Эта же реформа нанесла удар по «новым русским», желающим лезть в крупную политику. Начались неудачи «Гермеса» с его «политотделом», партией Русский стиль. Начались стабильные провалы партии РТСБ (ПЭС), прекратилось формирование «партии Тибета». Случай с избранием в Государственную Думу лидера АО «МММ» С. Мавроди был скорее исключением, подтверждающим правило. Тот же случай показал, что, в случае победы, «новых русских» ожидает серьезная дискредитация со стороны СМИ, а то и физическое уничтожение (в 1994 г. был убит депутат Государственной Думы, банкир А. Айдзердис).

В середине 90-х годов окончилась массовая приватизация. Ее «угар» привел к тому, что некоторые властные группировки получили объем собственности несоразмерный их реальному политическому влиянию. Соответственно у Госкомимущества появилась идея «деприватизации», а у «Трудовой России» лозунг «Отберем награбленное!». Трогательное единство сторонников А. Чубайса со сторонниками В. Ампилова говорило об одном — грядет новый передел собственности. Объективно этому содействовало завершение формирования рынка свободного труда в России и новый подъем забастовочного движения.

Основная причина забастовок в то время — катастрофические «задолженности» по зарплате, невыплата ее в течение многих месяцев. В первом квартале 1994 г. количество забастовок выросло в 10 раз по сравнению с первым кварталом 1993 г. В начале 1994 г. бастовало 288 предприятий (а за весь 1993 г. — 264). Только за 9 месяцев 1994 г. состоялось 400 стачек.

Однако в конце 1994 года произошло два события, существенно снизивших забастовочную активность.

Первое — «черный вторник» 11 октября 1994 г. Первый крупный российский дефолт, связанный с «распадом» «пирамиды» ГКО (государственных краткосрочных обязательств). Доллар в тот день подорожал на 800 рублей. Покатились вниз привязанные к рублю «независимые» валюты стран СНГ. Для урегулирования экономической ситуации в рамках СНГ на совете глав государств был создан Межгосударственный экономический комитет. В России произошла смена руководства Центробанка и грянул правительственный кризис. В Государственной Думе 27 октября была попытка вынесения вотума недоверия кабинету министров. В этих условиях директорский корпус не решился всерьез стимулировать забастовочное движение.

Второе — началась «первая чеченская» война. В связи с этим большинство россиян были психологически не готовы к открытой забастовочной активности. Следствие — в конце 1994 г. начале 1995 г. по сводкам МВД по стране было всего 22 забастовки[148].

Перечислю эти забастовки с указанием количества бастующих рабочих:

1. 26–28.10. Забастовка на Печорской ГРЭС (данных о количестве бастующих нет),
2. 27.10.94 Забастовка шахты «Никулинская» АО «Тулауголь» (в забастовке участвовало от 90 до 1000 рабочих),
3. 2.11–9.11. Забастовка шахты «Липковская» АО «Тулауголь» (800 бастующих),
4. 4–14.11. Бастовали 14 из 16 шахт АО «Тулауголь» (До 12.11. бастовало от 1749 до 3033 шахтеров, после — 728),
5. 9–16.11. Забастовка НПО «Геофизика», Москва (1200–1500 участников забастовки),
6. 15.11. Однодневная забастовка НПГР (30 000 бастующих),
7. 16.11. Односменная забастовка шахт г. Воркута (о количестве бастующих нет данных),
8. 15–16.11. Забастовка ПО «Курганприбор» (700 бастующих),

[148] Материалы группы НИКО / Архив автора.

9. 10–19.11. Бастовали шахты «Центральная», «Глубокая», «Нагорная», г. Партизанск, Приморье (бастовало 3700 рабочих),

10. 14–15.11. Забастовка учителей в Кировской области (66 участников забастовки),

11. 14–21.11. Забастовка учителей с. Бариново в Кировской обл. (27 бастующих),

12. 15–18.11. Бастовала шахта «Сидеритовая», Челябинская обл. (82 участника забастовки),

13. 9.11–9.12. Бастовала шахта «Судженская», Кемерово. (1200 участников забастовки),

14. 4.11. Забастовка аэропорта Маган, респ. Саха. (40 участников забастовки),

15. 16.11. Всеобщая забастовка в пос. Оричи, Кировская обл. (О количестве бастующих нет данных),

16. 17–30.11. Забастовал машиностроительный завод г. Юрга, Кемеровская обл. (Примерно 2000–3500 участников забастовки),

17. 20–23.11. Забастовка АО «Метчел», г. Челябинск (100 бастующих),

18. 22–30.11. Забастовка в 13 школах г. Перми (400 участников забастовки),

19. 24–30.11. Забастовка АО «Искра», г. Смоленск (1470 бастующих),

20. 25.11. Забастовка на шахте «Северная», г. Воркута (10 участников забастовки),

21. 29–30.11. Бастовала шахта «Коркинская», Челябинской обл. (3000 бастующих),

22. 29–30.11. Забастовка в школе № 2 г. Долматово, Курганской обл. (данных о числе бастующих нет).

В первой половине 1995 г. бастовало 185 тысяч человек на 829 предприятиях, в том числе в 575 школах и 170 предприятиях ТЭК. Серьезной угрозы для властей эти забастовки, естественно, не представляли.

В ходе забастовок проявились как старые, так и новые тенденции.

К старым можно отнести:

а) «директорские» забастовки, например, забастовку в октябре 1994 г. на «ВАЗе», которую поддержала администрация Самарской области и не поддержал активно действовавший

на заводе профсоюз «Единство». «Директорской» была и забастовка ПАЛС (ассоциации летного состава) в мае 1994 г. Она прошла в городах Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове, Астрахани, Волгограде, Саратове, Иркутске, Красноярске, Архангельске. В Москве ею были охвачены аэропорты Домодедово, Быково, Мячиково и Шереметьево II, где активисты ПАЛС не останавливали полетов, но организовали «итальянку» — забастовку в форме работы «по правилам». Суд признал забастовку незаконной. Но реальные организаторы стачки — Минтранспорта и Департамент воздушного транспорта, — выразили готовность «способствовать» решению проблем летчиков на уровне Государственной Думы и Правительства[149].

Подчас в ходе забастовки «директорские» и «народные» инициативы причудливо переплетались. Расскажем об этом на примере февральской забастовке ПРУП 1995 г. Пассионарным толчком к этой забастовке послужила январская 80 часовая подземная забастовка горняков шахты «Западная капитальная» в Ростовской области. Это событие (по непроверенным данным) случайно совпало с конфликтом в Москве руководства «Росуголь» и «Ростовуголь». Вернувшись из Москвы, генеральный директор «Ростовугля» стал, возможно, «теневым» инициатором забастовки АО. 1 февраля 1995 г., используя лозунги солидарности с шахтерами «Западной капитальной» и требования вернуть все правительственные долги АО «Ростовуголь», терком ПРУП одновременно остановил все 26 шахт акционерного общества. Забастовали 76 тысяч рабочих. Забастовка удивительным образом была выгодна группе «Мост» и каналу НТВ, чья информационная политика в то время была направлена на освещение протестных акций в регионах. Забастовка «Ростовугля» стала постоянной новостью информационных выпусков НТВ. В течение семи дней (пока шла региональная забастовка) федеральный телеканал освещал все действия бастующих и говорил о «бездействии» властей. Подобный PR не мог не сказаться на настроениях рабочих, тем более параллельно ростовский терком ПРУП по информсети

---

[149] Крестьянинов А. Н. Кукса О. М., Лаврентьева Р. И., Маслова Н. М., Миловидов Ю. Н., Моисиевич В. А. Забастовка. Зарубежный и отечественный опыт / М., Академия труда и социальной защиты, 1998, с. 62.

профсоюза призвал всех угольщиков к забастовке. Призыв был услышан. 12 шахт Воркуты провели однодневную забастовку. Наконец, решением ПРУП была объявлена и проведена 9 февраля предупредительная забастовка отрасли с требованием к правительству выплаты долга шахтерам. Бастовало 80 % угольщиков (189 шахт и 21 разрез). При этом 500 тысяч шахтеров «легло» в забастовку, не дожидаясь решения центральных органов ПРУП, которые пригрозили правительству даже бессрочной забастовкой, но 23 февраля 1995 г. отсрочили, а позже — отменили ее. Правительство было вынуждено погасить все долги шахтерам (в первую очередь — «Ростовуглю»). В Ростов вылетела правительственная комиссия во главе с руководителем Администрации Президента А. Чубайсом. Генеральный директор «Ростовугля» был смещен со своего поста. Однако, по непроверенным данным, он вошел в руководство региональной банковской структуры, через которую правительство и перечислило АО «Ростовуголь» свою задолженность. Новым «генералом», т. е. генеральным директором «Ростовугля» стал совершенно неавторитетный в среде руководителей шахт директор завода по ремонту шахтооборудования (даже не директор шахты!). «Начальник кузьни» презрительно называли его в то время в среде ростовской номенклатуры. По непроверенным данным, неформальные нити руководства АО еще долго находились в руках старого «генерала». На волне популярности, обретенной в ходе забастовки, руководитель теркома ПРУП В. Катальников стал в декабре 1995 г. депутатом Государственной Думы, а его заместитель Р. Бадалов — заместителем председателя ПРУП.

б) псевдозабастовки ФНПР в форме «Дня единых действий» прошли 27 и 28 октября 1994 г. Это было разрекламированное «политшоу», именуемое «коллективной акцией протеста». В те дни, под громкие «протестующие» речи, лидеры ассоциации заместителей директоров по кадрам и быту собрали митинги профактива, провели пикетирование некоторых администраций и начали петиционную кампанию за отзыв подписей профсоюзов ФНПР под договором об общественном согласии. Только обывателю могло показаться, что этими действиями можно было хоть как-то повлиять

на антирабочую политику российского правительства и предпринимательского корпуса.

Подобные акции окончательно подорвали веру наемных работников в возможность решить свои проблемы методом «простых» забастовок.

Акции реального протеста начали радикализироваться. В этом проявилась новая тенденция забастовочного движения.

Разберем подробнее формы радикального протеста.

а) Голодовки протеста на предприятиях в конце 1994 г.[150]

1. 27.10.94–05.11.94 Голодовка на Печорской ГЭС (10 участников),

2. 28.10.94–12.11.94 Голодовка на шахте «Никулинская» АО Тулауголь (более 40 голодавших),

3. 24.10–2.11.94 Голодовка в цехе № 75 ПО «Спецтехника», Екатеринбург (23 участника голодовки),

4. 15–16.11.94 Голодовка на заводе «Уралэлектроприбор» (20 голодавших),

5. 18–23.11.94 Голодовка в цеху № 3 Челябинского металлургического комбината (нет данных о количестве участников голодовки),

6. 10–14.11.94 Объявили голодовку рабочие АО «Тарасовскнефтегазстрой», Тюменской обл., Пуровского района (30 участников голодовки),

7. 17–24.11.94 В Усть-Илимской школе №13 Иркутской области объявили голодовку учителя (до 21.11. — 60 участников голодовки, после 21.11. — 40)

8. 23.11.94 Голодовка на НПО «Автоматика», Екатеринбург (3 участника),

9. 20–23.11.04 Голодовка на АО «Метчел», Челябинск (общее количество — до 100 голодавших, 2.11. — 30 голодавших госпитализировано,19.11. — голодовка приостановлена, 21.11. — возобновлена)

Иногда голодовки объявлялись «сразу», иногда они «вырастали» из забастовки и сопровождали ее. Если учесть, что средняя продолжительность забастовок в ноябре 1994 г. была 1–3 дня (более 50 %), что четыре из 22-х забастовок сопровождались голодовками средней продолжительностью 4 дня,

---

[150] Материалы аналитической группы НИКО / Архив автора.

то можно сделать вывод, что примерно каждая седьмая забастовка в то время сопровождалась голодовкой, причем «средняя» голодовка такого типа была продолжительней «средней» забастовки.

б) Самоубийства. Мы не располагаем полной статистикой самоубийств из-за безработицы в то время, но нам ясно одно — они были. Так 18 ноября 1994 г. доведенный до отчаяния безработный Ишимбайского машиностроительного завода Н. Якушев облил себя бензином и поджег.

в) Квазивооруженный протест. В 1995 г. «Экспресс-газета» № 16 (59) сообщила, что возмущенный хронической невыплатой зарплаты рабочий одного из оборонных заводов Екатеринбурга угнал с конвейера танк. «Или танк, или зарплата», — поставил условия угонщик. Несколько часов он бороздил улицы всполошенного города, пока администрация не пообещала выдать рабочим задержанную зарплату в обмен на танк.

г) Угроза теракта. В ходе забастовки на шахте «Судженская» в ноябре-декабре 1994 г. отмечены угрозы шахтеров в знак протеста взорвать газопровод в районе Анжеро-Судженска.

д) «Рельсовая война», перекрытие важных железнодорожных магистралей началась в ноябре 1994 г. на Транссибе (подробнее речь о ней пойдет ниже).

Анализируя место и характер акций протеста конца 1994 года, можно заметить следующее:

а) началась регионализация радикальных форм протеста;

б) усилился кумулятивный эффект забастовок и голодовок.

Что это означает?

Нами подмечено, что из 28 акций протеста (голодовок, забастовок, митингов, пикетов) в ноябре 1994 г. отмеченных в сводках МВД, 12 (почти половина) прошло на Урале — в Екатеринбурге, Кургане, Челябинске. При этом из 11 голодовок того периода 4 (почти треть) приходится на Екатеринбург. В этом городе «удачная» (с точки зрения результатов) голодовка профактива цеха № 75 ПО «Спецтехника» в октябре 1994 г. породила ноябрьские голодовки на «Уралэлектроприборе» и НПО «Автоматика». Голодовка цеха № 2 Челябинского

металлургического комбината, начатая 18 ноября, подтолкнула к такой же форме протеста челябинское АО «Метчел» 20 ноября. Кумулятивный эффект забастовки учителей в селе Бариново (Курганской области) породил, на наш взгляд, забастовку учителей г. Долматово той же области. Самое яркое проявление «разрастания» забастовки — забастовка АО «Тулауголь». 27 октября 1994 г. 90 шахтеров шахты «Никулинская», возмущенные многомесячной невыплатой зарплаты, объявили подземную забастовку. Этим они вынудили бастовать около 1000 работников шахты. 2 ноября к забастовке присоединилась шахта «Липковская» (800 бастующих), бастовавшая до 9 ноября. Реакции «начальства» на действия бастующих не было. Тогда лидеры бастующих объявили голодовку. Это саморазрушительное действие привело к эмоциональному «взрыву» на соседних шахтах. 2 ноября прошло собрание представителей трудовых коллективов АО «Тулауголь» и уже 4 ноября бастовало 14 из 16 шахт общества. «Начальство» попрежнему бездействовало. И 6 ноября уже 131 шахтер «лег» в подземную забастовку. 12 ноября здоровье 30 голодавших резко ухудшилось, и они были госпитализированы. Только это трагическое событие сдвинуло с места решение проблемы выплаты зарплаты шахтерам АО «Тулауголь». Деньги были выделены, и 14 ноября забастовка закончилась.

Но кумулятивный эффект забастовки туляков в шахтерской среде не погас. На следующий день, 15 ноября, состоялась однодневная забастовка НПГР, в которой приняли участие 30 000 человек, через день — односменная забастовка шахтеров Воркуты. Кроме того, 15 ноября забастовала шахта «Сидеритовая». Забастовка на шахте «Сидеритовая» 15–18 ноября, видимо, стала толчком для «укладывания» шахты «Коркинская» 29–30 ноября 1994 г. (обе — в Челябинской области). Следует учесть и то, что с 10 по 19 ноября, может быть, также под влиянием туляков бастовало 3 шахты города Партизанска (Приморье).

Приведенный выше пример демонстрирует, какое воздействие на горняков имели радикальные формы протеста — подземная забастовка и голодовка. К сожалению, у нас нет достоверных материалов о позиции руководства АО «Тулауголь»

в то время, и мы не можем с уверенностью говорить о том, была ли забастовка туляков «директорской» или «рабочей».

Наряду с открытыми забастовками, в 1994–1995 гг. широкое распространение получили скрытые забастовки. Мы насчитали в конце 1994 г. — начале 1995 г. 25 стачечных выступлений и 12 случаев прекращения работы без объявления забастовки (в основном — проведение митингов в рабочее время), всего 37 забастовок, то есть каждая третья забастовка в ноябре 1994 г. — январе 1995 г. была латентной.

Впервые в истории России в 1994 г. забастовали военные. Летом 1994 г. прошла забастовка военных строителей Североморска[151].

В те же годы усилилось влияние политических партий на забастовочное движение. В январе-феврале 1994 г. прошли забастовочные выступления на московском машиностроительном заводе (ММЗ) «Калибр», где разразился конфликт о формах и методах приватизации между СТК и директоратом. В своей борьбе против директора СТК ММЗ опирался, в том числе, на московскую организацию СДПР, принявшую участие в пикетировании активистами СТК здания Госкомимущества 7 февраля 1994 г[152].

В апреле 1994 г. на ЗИМе (Самара) две недели бастовал цех № 38. Два члена цеха были членами Партии диктатуры пролетариата. Впоследствии администрация завода попыталась их уволить[153]. В Костроме на заводе «Рабочий металлист» в 1994 г. после стихийных выступлений рабочих против задержки зарплаты при содействии активистов «Трудовой России» был создан совет рабочих, который подчинил себе заводской ФНПР[154]. В ноябре 1994 г. активисты «Трудовой Москвы» поддержали забастовку НПО «Геофизика».

Так главными тенденциями забастовочной борьбы середины 90-х были ее радикализация и «партизация» (т. е. усиление влияния партий на забастовочное движение).

---

[151] Крестьянинов А. Н. Кукса О. М., Лаврентьева Р. И., Маслова Н. М., Миловидов Ю. Н., Моисиевич В. А. Забастовка. Зарубежный и отечественный опыт / М., Академия труда и социальной защиты, 1998, с. 63.

[152] Известия 08.02.94.

[153] Правда. 12.10.94.

[154] Трудовая Россия, 1994, № 5.

Рассмотрим эти тенденции подробнее на примере забастовки на шахте «Судженская» осенью 1994 г. Это была не только самая длительная забастовка 1994 г., в ходе которой был перекрыт Транссиб и раздавались угрозы терактов, это была стачка, руководство которой осуществлял местный лидер ЛДПР, даже не работавший на шахте. Рассмотрим, как это произошло[155].

Шахта «Судженская» существует с 1897 года. Залегание пластов крутое, добыча угля немеханизированная. По критериям «Росугля» относится к категории неперспективных и по сложившимся представлениям является кандидатом на закрытие. Большинство работников «Судженской» — жители шахтерского поселка Судженский. По мнению председателя теркома промышленных рабочих угольной промышленности (ПРУП), это район патриархальный. Шахтеры «Судженской» в больше степени, чем работники других шахт живут в частных домах. Следствием этого является то, что отношения на производстве дополняются тесными соседскими отношениями. Можно говорить об определенной степени общинной поддержки друг друга. Кроме того, проживание на протяжении нескольких поколений в относительно небольшом поселении привело к установлению родственных отношений между жителями поселка. Не удивительно, что этот дух «коммунального общежития» со сплетнями, знанием подноготной друг друга и житейскими проблемами переносится и на предприятие. Родственники работников подземной группы зачастую работают в администрации. Соответственно, все, что происходит в «конторе», сразу же становится известным во всем коллективе и не может не отражаться на производственных отношениях. С другой стороны, в прежние времена шахта часто была победительницей устраиваемых смотров, социалистических соревнований и т. д. Как в любом коллективе здесь были свои конфликты и проблемы, но раньше все они оставались за кадром, поскольку коллектив был объединен общей целью выполнения плана, участия в соцсоревновании. Когда смотры,

---

[155] Полевое исследование на шахте «Судженская» проведено В. А. Борисовым и впервые опубликовано в: Левчик Д. А., Борисов В. А. Забастовки и голодовки как элемент политической борьбы // Труд и социальные отношения, сер. Позиция, 1996, № 1, с. 3–20.

и всевозможные почины исчезли, большая социальная напряженность на данном предприятии резко возросла.

В 1994 г. шахта переживала трудные времена. Несмотря на, казалось бы, хорошие перспективы — запасов угля шахте хватит более чем на сто лет — шахта снизила добычу, и тенденция к снижению нарастала. При катастрофическом падении объема добычи у большинства категорий работников шахты зарплата стабильно продолжала расти. Хотя по некоторым профессиям и наблюдались снижения заработка, но это не нарушало общей тенденции роста заработка в целом по шахте. Закономерным следствием подобной ситуации стало снижение производственной дисциплины на шахте. Несмотря на многомесячные задержки заработной платы, в качестве главной причины низкой дисциплины указывалось даже не отсутствие зарплаты, а отсутствие работы, и неясность, будет ли работа в будущем. С 1993 года в городе и на предприятии упорно циркулировали слухи о скором закрытии шахты. Это подталкивало рабочих и ИТР шахты к поиску рабочих мест на других предприятиях. Молодые специалисты отказывались от работы на неперспективном предприятии. Падение дисциплины коснулось не только рабочих, но и руководства шахты. По многочисленным свидетельствам работников шахты, директор шахты и старший надзор с весны 1994 года практически перестали спускаться под землю и перестали контролировать ситуацию на шахте. Начались перебои с поставкой крепежного леса и других материалов. Ранние выходы со смены на поверхность стали нормальным явлением. Задержки выплаты заработной платы, достигли на «Судженской» пяти месяцев. Это полностью подорвало материальные стимулы к труду. Выплата премий за хорошую работу и наложение штрафов также обесценились, так как и то и другое «съедалось» инфляцией ко времени получения зарплаты. Натуральные выдачи продуктов, организованные руководством шахты, были настолько малы, что носили издевательский характер. По мнению нормировщиков предприятия, единственным стимулом к труду в такой ситуации остался страх перед закрытием шахты. Практически все подразделения шахты имели недокомплект кадров. Особенно остро это отразилось на добычных участках. Лучшие рабочие с этих участков ушли. И, когда потребовалось восста-

новить добычу — оказалось, что работать некому. Причем это происходило на фоне обострения проблемы занятости шахтеров в городе. С одной стороны — шахтеры не могли найти работу, с другой — на шахте имелись вакансии на добычных участках, куда никто не шел, так как не верили, что «Судженская» сможет вернуться в разряд перспективных предприятий. У шахтеров выработалась установка: лучше никуда, чем на «Судженскую».

Именно такая обстановка предшествовала возникновению наиболее острого конфликта в Кузбассе середины 90-х годов.

Конфликт развивался так: 19-го июля 3-я смена не спустилась в шахту. Были сформулированы требования, обращенные к руководству шахты. Утром собралась рабочая смена в «зеркальном зале» (так шахтеры шуточно называли зал (без единого кресла), где проводились сменные собрания) и заявила о прекращении работы. Был избран совет трудового коллектива (он же стачком).

20 июля 1994 г. — принято решение директора о создании согласительной комиссии.

21 июля шахта вроде бы приступила к работе. Но собрание трудового коллектива приняло решение о следовании требованию закона — объявлять о дате забастовки не позднее, чем за 42 дня. Была определена дата забастовки, 1 сентября, и объявлено, что до этого времени шахта находится в предзабастовочном состоянии.

22 июля на шахте работала согласительная комиссия. В качестве одного из способов сглаживания конфликта было предложено отправить 1100 человек в очередные, частично оплачиваемые отпуска, и административные, без сохранения содержания. Однако практических результатов работы комиссии не было никаких. Почти каждый день на шахте проходили сменные собрания, на которых выступали рабочие. Директор с начальником отдела труда и зарплаты ездили в Москву, но безрезультатно. Тем не менее, директор постоянно заверял шахтеров: «Деньги будут». По мнению большинства работников шахты, главным виновником доведения предприятия до такого бедственного состояния являлся директор шахты В. Д. Шелахов. Особенностью положения, в котором оказалась

шахта, было то, что с ней полностью рассчитались потребители, и были выплачены все средства, полагающиеся по отраслевому соглашению.

Роль директора сказалась в том, что, по его приказам, нормировщики вынуждены были начислять больше средств на оплату труда, чем это полагалось. Директор исходил из необходимости «вывести зарплату на достойный шахтера уровень» независимо от объема добычи. Поскольку выплаты по тарифному соглашению идут на тонну добытой продукции, под «нарисованные квитки» не было реальных денег. Рабочие считали, что вина за это полностью лежит на администрации шахты, поскольку они сделали то, что от них требовалось, и получили квитки на оплату. Поскольку шахта является государственным предприятием, они обращались в официальные структуры с требованием выплатить начисленное и разобраться с некомпетентным руководством.

В августе представители шахты звонили в приемную главы обладминистрации М. Б. Кислюку с просьбой о встрече с представителями трудового коллектива. Губернатор «дал добро» на прием, но передал через секретаря, что встречу будет вести заместитель главы администрации. На встречу с ним ездили представители СТК шахты. Члены СТК обсуждали между собой вопрос о том, чтобы пригласить на встречу представителей концерна «Северокузбассуголь» как сторону, которая могла бы поддержать шахтеров в их переговорах с обладминистрацией. Однако этот вопрос так и не был решен. Тем не менее, когда члены СТК пришли в здание областной администрации, Б. Лоценюк, главный инженер «Северкузбасугля» был уже там. Диалога не получилось. Заместитель главы администрации сказал: «Все ваши проблемы знаю, но денег нет. Можем оформить кредит под 130 процентов». Директор шахты отказался брать такой кредит, поскольку нечем было за него расплачиваться.

В конце августа состоялась встреча шахтеров с председателем Законодательного Собрания области А. Г. Тулеевым. Жалобы бастующих были встречены с пониманием, однако все ограничилось лишь моральной поддержкой.

1 сентября СТК было решено продлить предзабастовочное состояние до 15 сентября, чтобы дать возможность руководству найти способы решить вопросы выплаты зарплаты шахтерам.

15 сентября шахта забастовала. С этого момента каждый день проводились собрания: в нарядной с ИТР, сменные рабочие собрания. Шахтеры приезжали к началу смены, отмечались, выслушивали «последние известия» и разъезжались по домам. Работу продолжали службы, обеспечивающие жизнеспособность шахты.

19 сентября забастовка трансформировалась в митинг. Горняки «Судженской» в первый раз организованно вышли на городскую площадь к местному Дому Советов. Состоялась встреча с властями и главным инженером концерна «Северокузбассуголь» Б. Лоценюком. По его предложению собравшимися забастовщиками была избрана рабочая комиссия. Беседа была проведена при закрытых дверях, пресса не была допущена, содержание и итоги переговоров так и остались неизвестными для собравшихся на площади шахтеров. После первого митинга у шахтеров начались дни бесплодного ожидания зарплаты.

4 октября состоялось общешахтовое рабочее собрание. На нем присутствовало 1500 человек. Люди были возмущены тем, что, несмотря на 21 день забастовки, никого не волнует судьба шахтеров. За это время никто: ни из руководства области, ни из компании «Росуголь», ни из Минтопэнерго, ни из правительства, ни из теркома профсоюза угольщиков, — не побывал на шахте. Неоднократные визиты в Кемерово тоже практических результатов не дали. Поскольку перед этим шахтеры обращались к администрации города с одной просьбой — помочь встретиться с главой администрации области, представителями высших эшелонов власти отрасли и правительства, бастующие решили вновь пойти на площадь к местному Дому Советов. 4 октября ситуация вышла из-под контроля, бастующие стали обвинять СТК в продажности. Стачком направил телеграмму генеральному директору «Росугля» с требованием срочно рассмотреть требования шахтеров для избежания социального взрыва. К главе городской администрации, которого посетили члены СТК шахты, были предъ-

явлены требования: приезд на шахту губернатора М. Кислюка или кого-либо из его заместителей и представителей Минтопэнерго. Глава города ответил, что он некомпетентен приглашать руководство и отказался взять листок с требованиями шахтеров.

5 октября — снова митинг у Дома Советов. Вышедший к людям заместитель главы администрации города В. Макаркин доложил, что «отбили во все инстанции телеграммы, связались с концерном «Северокузбассуголь», позвонили в Москву». Он предложил двум делегатам от бастующих поехать в Кемерово. «Их там задавят», — был ответ забастовщиков. Людей это уже не устраивало. Раздались возгласы: «Сколько можно кормить обещаниями», «Это все слова», «Когда будет заработная плата?»... Кроме того, перед самым приходом шахтеров на площадь, глава городской администрации, с которым бастующие собрались встретиться, сел в машину и уехал. Многие восприняли это как оскорбление и нежелание властей вести разговор. В этой тупиковой ситуации восклицание: «Да что тут стоять! Надо магистраль перекрывать! Может, хоть тогда на нас обратят внимание», было принято как вполне обоснованное.

Около 500 человек поднялись по улице и перекрыли Транссибирскую магистраль на 4 с половиной часа. Колонну бастующих сопровождали несколько легковых автомобилей отдела внутренних дел города, не мешая и не препятствуя им. К месту перекрытия были подтянуты группы ОМОНа. Сюда же приехал директор шахты В. Шелехов, представитель концерна «Северокузбассуголь» В. Усов, представитель «Росугля» по Кузбассу В. Шахматов. Собравшимся сообщили «схему» финансирования шахты, которую представил бастующим в своей телеграмме генеральный директор «Росугля»: 200 миллионов рублей шахте отправляется сегодня же. Люди выходят на работу. Через неделю они получают миллиард рублей. Еще через неделю — еще один миллиард. Остальные — в ноябре. Всего — 4,2 миллиарда. После того, как это было заявлено, рабочие разблокировали дорогу. Это было первое крупное проявление «рельсовой войны», которая вскоре (весной 1998 г.) охватит почти всю страну.

Но период после 1995 г. не входит в хронологические рамки нашего исследования. Вернемся в 6 октября 1994 г., на «Судженскую». Там с утра вновь прошло собрание. Трудовой коллектив был взбудоражен слухами об аресте пятерых участников вчерашнего митинга. Прибывшие на собрание прокурор города Н. Кравченко, начальник ГОВД А. Шадринцев объяснили, что всего лишь приглашали людей для свидетельских показаний. Хотя никто не был арестован, тем не менее, проходчик участка № 10 Э. Якверт, не пожелавший сразу открыть дверь работникам милиции, был подхвачен под руки и практически донесен до машины, были применены наручники. И забастовка была продолжена. Люди уже не верили обещаниям и были намерены приступить к работе лишь после получения полагающихся им денег.

8 октября собрание трудового коллектива выразило недоверие юристу шахты, из-за некомпетентности которой не была соблюдена процедура тайного голосования перед началом забастовки, и забастовка была признана незаконной.

10 октября, в понедельник, во дворце культуры шахты состоялась встреча коллектива шахты с председателем областного Законодательного Собрания, А. Тулеевым, генеральным директором концерна «Северокузбассуголь» Е. Кухаренко, представителем «Росугля» в Кузбассе В. Шахматовым и заместителем главы городской администрации В. Макаркиным. А. Тулеев заявил о полной поддержке требований горняков «Судженской» и о подготовленном им встречном судебном иске против администрации, в случае давления на забастовщиков. Е. Кухаренко, выступая перед шахтерами, сказал: «Пора закончить всякие дебаты и предположения по поводу закрытия шахты «Судженская», никто закрывать ее не будет. Двух мнений нет: шахта должна и будет работать». В тот день бастующие и попросили А. Тулеева пригласить В. Жириновского в Анжеро-Судженск. В. Жириновский приехал в город 18 октября. В городском доме культуры, где состоялась его встреча с жителями города, были представители шахты «Судженской». Встреча явно удалась. По многочисленным отзывам, «он покорил Анжерку!» СТК отдал В. Жириновскому письмо с просьбой о выделении 3 миллиардов рублей для шахты. Письмо было на имена депутатов Госдумы В. Жириновского и Г. Зюганова.

По словам одного из членов СТК, через день после приезда В. Жириновского в Москву вице-премьер Олег Сосковец сказал по радио о необходимости финансовой поддержки «Судженской». Член ЛДПР преподаватель Анжерского филиала Томского госуниверситета А. Пушкарев впервые «появляется на сцене» во время встречи с В. Жириновским. Через три-четыре дня он уже вошел в тесный контакт с членами СТК, помогал им сформулировать требования для участия в общероссийской акции ФНПР в Кемерово. Во время поездки в Кемерово он был признан членами СТК как негласный лидер.

27 октября 55 рабочих шахты «Судженская» приняли участие в акции, организованной ФНПР Кемеровской области. А. Пушкарев зачитал требования трудового коллектива шахты «Судженская». К выдвинутым бастующими в начале забастовки требованиям добавились политические, касающиеся отставки правительства и Президента. В выступлении и формулировках чувствовался «стиль Жириновского».

2 ноября по инициативе СТК (пятого с начала конфликта, поскольку у людей не было доверия друг к другу, и перевыборы СТК стали обычным явлением) была предпринята попытка провести профсоюзную конференцию на шахте. Но состоялось лишь рабочее собрание (присутствовало только около 600 человек). Присутствовали также представители «Росугля» и областной администрации. Вел собрание А. Пушкарев. Никто из «высоких гостей» не был избран в президиум.

3–4 ноября в Кемерово состоялась сессия Законодательного собрания. 38 человек от шахты ездили пикетировать здание обладминистрации в поддержку А. Тулеева. 4 ноября, с утра, состоялось собрание трудового коллектива (присутствовало около 300 человек, это фактически сменное собрание). Решался вопрос о выходе из забастовки. У большинства рабочих был настрой начать работу, «ждать больше нечего, работать надо». Однако выступивший в роли ведущего собрания А. Пушкарев, активно поддержанный членами СТК, очень эмоционально рассказал о том, что журналисты местной телепрограммы «Пульс» уже сообщили, что шахта «Судженская» начала работу. Он призвал шахтеров делом опровергнуть лживую информацию и продолжить забастовку до 11 ноября. Его предложение было принято участниками собрания.

8 ноября приказом по концерну «Северокузбассуголь» временно исполняющим обязанности директора шахты был назначен находящийся на пенсии В. Реймаров. В прежние годы он работал главным инженером на «Судженской». По его словам, эта должность была предложена нескольким кандидатурам, но все отказались.

10 ноября на шахту приехал заместитель генерального директора «Росугля» В. Зайденварг. Он обсуждал с СТК и руководством шахты производственные вопросы и требования бастующих. В. Зайденварг заверил о поддержке руководством «Росугля» рабочих шахты и сказал, что у предприятия есть возможность выжить при выходе на ежесуточную добычу не менее 1 тысячи тонн угля. В противном случае, он не дает никаких гарантий улучшения материального положения шахтеров. Для стимулирования рабочих было принято решение определить план работы на полмесяца, начиная с 14 ноября, и на этот план начислять премии и всевозможные коэффициенты.

11 ноября состоялось собрание трудового коллектива. Присутствовало около 600 человек. Выступили как новый директор шахты В. Реймаров, так и представитель ЛДПР А. Пушкарев. В. Реймаров говорил о том, что деньги за июль и август уже пришли на счет шахты и будут выплачены на следующий день. Он передал гарантии В. Зайденварга и обещал сделать все, от него зависящее, чтобы люди смогли начать зарабатывать деньги, а не просить, как нищие, подачки. Новый директор поддержал требования шахтеров и сказал: «Я с вами! Но для того, чтобы что-то требовать, мы должны давать уголь». Рабочие подтвердили свое согласие начать работу. Директор объявил, что, поскольку решение начать работу принято, то с сегодняшнего дня будет установлен жесткий контроль прогулов, которые не нужны коллективу. После этого слово взял А. Пушкарев, заявивший: «Мужики, все увольнения — только через СТК! Никого не бойтесь!» Он зачитал список требований бастующих, включающий требования отставки правительства, местного руководства и начальника аэропорта, не давшего возможности посадить в Кемеровском аэропорту самолет с депутатами Госдумы от фракции В. Жириновского. Последний пункт требований гласил:

«В случае невыполнения одного из требований, возобновление политической забастовки с оккупацией предприятия, жесткий пропускной режим от СТК, от трудового коллектива и от забастовочного комитета». Несмотря на настойчивость А. Пушкарева, директор убедил всех пойти на работу. Тогда А. Пушкарев объявил о прекращении забастовки 20 ноября.

21 ноября рабочие первой смены после наряда вышли в общий зал. А. Пушкарев начал свое выступление в присутствии примерно 80–90 человек. Постепенно подтянулись остальные, но численность собравшихся не превышала 180–200 человек. А. Пушкарев объявил, что создана организация Всекузбасский Союз Труда, в который вошли коллективы завода «Юрмаш», шахты «Судженская» и нескольких крупных предприятий Кемеровской области, сообщил о том, что с 16-го ноября «Юрмаш» возобновил свою забастовку, так как не получил обещанную выплату индексации заработной платы. После этого он призвал к возобновлению забастовки. Однако рабочие стали говорить о том, что нет смысла дальнейшего продолжения забастовки. После этого все разошлись по участкам и шахта в полном составе, за исключением нескольких человек, входящих в СТК, приступила к работе. К бастующим членам СТК обратился представитель Совета ветеранов шахты, сообщивший, что Координационным Советом готовится Всекузбасская забастовочная акция, назначенная на 12 декабря, и лучше, если члены СТК разъедутся по всей области, чтобы организованно ее провести. «Вот если вы поднимите юг Кузбасса, это будет дело! Что толку, экспериментировать на одной шахте!». Члены СТК посетили директора, который дал согласие оплатить им командировочные расходы для поездки по городам Кузбасса. После этого А. Пушкарев выступил перед рабочими второй смены, объявив о том, что СТК принял решение продлить предзабастовочное состояние до 1 декабря.

1 декабря должен был состояться отчет нового директора о работе за вторую половину ноября, о показателях добычи и величине заработной платы. Члены СТК обсуждали вопрос о необходимости создания городских стачкомов и организации рабочего движения в масштабах области. 21 ноября члены СТК получили документ концерна «Северокузбассуголь», в котором сообщалось о решении акционировать шахту «Судженская».

Согласно протоколу общего собрания, состоявшегося еще в 1993 году, трудовой коллектив выступил против акционирования.

Анализируя забастовку на «Судженской» представляется интересным следующее:

1. Трудовой коллектив долгое время не мог разрешить вставшие перед ним проблемы, «варился в собственном соку», использовал известные каналы выражения недовольства, но они не действовали;

2. Шахтеры использовали забастовку как крайнюю меру. Она не подействовала, так как «порог чувствительности» администрации значительно повысился;

3. Шахтеры были готовы пойти на беспрецедентные акты протеста. Например, готовились перекрыть всю технологическую цепочку добычи и обработки угля, прекратить жизнеобеспечение целого региона. Шел поиск наиболее «болезненного» удара по «начальству».

В ходе забастовки на «Судженской» высказывались даже отчаянные идеи взрыва газопровода рядом с городом. И тут появился В. Жириновский и представитель его партии. Он предложил новый канал выражения накипевшего недовольства рабочих — «партийный канал», то есть предложил создать ситуацию, при которой партия берет делегированные трудовым коллективом полномочия и использует: тактически — для давления на властные структуры в интересах рабочих, стратегически — для отстранения от власти правящей группировки.

На примере шахты «Судженской» мы видим использование «партийного» канала при передаче писем с требованиями трудового коллектива В. Жириновскому и Г. Зюганову. Этот канал сработал, поскольку, выступивший вскоре по российскому радио вице-премьер Правительства России О. Сосковец, призвал к финансовой поддержке шахты. То есть на какой-то период был достигнут консенсус между рабочими и партией. С одной стороны, используя политические рычаги, лидеры ЛДПР «выбивали» средства для шахты и помогали трудовому коллективу временно решить финансовые проблемы. С другой стороны, партия В. Жириновского обрела дополнительный авторитет и влияние на «политическом Олимпе». Таким

образом, можно говорить о том, что в условиях несоблюдения законных процедур прохождения жалоб и разрешения производственных конфликтов, институционализация производственного конфликта начала принимать партийные формы. Официальные каналы эти функции не выполняли.

Приведем два примера. Первый. Члены СТК шахты «Судженская» вручили список своих требований главе городской администрации и сказали, чтобы он организовал встречи шахтеров с главой областной администрации и руководством «Росугля», — вполне законные требования (нет нарушения правовых норм). Глава города ответил, что, во-первых, не в его компетенции приглашать руководителей высших эшелонов власти (так он выставил первый барьер для забастовщиков) и, во-вторых, отказал принять от членов СТК список требований бастующих. Таким образом, он блокировал законный канал выражения недовольства, и рабочие начали искать обходные, в том числе и незаконные, пути быть выслушанными. В принципе, они требовали от руководителей всего лишь сесть за стол переговоров как равноправные партнеры.

Второй пример. Использовав «канал главы администрации», потерпев неудачу в переговорах с главным инженером концерна «Северокузбассуголь» и чиновниками, рабочие решили передать письмо В. Жириновскому с просьбой о помощи. То есть был использован партийный политический обходной канал для давления на «Росуголь» уже не «снизу», а «сверху», через Госдуму. Однако в этом нет ничего принципиально нового: это — всего лишь влияние на производственные процессы «по партийной линии», только уже в условиях существования многопартийности.

Фактически этот шаг вел к возрождению приснопамятного «треугольника» директор — парторг — профорг, в котором совмещены функции профорга и парторга. Опасаться такой структуры в то время правительству было нелепо. Но это повлияло на создание «политотдела», комитета политических действий Росуглепрофсоюза — движения «Шахтеры России».

Разберем механизм формирования этого комитета политических действий профсоюза. 14 января 1994 г. нами была направлена аналитическая записка Председателю Росуглепрофсоюза

В. Будько с обоснованием необходимости формирования избирательного объединения под условным названием «Российская партия шахтеров».

В ноябре 1994 г. В. Борисов, помощник В. Будько, представил руководству профсоюза доклад о ходе забастовке в Анжеро-Судженске, итоговая мысль которого сводилась к идее открытия «партийного канала» воздействия профсоюза на шахтеров.

Аналогичные тенденции развивались на Украине. Осенью 1993 г. Председатель ПРУП Украины предлагал создать в республике «партию шахтеров».

Руководители Росуглепрофсоюза тогда опасались не столько роста влияния «альтернативного» профсоюза НПГР, находившегося в кризисе, сколько возможности деструктивного воздействия на шахтеров со стороны радикально настроенной интеллигенции близкой к ЛДПР или РКРП. Причина боязни проста: при всех разногласиях НПГР и Росуглепрофсоюза, и тот и другой заинтересованы в конструктивном решении социально-производственных конфликтов на шахте, по крайней мере, в нормальном функционировании шахты, в то время как для радикалов главное — добиться политических результатов вне зависимости от того — будет ли работать шахта далее или нет. Радикалы способны «уложить шахтеров в забастовку», результат которой будет плачевным для технологической цепи угольной отрасли. В ходе обсуждения процедуры создания политического объединения шахтеров, руководители профсоюза угольщиков отказались от термина «партия» в пользу понятия «движение» и по нашему настоянию оставили название «Шахтеры России», вместо предлагаемого заведующим международным отделом профсоюза В. Мячиным наименования «За возрождение горняцких регионов».

11 марта 1995 г. в Кемерово прошла учредительная конференция объединения. Спустя полтора месяца «Шахтеры России» были зарегистрированы Минюстом России как межрегиональное общественно-политическое движение. То есть на практике был реализован принцип формирования партии «сверху». Создание движения «Шахтеры России» в то время не было чем-то сверхоригинальным.

В 1995 г. многие профобъединения учли печальный опыт выборов в Государственную Думу 1993 г. Тогда, накануне выборов ассоциация заместителей директоров по кадрам и быту, то есть ФНПР долго убеждала Гражданский союз, Российский социал-демократический союз, Социал-демократическую партию России и даже Партию труда в надежде создать свой избирательный блок. Ему даже дали название — «Преображение». Но блок не состоялся. Примерно 40 ФНПРовцев баллотировались в составе 12 избирательных объединений и, естественно, почти все проиграли. Их судьбу разделили и 15 представителей альтернативных профсоюзов. Неудачей окончились попытки формирования избирательных объединений на базе независимых профсоюзов «Соцпроф», сотрудничавшего в этом деле с ПЭС, ФПАД и профсоюзом моряков. Созданный при участии Российской конфедерации свободных профсоюзов (РКСП) блок «Хартия-93» не был даже зарегистрирован ЦИК. По одномандатным округам баллотировались 30 ФНПРовцев. Два представителя агропрофсоюза победили в одномандатных округах при поддержке Аграрной партии. Остальные — проиграли. Профсоюзный «электоральный провал» подчеркнуло и то, что ЛДПР, получившая больше всех голосов избирателей в 1993 г., даже не включила в свой список представителей профсоюзов. И самое парадоксальное, — именно представитель ЛДПР занял в Государственной Думе «профсоюзный» комитет, комитет по социальной политике.

В 1995 профобъединения начали создавать «свои» политические партии или входить в существующие политические объединения с целью создать «лейбористский блок». ФНПР маневрировала вместе с Промпартией (лидер В. Щербаков) и Федерацией товаропроизводителей (лидер Ю. Скоков) в надежде создать избирательное объединение «Профсоюзы России — на выборы». Не удалось. Ю. Скоков отказался, предпочтя союз с А. Лебедем в рамках Конгресса русских общин. Тогда ФНПР создала избирательное объединение Союз труда, куда вошли Промпартия и обломки Гражданского союза (лидер А. Вольский). При этом лидер ФНПР самоуверенно заявил, что Союз труда поддержат все членские организации федерации. Этого не произошло. Профсоюз работников агропромышленного комплекса отказался поддерживать Союз труда и

вошел
в состав блока создаваемого Аграрной партии России. Профсоюз «Торговое единство» поддержал объединение «Женщины России». Профсоюз текстильщиков — «Союз реалистов», а профсоюз работников инновационных и малых предприятий — Партию социальной демократии (лидер А. Яковлев).

Деятельность руководства Росуглепрофсоюза по созданию «Шахтеров России» выглядела на этом фоне, не как «раскол», а скорее, как еще одно подтверждение политического «полураспада» ФНПР — ассоциации заместителей директоров по кадрам и быту. Для руководства Росуглепрофсоюза создание «Шахтеров России» осложнялось не столько позицией лидеров ФНПР, сколько политическими действиями теркомов угольщиков.

В среде местных лидеров Росуглепрофа царили «разброд и шатание». В Кузбассе они активно поддерживали А. Тулеева и КПРФ. В Новокузнецке профсоюз угольщиков в блоке с движением «Трудовой Новокузнецк» на местных выборах получил 2 депутатских места в городской думе. В Ростовской области обстановка была иной. В г. Шахты лидеры Росуглепрофа уже не в союзе, а в борьбе с КПРФ, при поддержке СДПР выиграли 11 из 16 округов по выборам депутатов городской думы, а также получили 3 мандата в областном законодательном собрании. В Анжеро-Судженске угольщики ориентировались на ЛДПР, в Инте — на «Яблоко», а на Сахалине поддерживали «Женщин России» и АПР. Такой политический «разнобой» обескураживал лидеров Росугепрофа.

В своих аналитических записках руководителям Росуглепрофа автор этой работы пытался доказать, что в ходе федеральных выборов не позиция руководителей местных организаций определяет степень электоральной поддержки объединения, а образ, созданный федеральными СМИ.

Этот образ должен быть привлекателен:

1) для большинства числа избирателей-популистов, ненавидящих «начальство»;

2) для реального политического руководства страны (по крайней мере, он не должен мешать его планам);

3) для зарубежных союзников.

Для достижения первой цели мной предлагалось создать образ «бунтующих» против «начальства» «мужиков-шахтеров». В качестве информационных поводов для СМИ использовать угрозу общероссийской забастовки угольщиков, а также реальные акции протеста шахтеров. Лидеров забасткомов Воркуты, Ростовской области и Кузбасса предлагалось включить в избирательный список «Шахтеров России» под первыми тремя номерами.

Для усиления психологического воздействия на избирателей, предлагалось использовать в качестве аудиальных стилевых элементов «Шахтеров России» ставшую поистине народной песню «Спят курганы темные», популярную в среде городской интеллигенции песню В. Высоцкого «Черное золото», а также тогда хорошо известную среди «почвенников»-интеллектуалов и в среде шахтеров песню XIX века «Коногон» (мелодия «Коногона» стала общероссийским хитом спустя три года после описываемых событий — «Нас извлекут из-под обломков...»).

«Бунтующие мужики-шахтеры» при этом не должны были мешать реальному политическому руководству страны. Поэтому вслед за «бунтарями» в «проходную», федеральную часть списка избирательного объединения предлагалось включить представителей Минтопэнерго, «Росугля» и Росуглепрофсоюза.

Наконец, зная интерес мировой левой и близкой к ней западной интеллигенции к шахтерскому движению в России, мною предлагалось использовать социал-демократическую и анархо-синдикалистскую символику — розу в кулаке (чтобы не путали с СДПР — ориентированную не вертикально, а горизонтально) и черно-красное знамя. В качестве информационного повода для российских и зарубежных СМИ предлагалась подача заявления о приеме в Социнтерн. Это могло содействовать укреплению умеренного «левого» образа движения и могло частично привлечь симпатии западных интеллектуалов.

В декабре 1994 г. мною была предложена первый PR-план движения «Шахтеры России». Он предполагал проведение расширенного заседания забасткомов и организацию в апреле-мае 1994 г. «шахтерского похода» на Москву. Этот план

актуализировал протестные и сепаратистские настроения в шахтерской среде. Тогда же была проведена оценка сметы избирательного движения «Шахтеры России». Мною она была оценена в 1563,2 тыс. долларов. Радикализм программы насторожил лидеров Росуглепрофсоюза. Идеи были отвергнуты и деньги не были выделены. При этом руководители профсоюза прекрасно понимали, что указанную сумму они могут получить только из федеральных источников, поэтому в марте 1995 г. согласовали создание «своего» движения с министром топлива и энергетики. «Начальство» не возразило.

Только после этого был проведен учредительный съезд движения. Однако здесь начались трудности.

Весной 1995 г. по приказу Б. Ельцина начало создаваться движение «Наш дом — Россия» (НДР). Соответственно премьер-министр В. Черномырдин отдал распоряжение всем «своим» ведомствам (в том числе Минтопэнерго) поддержать НДР, поэтому уже в апреле 1995 г. министр топлива и энергетики, видимо, «одернул» лидера Росуглепрофа, а последний из осторожности отказался регистрировать «Шахтеров России» как федеральное объединение, настоял на его межрегиональном статусе. Мне кажется, что тогда же он дал обязательство о поддержке НДР.

«Шахтеры России» были зарегистрированы министерством юстиции 24 мая 1995 г. в один день с НДР. И уже через несколько дней руководитель «Росугля» заявил, что движение поддержит НДР, хотя никаких документов о поддержке правительственного блока движение не принимало. При этом в угольных регионах в исполкомах НДР для Росуглепрофа и «Шахтеров России» было «зарезервировано» по два места.

Летом 1995 г. нами был предложен новый PR-план движения «Шахтеры России», рассчитанный на предвыборный период. План предполагал следующие акции:

1. День памяти шахтеров, погибших в забоях. В рамках подготовки этого дня планировалось принять обращение в Государственную Думу с просьбой сделать день памяти шахтеров официальной государственной мемориальной датой. Планировалась закладка часовни и покупка 1 минуты молчания, в память погибших горняков, на федеральных каналах ТВ;

2. Пикеты, собрания, митинги, посвященные годовщине шахтерской забастовки 1989 г.;

3. Публикация в СМИ призыва ко всем трудящимся страны отработать один день в пользу разрушенного землетрясением Нефтеюганска;

4. Спортивный турнир на приз «Шахтеры России»;

5. Фестиваль шахтерской прессы;

6. Встречи с руководством «Шахтеров России» на предприятиях Москвы.

На наш взгляд, план позволял до официального начала избирательной кампании провести презентацию движения, продемонстрировать его символику и начать создавать образ «бунтующих мужиков». Но именно это по тактическим соображениям было уже не нужно лидерам Росуглепрофсоюза. Они не желали даже минимально конфликтовать с «начальством» из НДР. Проект «Шахтеры России» был заморожен.

12 октября 1995 г. провалилась всероссийская забастовка шахтеров, организованная Росуглепрофом. Журнал «Огонек», спонсируемый «кремлевскими олигархами» расценил этот провал как политические похороны «Шахтеров России». «Мы думали, что они сила, а они...» — иронизировал автор статьи «Антрацитный блеф», в которой говорилось, что рыночные отношения победили забастовочные настроения среди шахтеров.

При этом в ходе выборов в Государственную Думу 1995 г., «Шахтеры России» одержали одну частную победу — провели в депутаты Федерального собрания лидера ростовского теркома В. Катальникова. Эту победу можно высоко оценить, учитывая то, что против «Шахтеров России» в Шахтинском округе работали политтехнологи близкого к Кремлю консалтингового агентства «Николло М».

Оценивая сегодня попытку создания «политотдела» Росуглепрофсоюза замечаешь, что идеи, заложенные в основу проекта, были абсолютно верными. Просто образ «бунтующего мужика» в 1995 г. не был востребован российской номенклатурой. Он потребовался лишь в 1999 году для создания «Единства» как образ «периферии» бунтующей против «московского начальства». Но анализ этого явления не входит в наши планы.

Заключение

I. В конце 80-х — начале 90-х годов одна часть номенклатуры (российская) экспроприировала собственность у другой номенклатуры (союзной), приватизировала ее, и превратилась в буржуазию. Грабеж подобного рода был формой первоначального накопления. Он был юридически безопасен и стал возможен благодаря массовой поддержке российского режима со стороны рабочих, в первую очередь — шахтеров.

II. Требования бастующих шахтеров того периода можно разделить на 7 групп:

1 — экономические — прономенклатурные. Формально эти требования включали в себя идеи предоставления экономической независимости шахт, реорганизации государственных угольных предприятий в иные формы собственности, разрешения продажи сверхпланового угля за рубеж, поднятие цен на уголь, разрешения самостоятельно устанавливать нормы выработки. Фактически реализация шахтерских требований вела к превращению шахт в частные предприятия, вхождению в мировой угольный рынок, получению обуржуазившейся номенклатурой «стартового» капитала, в том числе за счет ограбления внутренних потребителей угля, а также — к увеличению абсолютной нормы эксплуатации рабочих в сфере угольного производства.

2 — политические — прогорбачевские. Шахтеры требовали изменений в электоральном законодательстве, законодательстве о партиях, митингах, профсоюзах, средствах массовой информации. Они требовали реальной свободы совести, а также — реорганизации репрессивных ведомств. Реформа высших органов государственной власти управления и силовых структур в то время планировалась и М. Горбачевым. В этом шахтеры и Президент СССР были едины. Однако последний был категорически против сепаратистских, дезинтеграционных по отношению к СССР, требований бастующих, которые стали основными к весне 1991 г.

3 — управленческие — «антибюрократические». Фактически эти требования были проявлением классовой ненависти рабочих к буржуазии, но удачей российской обуржуазившейся номенклатуры стало то, что ей удалось выместить эту

ненависть на ложном объекте — «белых воротничках», управленческом персонале шахт.

4 — профсоюзные. Требования улучшения условий труда. Фактически это был счет, предъявленный рабочими номенклатуре и, естественно, не оплаченный.

5 — сепаратистские. Требования реорганизации и дезинтеграции СССР, которые совпадали с устремлениями националистов и националистически настроенной номенклатуры советских «окраин».

6 — изоляционистские. Требования прекращения «помощи» СССР «братским» странам.

7 — идеологические. Главное — ликвидация КПСС и символов ее власти.

III. У бастующих не было представления о реальном капитализме. Мы вычленяем у них что-то типа мечты о «дачном капитализме», желании значительной части шахтеров иметь в собственности машину, дачу, земельный участок, трактор. О механизме работы шахты в условиях капитализма горняки не задумывались.

IV. Для горняков был важен процесс забастовки, а не результат. Следовательно, мы имеем дело не с организованным рабочим движением, а с социально-ролевой игрой. Отсюда вывод: изучать такую игру в классической парадигме развития социально-трудового конфликта невозможно. Поиски тредюнионистского сознания в забастовках конца 80-х — начала 90-х абсурдны.

V. Анализируя митинги и листовки бастующих, мы вывели тезаурус этой игры. Это — игра в «героя и дружину», где «героем» выступал Б. Н. Ельцин. Алгоритм этой игры неоднократно описан в литературе.

VI. Реальное политическое руководство СССР «подыграло» бастующим. Оно обеспечило принятие закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», который не был рассчитан на применение. Закон лишь трансформировал и стимулировал игру в «героя и дружину».

VII. Нами выведен алгоритм забастовки 1989–91 гг.:

Источник забастовочной активности того периода — внешний. Рабочих «подталкивали» к стачечной борьбе.

Срок забастовки устанавливался ситуативно. Забастовка могла начаться как однодневная стачка солидарности, а затем — трансформироваться в бессрочную политическую забастовку или в бунт.

Выдвижение бастующими требований — не обязательное условие забастовки. Мы отмечаем забастовки без выдвижения требований.

Степень пассионарности забастовки зависела от срока подземной забастовки.

Забастовки трансформировались. Наибольший интерес представляет трансформация политической забастовки в экономический конфликт, борьбу за контроль технологической цепочки производства. В этой ситуации номенклатура начинает активно вмешиваться в забастовку. При решенном экономическом конфликте об управлении технологической цепочкой производства забастовка прекращалась.

Для прекращения забастовки буржуазия использовала следующие каналы давления на забасткомы: государственный, силовой, семейный и самый действенный — технологический.

Нами также подмечен кумулятивный эффект от забастовки — ее расширение или невозможность прекращения из-за забастовок смежных и соседних коллективов и трансформации в вынужденную забастовку.

VIII. Мы определили основных акторов забастовочной игры:

1. бастующие — члены «дружины героя» (они составляли от 3 % до 75 % трудового коллектива);

2. противники бастующих — противники «героя»;

3. союзники бастующих — союзники героя. Зачастую именно они были разработчиками технологии забастовки (но не всегда бастующие выполняли их рекомендации);

4. «ходатаи» — «гонцы» от «дружины» к «герою». Очень часто они становились лидерами забастовки, так как первыми «узнавали», что хочет «герой»;

5. радикалы — самые последовательные бастующие (не более 5 % от численности трудового коллектива). Как правило, они выражали эгалитаристские идеи;

6. штрейкбрехеры — противники забастовки. Это могли быть открытые противники, скрытые, а также — сторонники

только экономической забастовки и противники политической. Штрейкбрехерство, по нашим наблюдениям, имело «женское лицо», то есть основную массу противников стачек составляли работницы, а не рабочие;

7. шпильбрехеры — «нарушители игры» в «героя и дружину», члены трудового коллектива, которые не принимали участия в акциях забасткома, но и штрейкбрехерами не были. Они в ходе забастовки могли взять отгул, уйти в отпуск, не участвовать в собрании, «укладывающим шахту», наконец, могли попросту напиться и впасть в алкогольное забытье;

8. формальные противники бастующих — директорат. Формально большая часть требований бастующих направлялась директору шахты. Он был, как бы, первой «противостоящей» бастующим инстанцией. Однако практика показала, что директора (особенно государственных предприятий) реального сопротивления забасткому не оказывали, особенно, когда требования бастующих носили политический характер.

IX. На примере ОЗК ПО СУБР нами выявлены основные функции забасткома. Самое парадоксальное — мы не можем утверждать, что забастком является органом руководства забастовкой. Таким органом, на наш взгляд, является собрание (митинг) трудового коллектива. Кроме того, в ходе стачки может возникнуть множество органов, претендующих на «руководство» ей, но это только способствует кумулятивному эффекту от забастовки. Изучаемый нами объединенный забастком ПО СУБР постепенно становился властным органом в регионе. Он обеспечивал работу предприятия (в той мере, в какой это необходимо для забастовки), выполнял информационные, контрольные, электоральные, представительские, торговые функции, а также — диспетчерские по поиску союзников. То есть ОЗК ПО СУБР был нечто средним между политической партией, торгующей организацией, профсоюзом и дирекцией ПО.

X. Финансирование забастовок начала 90-х годов шло со стороны демократических организаций, «новых» профсоюзов и зарубежных организаций (в первую очередь — АФТ-КПП). Однако главным инвестором забастовок была российская номенклатура (в том числе в лице лидеров ФНПР), а также часть союзной номенклатуры, согласная с разделом СССР.

XI. Особенно отметим забастовки во время событий ГКЧП. Те события мы трактуем как взятую под контроль правящим классом, популистскую революцию. Наибольший размах этой революции пришелся на период после поражения ГКЧП, на 22–29 августа 1991 г. Во время путча ГКЧП, сторонники Ельцина начали требовать от забасткомов революционных действий (например, стачки без традиционного митинга), что ранее было нетипично. Из Центра требовали также переподчинить забасткомы советской вертикали. Однако рабочие не пошли на это. Забастовка против ГКЧП начала разворачиваться по традиционному алгоритму. Стачка развивалась параллельно революционным акциям (сносу памятников и т. п.), но была быстро остановлена и взята под контроль номенклатурой, испытавшей дикий страх перед возможным перерастанием стачки и популистской революции в вооруженное восстание. В ходе забастовки против ГКЧП мы выявили две линии поведения работников предприятий: «директорскую» и «рабочую». Первая — конформистская по отношению к ГКЧП, но штрейкбрехерской ее назвать трудно. Вторая основывалась на требованиях радикальной смены власти, но на первое место выдвигала метафизические требования (ликвидацию символики КПСС, переименование улиц и т. п.).

XII. Создание местных организаций НПГР в первой половине 1991 г. — не следствие развитие забасткомов, а навязанное «сверху» действие. Это была трансформация революционного органа власти, в орган, действующий по поручению реального политического руководства страны, фактически в не-власть. Это была скрытая форма взятия номенклатурой забастовок под контроль. Шахтеры — основатели НПГР даже не понимали, что создают: партию, «старый» профсоюз или «новый» профцентр.

XIII. Мы показали, что в изучаемый период под термином «профсоюз» могли «прятаться»:

1. Предпринимательские ассоциации;
2. Ассоциации заместителей директоров по кадрам и быту (ФНПР);
3. Имитативные, мнимые организации;
4. Протопрофсоюзы, т. е. рождающиеся профсоюзы «западного» типа.

Мы отмечаем также использование российской номенклатурной буржуазией профсоюзов и забасткомов для приобретения капитала в ходе «директорских» забастовок, развивающихся по схеме: забастовка на государственном предприятии — выделение из государственного бюджета денег «для нужд трудящихся» — «прокрутка» этих денег в банке или присвоение их. Кроме того, мы отмечаем случаи использования буржуазией профсоюзного законодательства для скрытия доходов и «ухода» от уплаты налогов.

XIV. В конце 1991–1992 гг. буржуазия находилась под влиянием страха, пережитого в дни популистской революции, произошедшей после свержения ГКЧП. Поэтому уже в 1992 г. началась настоящая борьба с забастовочным движением. Номенклатурная буржуазия политически нейтрализовала бастующих, дискредитировала идею забастовок:

1) При помощи деморализующих рабочих псевдозабастовок ФНПР;

2) При помощи профанации политической стачки движением «Трудовая Россия»;

3) При помощи профцентра «Соцпроф», объявившего мораторий на забастовки на период «реформ»;

4) Провоцируя кризис в самых активных профсоюзах, например, НПГР. Наконец, буржуазия прибегла к подавлению забастовок через репрессивные органы.

Перечисленные меры привели к сокращению масштабов забастовочного движения и снижению уровня его интенсивности в период массовой приватизации 1992–1993 гг. Но, на наш взгляд, главной причиной упадка забастовочного движения стала массовая социальная фрустрация, наступившая в результате «окончания» игры в «героя и дружину». Шахтеры ожидали наступления «золотого века», но не получили его. Разочарованные «члены дружины» начали искать «нового героя» и менять правила игры.

XV. Манипулирование забастовочным и профсоюзным движением привело к дискредитации забасткомов и профсоюзов в глазах большинства россиян. Это выразилось в том, что:

1) В ходе октябрьских событий 1993 г. большинство жителей России «разрешило» одной части номенклатуры

«побить» другую часть. Призывы российских парламентариев и А. Руцкого к забастовкам услышаны не были;

2) Усилились радикальные акции протеста рабочих. Развивались голодовки. Росли самоубийства. Появились угрозы терактов и квазивооруженного протеста. Началась «рельсовая война». Нами отмечается кумулятивный эффект забастовок и голодовок, регионализация радикальных форм протеста, широкое распространение «скрытых» забастовок, усиление влияния партий на забастовочное движение.

XVI. К 1994 г. игра бастующих в «героя и дружину» трансформировалась. Были найдены «новые герои», например, В. Жириновский, но главное — шахтерам стало безразлично, кто «водит», кто «укладывает» шахту «в забастовку»: ПРУП, НПГР, ЛДПР или иная структура. При этом важным каналом институционализации недовольства горняков стал партийный канал. Это попытались воспользоваться лидеры «Росуглепрофсоюза», создавая движение «Шахтеры России», но потерпели неудачу, причины которой кроются в почти полном подчинении «Росуглепрофа» «партии начальства» — НДР.

Итак, в 1989–1991 гг. трансформирующаяся номенклатура в ходе процесса первоначального накопления и экспроприации союзной собственности навязала рабочим социально-ролевую игру в «героя и дружину», профинансировала ее, решила свои экономические и частично политические задачи, а также — «втиснула» рабочее движение в рамки «новых» профсоюзов. Побочным эффектом от таких действий стало стимулирование элементов экономической демократии, ряда структур, способных стать частью формирующегося гражданского общества, рост гражданского самосознания. Лидеры номенклатуры вовсе этого не желали. Особенно они испугались популистской революции и возможного вооруженного бунта. Именно поэтому в 1991–92 гг. трансформирующаяся номенклатура начала активно осваивать приемы манипуляции забастовочным движением. Наибольший размах эти манипуляции получили в 1993–95 гг., когда миллионы рабочих молчали в ходе массовой приватизации, расстреле Белого Дома России, «первой» чеченской войны, и участвовали в «политшоу», типа ФНПРовского «дня действий», а также доверяли свои голоса ЛДПР, КПРФ или «Шахтерам России».

К середине 90-х рабочие были дезориентированы и частично разочарованы. Они боролись в начале 90-х за улучшение жизни, а получили — ухудшение. Хотели создания новых властных органов — получили всего лишь «новые» профсоюзы. Хотели революционных преобразований — получили лишь то, что не противоречило интересам новых «хозяев жизни». Хотели организовать забастовки — получили социально-ролевую игру. Выход из этого положения был найден позже, в конце 90-х, когда началась борьба за захват рабочими предприятий. Но это — совсем другая история. Возможно, мы когда-нибудь проанализируем ее.

Сегодня нам ясно, что к 1998 г. ситуация в стране серьезно изменилась. Произошел августовский дефолт. Он означал конец старой игре. И бастующие начали взаимодействовать с новыми властными структурами:

а) новой буржуазией, возникшей в 1991–97 гг.;

б) «братвой», криминальным сообществом.

Самое интересное, что новая буржуазия и «братва» предложили рабочим в качестве новых методов борьбы с номенклатурным капиталом хорошо забытые старые. Наиболее удачливые «новые русские» сделали ставку на «левизну». Они адаптировали к своим нуждам традиционно левые методы политической борьбы. Например, они открыто начали эксплуатировать левую идеологию, идеи социализма.

В 1996 кандидат в Президенты России, известный предприниматель В. Брынцалов создал свою социалистическую партию. Депутат Госдумы созыва 1993–1995 гг., предприниматель В. Гуськов в ходе избирательной кампании 1995 года активно использовал левую идею общественного самоуправления.

Наконец, в конце 90-х предприниматели начали прибегать к абсолютно «леворадикальной» тактике — приступили к совместному с рабочими или при использовании рабочих захвату предприятий. Захваты предприятий стали реальностью в Санкт-Петербурге, Москве, Норильске, Ачинске, Калининграде, Выборге, Тавде. Самые известные захваты происходили на ликеро-водочном заводе «Кристалл», «Уралхиммаше», Тавдинском гидролизном заводе, Качканарском

горно-обогатительном комбинате, Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате.

В марте 2002 на таганрогском металлургическом заводе прошло противостояние «старой» и «новой» администрации с участием рабочих, ОМОНа, вневедомственной охраны и т. п. 9 апреля 2002 произошел конфликт в аэропорту Домодедово, где рабочие и старая администрация не пускали на предприятие новую администрацию. На следующий день 10 апреля — возник конфликт на Москомплектмебели, где прошла драка рабочих, поддерживающих старую администрацию с представителями новой администрации.

Захваты предприятий, видимо, стали реакцией на нерешенность проблем популистской революции 1991 года, незавершенности путча 1993 года, следствием непродуманной приватизации, с одной стороны, и бунтарских методов борьбы, с другой стороны. Можно предположить, что захваты предприятий стали новой, современной формой социально-ролевой игры в «героя и дружину». «Героем» в этой игре становится уже не Ельцин или Зюганов, а «свой» директор или предприниматель, который, с одной стороны, борется с «плохими» иными предпринимателями или директорами, а, с другой стороны, уже совсем по-иному взаимодействует с забастовочным комитетом. И именно эта фаза игры способна разрушить ту систему, которая создана в нашей стране за последние десятилетия. В заключение отмечу одно — если номенклатурная буржуазия в ходе приватизации отняла у современного российского рабочего все, вплоть до цепей, то не номенклатурная готова немного раскошелиться и купить для рабочего и цепи, и клетки, и удавку. В этом она «левее» и «гуманнее» «старых», вышедших родом из КПСС, олигархов.

Список использованных источников и литературы

Источники неопубликованные:

1. Коллекция материалов Объединенного забастовочного комитета производственного объединения «Севуралбокситруда» (личный фонд А. Чезганова). 1989–1991 гг.

2. Коллекция материалов Независимого профсоюза горняков России. 1991–1993 гг.

3. Коллекция материалов Штаба поддержки Федерации профсоюзов авиадиспетчеров России. 1992 г.

4. Коллекция материалов межрегионального движения «Шахтеры России». 1995 г.

5. Коллекция материалов службы избирательных кампаний и кадровых рекомендаций Социал-демократической партии России. 1992–1993 гг.

6. Коллекция материалов Национальной информационной корпорации. 1994–1995 гг.

Источники опубликованные:

7. Алексеев А. Мы за сильную Россию / М., 1994.

8. Забастовка: Вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь / М., Профиздат, 1989.

9. Карпенко И. Даешь приватизацию! Требует московский завод «Калибр» // Известия, 08.02.94.

10. Левчик Д. А. Бастуем! // Братеево, 1993, № 1 (11).

11. Левчик Д. А. К кому бы примкнуть? // Правда, 24.06.95.

12. Левчик Д. А. Международное профсоюзное движение и проблемы внешнеполитической ориентации профсоюзов России // Братеево, 1993, № 1 (11).

13. Левчик Д. А., Бондуровская В. Н., Нахимовский А. М. Забастовка?.. // Время, 1990, № 13.

14. Левчик Д. А., Горбашов И. Н. Такова цена ошибки // Новая социал-демократия, 1993, № 1.

15. Левчик Д. А., Трусов Н. «Шахтеры России» выходят на политическую сцену // На-гора, 1995, № 11–12.

16. Политковская А. Сага Свердловская. Чисто конкретная // Новая газета,26.09.2000.

17. Профсоюзы на выборах. Только цифры // Солидарность, 1993, № 22 (71).

18. Шахтер, которого выбрали казаки // Донецкий рабочий, 23.11.93.

19. Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М, 1992, ч. 1–2.

20. Пресс-выпуск Госкомстата № 136-ВС. 27.07.92.

Литература:

1. Антрацитный блеф // Огонек, 1995, № 43, с. 18–19.

2. Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М., Федоренко Т. Имидж лидера / М., Знание, 1994.

3. Берн Э. Игры, в которые играют люди; Люди, которые играют в игры / Спб, Лениздат, 1992.

4. Булавка Л. А. Портрет протестного движения в постсоветской России // Самозащита прав трудовых коллективов. Библиотека журнала «Альтернативы» / М, 2001, вып.1 (5).

5. Булавка Л. А., Керемецкий Я. Н., Рудык Э. Н. Рабочий протест в России: опыт и проблемы / М., Экономическая демократия, 2000.

6. Говорухин С. Великая криминальная революция / М, Андреевский флаг, 1993.

7. Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М., Прогресс-Комплекс, 1993.

8. Гроф С. За пределами мозга / М, Изд-во трансперсонального института, 1993.

9. Бельчик И. А. О политической ситуации в Кузбассе (по результатам социологических исследований) // Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. II, с. 276–279.

10. Бизюков П. В. Мнение шахтеров о приватизации // Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М, 1992, ч. II, с. 280–295.

11. Журавлев В. В., Аксютин Ю. В., Горшков М. К., Ненароков А. П., Озерский И. З. История России. Советское общество. 1917–1991: Экспериментальное учебное пособие для средних школ / М., Терра, 1997.

12. Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия на пороге новых битв / М., 1992.

13. Кобяков А. Б., Булычкина Г. К. Проблемы самоуправления производственных коллективов в ряде зарубежных стран. Рекомендации по применению зарубежного опыта в Российской Федерации / М., 1992, рукоп.

14. Комаровский В. В. Шахтерское движение и социально-экономическое развитие российского общества // Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М., 1992, ч. II, с. 268–275.

15. Крестьянинов А. Н., Кукса О. М., Лаврентьева Р. И., Маслова Н. М., Миловидов Ю. Н., Моисиевич В. А. Забастовка. Зарубежный и отечественный опыт / М., Академия труда и социальной защиты, 1998.

16. Кацва А. М. Массовые протестные действия в условиях общественной трансформации (90-е годы XX века) // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / М., Экономическая демократия, 2001, с. 135–142.

17. Куцылло В. Записки из Белого Дома. 21 сентября — 4 октября 1993 / М., Коммерсантъ, 1993.

18. Левчик Д. А. Новые профсоюзы в постперестроечной России // Братеево, 1994, № 1 (23).

19. Левчик Д. А. Политические аутсайдеры // Кентавр, 1995, № 6, с. 58–72.

20. Левчик Д. А., Борисов В. А. Забастовки и голодовки как элемент политической борьбы // Труд и социальные отношения, сер. Позиция, 1996, № 1, с. 3–20.

21. Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий / М., Палея, 1993.

22. Рудык Э. Н. Производственная демократия (западный опыт и возможности его использования в России) / М., ИЭРАН, 1992.

23. Сысоева Н. И., Лозовой М. В. Имидж профсоюзного лидера (деловое общение) / М., УИЦМФП, 1994.

24. Тишайшие переговоры /М., Магистериум, 1993.

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Забасткомы 1989–1991 гг.
Начало борьбы 26

Глава 2. Забасткомы, ГКЧП
и забастовочная борьба 1992–1993 гг. 103

Глава 3. Забасткомы, профсоюзы,
выборы 1994–1995 гг. 168

Заключение 196

Список использованных источников и литературы 205

Левчик Дмитрий Александрович

Бастующая Россия. Шахтерские забастовочные комитеты и профсоюзы 1988–1995 гг.

Монография

Верстальщик *С. Ледовская*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru